

4 Б24

Бархударов Л. С.

Б 24 Язык и перевод (Вопросы общей и частной теории перевода). М., «Междунар. отношения», 1975.

240 с.

На материале переводов художественной и **общественно-политической** литературы с английского языка на русский и с русского на английский автор подвергает рассмотрению процесс перевода с **общелингвистической** точки зрения. В книге содержатся как теоретические обобщения, так и практические указания и рекомендации, которые могут быть использованы начинающими переводчиками в их практической деятельности.

70104—033

4

Б 49—75
003(01)—75

с Издательство «Международные отношения», 1975.

ОТ АВТОРА

Предлагаемая книга написана на основе курса лекций по лингвистической теории перевода, который автор читал в течение ряда лет в Московском государственном педагогическом институте иностранных языков им. М. Горького и в других вузах. В центре внимания автора стоят вопросы, связанные с общей лингвистической теорией перевода; однако материалом для их освещения и для иллюстрации выдвигаемых в работе общетеоретических положений служат переводческие соответствия, устанавливаемые в плане двух конкретных языков — русского и английского (причем рассматривается перевод как с английского языка на русский, так и, в меньшей степени, с русского на английский). Отсюда и подзаголовок книги — «Вопросы общей и частной теории перевода»; общая теория перевода есть предмет настоящей работы, частная — ее материал. Поскольку построение теории перевода немыслимо без предварительной разработки соответствующей проблематики, входящей в компетенцию языкознания, при написании настоящей работы оказалось невозможным обойтись без включения в нее вопросов, относящихся, строго говоря, к компетенции не теории перевода как таковой, а к общей и частной теории языка. В первую очередь, это относится к проблемам семантики: поскольку в рамках принятого автором настоящего исследования подхода к переводу абсолютно необходимо наличие адекватной семантической теории, в настоящей работе пришлось уделить много места разъяснению позиций автора по семантическим проблемам, тем более, что принятая в работе точка зрения расходится с господствующей в современном языкознании (во всяком случае, с концепцией, принятой в большинстве работ, написанных у нас в Советском Союзе). Автор вполне отдает себе отчет в том, что это, в свою очередь, привело к некоторому «смещению акцентов» с собственно переводческой проблематики на вопросы, связанные с проблемами общего и

3

сопоставительного языкознания, что, видимо, совершенно неизбежно при современном состоянии лингвистической теории перевода.

В качестве материала исследования берутся, как правило, опубликованные переводы произведений художественной литературы (фамилия переводчика указывается лишь при первом цитировании). Там, где нет ссылки на фамилию переводчика, перевод осуществлен самим автором (это относится почти исключительно к материалам газетно-публицистического жанра). Основная установка в настоящей работе — описательная (аналитическая), а не нормативная; поэтому цитированные переводы не следует трактовать как «идеальные» или «рекомендуемые», они рассматриваются лишь как возможные.

Некоторые разделы настоящей работы опубликованы в виде статей в различных научных изданиях в период между 1962 и 1972 гг.; однако в настоящей книге они подверглись существенной переработке, большая же часть материалов этого исследования публикуется впервые.

4

Глава первая

СУЩНОСТЬ ПЕРЕВОДА

1. Предмет теории перевода

§ 1. Слово «перевод» имеет несколько различных значений. Так, в «Толковом словаре русского языка» под редакцией Д. Н. Ушакова указывается на наличие у этого слова пяти значений,¹ большинство которых, понятно, не имеет отношения к интересующей нас проблеме (напр., 'перевод заведующего на другую должность',

'почтовый перевод' и др.). Но даже когда слово «перевод» употребляется в смысле 'перевод с одного языка на другой', оно и в этом случае имеет два разных значения:

1) «Перевод как результат определенного процесса», то есть обозначение самого переведенного текста (напр., в предложениях: «Это — очень хороший перевод романа Диккенса», «Недавно вышел в свет новый перевод поэмы Байрона «Паломничество Чайльд-Гарольда» на русский язык», «Он читал этого автора в переводе» и т. п.

2) «Перевод как сам процесс», то есть как действие от глагола *переводить*, в результате которого появляется текст перевода в первом значении. Преимущественно в этом втором значении термин «перевод» будет употребляться на ми в дальнейшем.

Однако с самого начала необходимо дать разъяснение относительно того, в каком смысле следует понимать термин «процесс» применительно к переводу. Существенно подчеркнуть, что мы не имеем здесь в виду психическую или умственную деятельность переводчика, то есть тот психофизиологический процесс, который протекает в мозгу переводчика во время осуществления им перевода. Конечно, изучение этого процесса в психолингвистическом плане представляет

¹ Фактически, их больше, так как под значением 1 в указанном словаре объединены значения действия от глагола *переводить*, который сам по себе многозначен.

5

большой интерес, в особенности для теории устного перевода. Однако, "не говоря уже о том, что в настоящее время мы имеем еще крайне смутное представление о характере этого процесса (по существу своему он может быть предметом изучения лишь в комплексном психо-физиолого-лингвистическом плане), нас интересует здесь, в первую очередь, рассмотрение процесса перевода в плане именно лингвистическом, в отвлечении от физиологических и психологических факторов, определяющих его реализацию.

Это означает, что термин «процесс» применительно к переводу понимается нами в чисто лингвистическом смысле, то есть, как определенного вида языковое, точнее, межъязыковое **преобразование** или **трансформация текста на одном языке в текст на другом языке**. Опять-таки, термин «преобразование» нельзя понимать буквально — сам исходный текст или текст оригинала не «преобразуется» в том смысле, что он не изменяется сам по себе. Этот текст, конечно, сам остается неизменным, но наряду с ним и на основе его создается другой текст на ином языке, который мы называем «переводом» в первом смысле этого слова (перевод как сам переведенный текст). Иными словами, термин «преобразование» (или «трансформация») здесь может быть употреблен лишь в том смысле, в каком этот термин применяется в синхронном описании языка вообще: речь идет об определенном отношении между двумя языковыми или речевыми единицами, из которых одна является исходной, а вторая создается на основе первой. В данном случае, имея исходный текст а на языке А, переводчик, применяя к нему определенные операции («переводческие трансформации», о которых речь пойдет ниже), создает текст б на языке Б, который находится в определенных **закономерных** отношениях с текстом а. В своей совокупности эти языковые (межъязыковые) операции и составляют то, что мы называем «процессом перевода» в лингвистическом смысле. Таким образом, перевод можно считать определенным видом трансформации, а именно, **межъязыковой трансформацией**.

Суммируя, можно сказать, что **предметом лингвистической теории перевода является научное описание процесса перевода как межъязыковой трансформации**, то есть преобразования текста на одном языке в эквивалентный ему текст на другом языке (о том, какое содержание вкладывается в термин «эквивалентный», речь пойдет ниже.) Иначе говоря, задачей лингвистической теории перевода является моделирование процесса перевода в указанном выше смысле.

6

§ 2. Итак, лингвистическая теория перевода ставит своей задачей построение определенной модели процесса перевода, то есть некоторой научной схемы, более или

менее точно отражающей существенные стороны этого процесса. Поскольку речь идет о теоретическом моделировании, постольку к теории перевода относится все то, что характеризует теоретические модели вообще. Здесь особенно важно подчеркнуть следующие два момента:

1) Теория перевода, как любая теоретическая модель, отражает не все, а лишь **наиболее существенные** черты описываемого явления. Как пишет известный советский философ Б.М. Кедров, «модель должна быть обязательно проще моделируемого процесса или предмета и должна как можно выпуклее отображать интересующую нас его сторону».¹ Еще резче эту мысль в свое время высказывал выдающийся советский физик-теоретик Я. И. Френкель: «Хорошая теория сложных систем должна представлять лишь хорошую «карикатуру» на эти системы, утрирующую те свойства их, которые являются наиболее типическими, и умышленно игнорирующую все остальные — несущественные — свойства».² Теория перевода должна рассматривать не любые отношения между текстами на языке подлинника и языке перевода, но лишь отношения **закономерные**, то есть типические, регулярно повторяющиеся. Наряду с ними при сопоставительном анализе текста подлинника и текста перевода вскрывается, как правило, большое количество отношений (соответствий) единичных, нерегулярных, устанавливаемых только для данного конкретного случая. Поскольку такие единичные соответствия не поддаются обобщению, лингвистическая теория перевода, естественно, не может учитывать их в своих построениях, хотя необходимо отметить, что именно эти «незакономерные» соответствия и представляют наибольшую трудность для практики перевода. В умении находить индивидуальные, единичные, «не предусмотренные» теорией соответствия как раз и заключается **творческий** характер переводческой деятельности. С другой стороны, по мере развития переводческой теории многие явления, которые вначале представляются индивидуальными, нерегулярными, постепенно «вписываются» в общую картину, получают объяснение и включаются в объект рас-

¹ Б. М. Кедров. Ленин и диалектика естествознания XX века. М., «Наука», 1971, с. 175.

² Цит. по: «Наука и жизнь», 1972, № 4, с. 80.

7

смотрения теории перевода; иначе говоря, как и в любой науке, прогресс в теории перевода заключается, в частности, в том, что за множеством кажущихся «исключений» и «нерегулярностей» постепенно вскрывается некая общая закономерность, управляющая ими и определяющая их характер.

2) Как и во всякой другой теоретической дисциплине, в теории перевода возможно — и действительно имеет место — построение не одной какой-нибудь, но целого **множества моделей**, по-разному отображающих моделируемый процесс и отражающих различные его свойства. Сложность описываемого объекта, его многосторонность исключают возможность построения одной единственной «универсальной» модели, которая была бы в состоянии отразить сразу все стороны изучаемого явления во всех их сложных взаимных связях и отношениях. В силу этого в современной теории перевода существует целый ряд так называемых «моделей перевода»,¹ причем каждая из этих моделей отражает тот или иной аспект, ту или иную сторону реально существующего явления — процесса перевода как определенного вида межъязыковой трансформации. Было бы наивно задавать вопрос: какая из ныне существующих моделей перевода является «правильной» или «истинной»? — все они по-своему верны, поскольку моделируют одно и то же явление (процесс перевода), хотя и с разных сторон; и, разумеется, ни одна из существующих моделей не может претендовать на абсолютную истинность или универсальность. Это же, понятно, относится и к той модели перевода, которая представлена в настоящей работе и которую можно назвать «семантико-семиотической моделью» (мотивировка такого названия будет изложена в гл. 2). С другой стороны, существующие модели перевода (а также те, которые могут быть созданы в будущем) отнюдь не исключают друг друга — они во многом совпадают, частично

перекрывают друг друга и лишь в своей совокупности дают представление о процессе перевода во всей его сложности и многообразии.

2. Сущность перевода

§ 3. Таким образом, мы определили процесс перевода как трансформацию текста на одном языке в текст на другом языке. При переводе, стало быть, всегда

¹ Описание важнейших из этих моделей можно найти в книге А. Д. Швейцера «Перевод и лингвистика», М., Воениздат, 1973, гл. 1, 2.

8

имеются два текста (по А. И. Смирницкому,¹ «речевых произведения»), из которых один является исходным и создается независимо от второго, а второй создается на основе первого путем определенных операций — межъязыковых трансформаций. Первый текст называется **текстом подлинника** (или просто «подлинником»), второй — **текстом перевода** (или просто «переводом» в первом значении слова «перевод», указанном в § 1 этой главы). Язык, на котором произнесен или написан текст подлинника, назовем **исходным языком** (сокращенно ИЯ; англ. source language – SL). Язык, на который осуществляется перевод (язык текста перевода), назовем **переводящим языком** (сокращенно ПЯ; англ. target language – TL).

Нам остается определить самое главное: на основании чего мы считаем текст перевода эквивалентным тексту подлинника? К примеру, что дает нам основание говорить, что русское предложение *Мой брат живет в Лондоне* является переводом английского предложения *My brother lives in London*, в то время как русское предложение *Я учусь в университете* не является переводом вышеприведенного английского предложения — иными словами, не **эквивалентно** ему? Очевидно, не всякая замена текста на одном языке текстом на другом языке является переводом. Ту же мысль можно выразить иначе: процесс перевода или межъязыковая трансформация осуществляется не произвольно, а по каким-то определенным правилам, в каких-то строго определенных рамках, при выходе за которые мы уже лишаемся права говорить о **переводе**. Чтобы иметь право называться переводом (в первом значении), текст на ПЯ должен содержать в себе что-то такое, что содержится и в тексте на ИЯ. Иначе говоря, при замене текста на ИЯ текстом на ПЯ должен сохраняться какой-то определенный инвариант; мера сохранения этого инварианта и определяет собой меру эквивалентности текста перевода тексту подлинника. Стало быть, необходимо, прежде всего, определить, что же именно остается инвариантным в процессе перевода, то есть в процессе преобразования текста на ИЯ в текст на ПЯ.

При решении этой проблемы необходимо исходить из следующего. Процесс перевода непосредственно зависит от того, что в науке о знаковых системах — семиотике — на-

¹ См. А. И. Смирницкий. Синтаксис английского языка. М., Изд-во лит. на иностр. яз., 1957, с. 8—9; он же. Объективность существования языка. М., изд-во МГУ, 1954, с. 16—18.

9

зывается **двусторонним характером знака**. Это значит, что любой знак характеризуется наличием двух сторон или, как их еще называют, планов: **плана выражения** или **формы** и **плана содержания** или **значения**. Язык, как известно, представляет собой специфическую знаковую систему, поэтому единицы языка (какие именно, будет указано в гл. 4) также характеризуются двуплановостью, наличием как формы, так и значения. При этом решающую роль для перевода играет тот факт, что разные языки содержат единицы, различающиеся в плане выражения, то есть по форме, но совпадающие в плане содержания, то есть по значению. Например, в приведенных выше предложениях английское слово *brother* отличается от русского слова *брат* в плане выражения,¹ но совпадает с ним в плане содержания, то есть имеет то же значение. (Для простоты изложения мы пока что отвлекаемся от того очень важного для теории перевода факта,

что это совпадение единиц разных языков в плане их содержания является, как правило, не полным, а частичным. Так, например, англ. brother, помимо значения 'брат', имеет также значения, выражаемые в русском языке словами 'собрат', 'земляк', 'коллега', 'приятель' и др., а русское *брат* в сочетании *двоюродный брат* соответствует в английском не brother, а cousin, которое, со своей стороны, значит не только 'двоюродный брат', но и 'двоюродная сестра' и т. д. Как мы увидим в дальнейшем, это явление, а именно неполное совпадение систем значений единиц разных языков, хотя и значительно усложняет процесс перевода, не меняет его сущности.) На этом основании мы можем сказать, что если мы заменяем английское brother на русское *брат*, то здесь имеет место процесс перевода, поскольку эти слова, различающиеся в плане выражения, то есть по форме, совпадают или **эквивалентны** в плане содержания, то есть по значению. На самом деле, однако, поскольку минимальным текстом (речевым произведением) является **предложение**, постольку процесс перевода всегда осуществляется в пределах **минимум одного предложения**² (чаще -

¹ То, что между brother и *брат* существует определенное фонетическое сходство, объясняется этимологией, то есть происхождением этих слов (от одного индоевропейского корня) и для перевода не имеет абсолютно никакого значения; father и *отец* фонетически абсолютно несходные, семантически так же совпадают, как brother I и *брат*.

² Как исключение, иногда имеет место и перевод изолированных слов, например, терминов в определенном виде технических документах (спецификациях, списках деталей, надписях на рисунках и схемах); однако здесь также можно усмотреть наличие своеобразных «назывных» предложений.

10

целой группы предложений), причем в предложении, как правило, устраняется то несовпадение между единицами разных языков в плане содержания, о котором речь шла выше (подробнее см. в гл. 2). Возвращаясь к нашему примеру, мы должны отметить, что при переводе мы не просто заменяем английское слово brother на русское *брат* или английское lives на русское *живет*, но заменяем все английское предложение My brother lives in London русским предложением *Мой брат живет в Лондоне*, отличающимся от исходного английского предложения в плане выражения, то есть по форме, но эквивалентным ему в плане содержания, то есть совпадающим с ним по значению.

Исходя из этого, мы можем теперь дать следующее уточненное определение перевода:

Переводом называется процесс преобразования речевого произведения на одном языке в речевое произведение на другом языке при сохранении неизменного плана содержания, то есть значения.

При этом с самого начала необходимо сделать две крайне существенные оговорки;

1) Термин «план содержания» или «значение» следует понимать максимально широко, имея в виду все виды отношений, в которых находится знаковая (в данном случае, языковая) единица. Их описание составит предмет следующей главы; сейчас достаточно отметить, что неправомерно сводить понятие «значения» только к тому, что часто называют «предметно-логическим» или «денотативным» значением (в нашей работе эти значения носят название «референциальных»). Таким образом, правильное понимание сущности процесса перевода требует, прежде всего, детальной разработки теории языковых значений или **семасиологии**.

2) О «сохранении неизменного плана содержания» можно говорить только в относительном, но не в абсолютном смысле. При межъязыковом преобразовании (как и при всяком другом виде преобразований) **неизбежны потери**, то есть имеет место неполная передача значений, выражаемых текстом подлинника. Стало быть, текст перевода никогда не может быть полным и абсолютным эквивалентом текста подлинника; задача переводчика заключается в том, чтобы сделать эту эквивалентность как можно более полной,

то есть добиваться сведения потерь до минимума, но требовать «сто процентного» совпадения значений, выражаемых в тексте подлинника и тексте перевода, было бы абсолютно нереальным. Это значит также, что одной из задач теории перевода является установление того, что можно назвать **порядком очередности передачи значений**: учитывая, что существуют различные типы значений, необходимо установить, какие из них пользуются преимуществом при передаче в процессе перевода, а какими можно «жертвовать» с тем, чтобы семантические потери при переводе были минимальными. Эта проблема будет нами детально рассмотрена в дальнейшем изложении.

С этими двумя существенными оговорками мы можем принять предложенное выше определение перевода как рабочего, положив его в основу разрабатываемой здесь «семантико-семиотической модели» перевода.

§ 4. Для того чтобы завершить рассмотрение вопроса о сущности перевода, необходимо ответить еще на один вопрос, который возникает в связи с данным выше определением переводческой эквивалентности как основанной на сохранении неизменного плана содержания, то есть значения. Уже было отмечено, что сама возможность сохранения плана содержания, то есть неизменности значения при переводе (хотя бы и относительной) предполагает, что в разных языках содержатся единицы, совпадающие по значению. Однако здесь правомерно задать вопрос: насколько справедливо это предположение? Если значение является, как мы предполагаем (и как будет обосновано в дальнейшем), неотъемлемой частью знака и, стало быть, единиц языка, то не значит ли это, что каждой знаковой системе, в том числе каждому языку, присущи свои специфические значения? И не вытекает ли из этого, что при преобразовании текста на одном языке в текст на другом языке, то есть, в процессе перевода неизбежно должны меняться не только языковые формы, но и выражаемые ими значения? На каком же основании мы тогда говорим, что значение в процессе перевода должно оставаться неизменным?

Вопрос этот весьма серьезен и заслуживает подробного рассмотрения. Расхождения в семантических системах разных языков — несомненный факт, являющийся источником многочисленных трудностей, возникающих перед переводчиком в процессе осуществления перевода; в дальнейшем изложении (см. гл. 3) этим расхождениям будет уделено должное внимание. Многие исследователи на этом основа-

12

нии считают возможным утверждать, что эквивалентность подлинника и перевода **не базируется** на тождестве выражаемых значений. Из многочисленных высказываний на эту тему процитируем только одно, принадлежащее английскому теоретику перевода Дж. Кэтфорду: «...Мнение о том, что текст на ИЯ и текст на ПЯ «имеют одно и то же значение» или что при переводе происходит «перенос значения», лишено оснований. Значение, с нашей точки зрения, есть свойство определенного языка. Текст на ИЯ имеет значение, свойственное ИЯ, в то время как текст на ПЯ имеет значение, свойственное ПЯ; например, русский текст имеет русское значение (точно также, как и русскую фонологию или графологию, грамматику и лексику), а эквивалентный ему английский текст имеет английское значение».¹

Тем не менее мы полагаем, что данное нами выше определение перевода все же является правомерным. В пользу этого можно привести следующие аргументы:

1) В системе значений любого языка запечатлены результаты человеческого опыта, то есть познания человеком объективно существующей действительности. По словам К. Маркса и Ф. Энгельса, «ни мысли, ни язык не образуют сами по себе особого царства..., они - только *проявления действительной жизни*»². В любом языке система языковых значений отражает весь окружающий человека внешний мир, а также его собственный внутренний мир, то есть закреплен весь практический опыт коллектива, говорящего на данном языке. В той мере, в какой этот опыт одинаков у коллективов, говорящих на

разных языках, одинаковы и значения, выражаемые в этих языках (именно **сами значения**, но отнюдь не языковые единицы, выражающие эти значения). Поскольку сама реальная действительность, окружающая разные языковые коллективы, имеет гораздо больше общих черт, чем различий, постольку значения разных языков совпадают в гораздо большей степени, чем они расходятся. Другое дело, что эти значения (элементарные единицы смысла или «семь») по-разному сочетаются, группируются и выражаются в разных языках; но это уже относится не к плану содержания, а к плану выражения языка. В дальнейшем мы приведем достаточно большое количество примеров того, как значения по-разному членятся, клас-

¹ J. C. Catford. A Linguistic Theory of Translation. Ldn., 1965, p. 35 (перевод мой —Л. Б.).

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. М., Госполитиздат, 1955, т. 3, с. 449.

13

сифицируются и объединяются в разных языках (на примере русского и английского); однако это явление, хотя оно и весьма усложняет процесс перевода, ни в коей мере не подрывает самого принципа перевода, то есть не делает невозможной передачу этих значений средствами другого языка.

2) Из сказанного вытекает, что наибольшие трудности в переводе возникают тогда, когда сама ситуация, описываемая в тексте на ИЯ, отсутствует в опыте языкового коллектива — носителя ПЯ, иными словами, когда в исходном тексте описываются так называемые «реалии», то есть, предметы и явления, специфичные для данного народа и страны. Тем не менее и в этих случаях трудность решения переводческой задачи отнюдь не означает ее принципиальную невыполнимость. Надо иметь в виду, что **любой** человеческий язык (в отличие, по-видимому, от всех или почти всех других знаковых систем) устроен таким образом, что при его помощи можно описывать не только уже известные, но и совершенно новые, прежде никогда не встречавшиеся ситуации, причем **неограниченное количество** таких новых, прежде неизвестных ситуаций. И действительно — язык, который не был бы устроен таким образом, то есть такой, при помощи которого нельзя было бы описывать новые, дотоле неизвестные ситуации, не представлял бы коммуникативной ценности, поскольку на этом языке можно было бы сказать только то, что уже известно, то есть что уже когда-то было сказано. Такой язык, понятно, не мог бы быть орудием познания и сделал бы человеческий прогресс просто невозможным. Поэтому способность описывать новые, незнакомые ситуации является неотъемлемым свойством любого языка; и именно это свойство и делает возможным то, о чем идет речь — передачу средствами другого языка ситуаций, специфических для жизни данного народа и данной страны и не имеющих аналогов в жизни других народов и других стран.¹ О том, какими путями осуществляется в переводе эта передача «реалий», речь пойдет ниже; сейчас нам важно лишь подчеркнуть, что такая передача в принципе вполне осуществима.

3) Перевод был выше определен как процесс преобразования речевого **произведения** на одном языке в **речевое про-**

¹ См. O. Kade. Kommunikationswissenschaftliche Probleme der Translation. Beihefte zur Zeitschrift "Fremdsprachen", II. Leipzig, 1968, S. 10; В. Н. Комиссаров. Слово о переводе. М., «Международные отношения», 1973, с. 89.

14

изведение на другом языке. Таким образом, переводчик имеет дело **не с языками как системами**, а с речевыми произведениями, то есть с **текстами**. Те расхождения в семантической стороне, то есть в значениях, о которых идет речь, относятся, в первую очередь, именно к **системам** разных языков; в **речи** же эти расхождения очень часто нейтрализуются, стираются, сводятся на нет.

Когда, говоря о расхождении систем значений в разных языках, пытаются обосновать этим тезис о невозможности передачи значений ИЯ средствами ПЯ, то обычно приводят примеры семантических несоответствий либо отдельных слов, либо, в лучшем случае, изолированных, взятых вне контекста предложений. Однако следует иметь в виду,

что для перевода существенной является эквивалентность значений не отдельных слов и даже не изолированных предложений, но **всего переводимого текста** (речевого произведения) в целом по отношению ко всему тексту перевода. Конкретное распределение элементарных единиц смысла («сем» или «семантических компонентов») по отдельным словам, словосочетаниям и предложениям данного текста определяется многочисленными и сложными факторами и, как правило, не совпадает в тексте на ИЯ и тексте на ПЯ; но это опять-таки относится уже не к плану содержания, а к плану выражения и ни в коей мере не является нарушением принципа семантической эквивалентности текстов подлинника и перевода.

В подтверждение сказанного приведем только два примера. В рассказе известного английского писателя С. Моэма "A Casual Affair" встречается следующее предложение:

He'd always been so spruce and smart; he was shabby and unwashed and wild-eyed.

В русском переводе это место передано так:

Прежде он был таким щеголем, таким элегантным. А теперь бродил по улицам Сингапура грязный, в лохмотьях, с одичалым взглядом, (пер. М. Литвиновой)

На первый взгляд русский текст кажется не вполне эквивалентным английскому: в нем встречаются такие слова как *прежде*, *а теперь*, *бродил по улицам Сингапура*, которым нет прямых соответствий в тексте подлинника. На самом же деле семантическая эквивалентность здесь налицо, хотя **словесной** эквивалентности, конечно, нет. Дело в том, что русские слова *прежде* и *а теперь* передают здесь значения, которые в английском тексте выражены не словами, а грамматическими формами: противопостав-

15

ление форм глагола be — (ha)d been и was (по терминологии А. И. Смирницкого, «категория временной отнесенности»¹ выражает предшествование первого события второму, которое в русском языке выражается лексически, при помощи наречий времени. Слова же *бродил по улицам Сингапура* передают смысловую информацию, которая также содержится в исходном английском тексте, но не в данном предложении, а в одном из предшествующих предложений (He didn't keep the job in Sumatra long and he was back again in Singapore). Стало быть семантическая эквивалентность здесь обеспечивается не между отдельными словами и даже не между отдельными предложениями, а между всем текстом на ИЯ и всем текстом на ПЯ в целом.

Другой пример: в повести американской писательницы Харпер Ли "To Kill a Mockingbird" имеется предложение Mr. Raymond sat up against the tree-trunk, которое в русском переводе передано как *Мистер Реймонд сел и прислонился к дубу*. (пер. Н. Галь и Р. Облонской) Опять-таки можно подумать, что русское предложение по выражаемым в нем значениям не вполне соответствует исходному английскому: в нем есть слова *и прислонился*, отсутствующие подлиннике; английское наречие up в sat up указывает, что субъект глагола пришел в сидячее положение из лежачего (ср. sat down), в то время как в русском предложении эта информация не содержится; наконец, английское tree-trunk означает не *дуб*, а *ствол дерева*. Однако на самом деле смысловая эквивалентность здесь имеется, только для ее установления необходимо, во-первых, учитывать лексико-грамматические преобразования («переводческие трансформации»), имеющие место в процессе перевода, и, во-вторых, выйти за рамки данного предложения в более широкий контекст. Действительно, русское *сел и прислонился* соответствует английскому sat up against постольку, поскольку одним из значений предлога against является значение соприкосновения с чем-либо или опоры на что-либо; та информация, которую передает английское up в sat up, в русском переводе извлекается из последующего предложения² - *Раньше он лежал на траве*; наконец, дерево, к ко-

¹ См. А. И. Смирницкий. Морфология английского языка. М., Изд-во лит. на иностр. яз., 1959, с. 289—310.

² Также и в английском подлиннике; другими словами, в данном случае англ. up в sat up семантически избыточно с точки зрения широкого контекста.

тому прислонился Реймонд, упоминается в предшествующем контексте, где указано, что речь идет именно о дубе (ср. We chose the fattest live oak and we sat under it).

Смысловая эквивалентность текстов на ИЯ и на ПЯ и в этом случае устанавливается не на уровне отдельных слов или даже предложений, а на уровне всего текста в целом. (См. также гл. 4.)

Итак, семантические расхождения между языками не могут служить непреодолимым препятствием для перевода и силу того обстоятельства, что перевод имеет дело не с языками как абстрактными системами, а с конкретными речевыми произведениями (текстами), в пределах которых осуществляется сложное переплетение и взаимодействие качественно разнородных языковых средств, являющихся выразителями значений — слов, грамматических форм, синтаксических и «супрасегментных» средств и пр., в своей совокупности передающих ту или иную семантическую информацию. Та семантическая эквивалентность текстов подлинника и перевода, которую мы считаем необходимым условием осуществления процесса перевода, существует не между отдельными элементами этих текстов, а между **текстами в целом**, причем внутри данного текста не только допустимы, но часто и просто неизбежны многочисленные перегруппировки, перестановки и перераспределения отдельных смысловых элементов («переводческие трансформации»). При переводе, стало быть, неукоснительным правилом является **принцип подчинения элементов целому**, низших единиц высшим, в чем мы в дальнейшем будем иметь возможность неоднократно убедиться.

4) Сказанное отнюдь не значит, что в процессе перевода всегда осуществляется абсолютно полная («стоцентная») передача всех значений, выраженных в тексте подлинника. Мы уже говорили, что при переводе семантические потери неизбежны, и что речь может идти только о максимально возможной полноте передачи значений, выражаемых текстом подлинника. Сомнения в возможности сохранения при переводе значений, выражаемых в тексте на ИЯ, обоснованы постольку, поскольку речь идет об абсолютном тождестве выражаемых значений. Поскольку, однако, мы предъявляем требование не абсолютной, а максимально возможной полноты передачи значений при переводе с соблюдением того, что мы называем «порядком очередности передачи значений», постольку эти сомнения отпадают.

§ 5. Собственно говоря, на этом рассмотрение вопроса о возможности передачи значений, выражаемых в тексте на ИЯ при его переводе на ПЯ, можно было бы закончить. Однако для окончательного уяснения этой проблемы («проблемы переводимости») нужно развеять еще одно сомнение касательно возможности полной и адекватной передачи значений, выражаемых на одном языке, средствами другого языка. Источником этого сомнения является взгляд — а правильное сказать, предрассудок, согласно которому существуют языки «развитые», «цивилизованные» и языки «неразвитые», «первобытные», «отсталые». С этой точки зрения, до сих пор бытующей в обывательских кругах¹, те аргументы, которые только что были приведены в пользу переводимости, имеют силу лишь по отношению к «развитым» языкам, но не относятся к языкам «первобытным» или «неразвитым», поскольку эти последние, в силу своей «примитивности», неспособны выражать все те значения, которые могут быть выражены при помощи «развитых» «цивилизованных» языков.

Нужно со всей решительностью заявить, что указанная точка зрения во всех отношениях абсолютно несостоятельна. Ее политическая несостоятельность очевидна в свете марксистско-ленинского учения о равноправии языков: «Тот не марксист», — писал В. И. Ленин, — «тот даже не демократ, кто не признает и не отстаивает равноправия наций и языков».²

Но эта точка зрения несостоятельна также и в чисто лингвистическом отношении. Ознакомившись с многочисленными «экзотическими» языками туземцев Африки, Австралии, Северной и Южной Америки, языковеды пришли к выводу, что все они характеризуются достаточно «развитым» грамматическим строем и богатым словарным составом. Ни в одном из известных ныне языков как живых, так и мертвых, не удалось обнаружить каких-либо черт, которые можно было бы с той или иной долей убедительности считать показателями «примитивности» или «неразвитости».

В самом деле: задумаемся на минуту — в чем может проявляться разница между «развитыми» и «неразвитыми»

¹ Прежде это заблуждение разделялось многими языковедами; в настоящее время, однако, подавляющее большинство лингвистов отвергает эту точку зрения и лишь немногие выступают в ее защиту. (см., напр., Р. А. Будагов. О предмете языкознания. «Известия АН СССР», Серия литературы и языка, т. XXXI, вып. 5, 1972)

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 24, с. 125.

18

языками? Специфику любого языка определяет, во-первых, его звуковой (фонологический) строй, во-вторых, грамматическая система и, в-третьих, словарный состав. Что касается звукового строя, то вряд ли кому придет в голову утверждать, что существует разница между «первобытным» и «цивилизованным» звуковым строем. Безусловно, во многих «экзотических» языках существуют непривычные для нас звуки (например, так называемые «щелкающие» или «всасывающие» звуки в готтентотском и бушменском языках), но нет никаких оснований полагать, что эти звуки по своему характеру являются в каком-либо отношении «примитивными» или «нецивилизованными». Стало быть, речь может идти только о грамматике и словаре. Но и при анализе этих аспектов структуры языка сторонников деления языков на «примитивные» и «развитые» ожидает разочарование. Многие языки, действительно, имеют своеобразный, специфичный грамматический строй, не укладывающийся в привычные для нас схемы латинской, русской или английской грамматики. Но разве это может служить основанием считать их грамматический строй «примитивным»?

Из того, что во многих «экзотических» языках отсутствуют такие грамматические категории как, скажем, время или число, отнюдь не вытекает, что мышлению народов, говорящих на этих языках, несвойственны сами понятия времени или числа. Анализ строя этих языков показывает, что все они могут выразить и действительно выражают любые понятия, в том числе и самые абстрактные, такие как время действия, количество предметов и пр., однако эти понятия выражаются в этих языках не грамматическим, а лексическим способом. Усматривать в этом какую-то «примитивность» данных языков было бы крайне наивно. Языки любого грамматического строя в состоянии выразить любую мысль и любое понятие — таков непреложный факт, который пока что никому не удалось опровергнуть.

Любопытно, что в тех случаях, когда в «экзотических» языках отсутствует та или иная грамматическая категория, сторонники теории «примитивных» и «развитых» языков усматривают «диффузность», «нерасчлененность» первобытного мышления; когда же, наоборот, в них обнаруживается та или иная категория, несвойственная знакомым нам (европейским, по преимуществу) языкам, то говорят о недостаточной «абстрактности» примитивного мышления, его «неспособности» отвлечься от выражения тех или иных

19

конкретных значений и отношений. Иными словами, одно и то же явление в «своих» языках рассматривается как показатель их развитости («абстрактность» — это хорошо; «расчлененность» — тоже хорошо), а в «первобытных» — как свидетельство их неразвитости («нерасчлененность» — это плохо; «чрезмерная конкретность» — тоже плохо). Разумеется, все это не имеет ничего общего с подлинно научной аргументацией, если мы заранее убеждены, что наш собственный язык совершеннее всех прочих.

То же самое обнаруживается и при анализе словарного состава так называемых «экзотических» языков. Словарный состав (лексикон) языка, как известно, наиболее непосредственным и прямым образом запечатлевает и фиксирует данные человеческого опыта, то есть ту реальную действительность, которая отражается в сознании коллектива, говорящего изданном языке. Безусловно, в языках пародов, находящихся на низших ступенях общественного и культурного развития, отсутствуют или крайне бедно представлены такие разряды лексики как научная, техническая, политическая терминология, обозначения абстрактно-философских понятий и им подобные — по той очевидной причине, что соответствующие предметы и понятия вообще отсутствуют в практическом опыте людей, относящихся к данным языковым коллективам. Но можно ли считать это обстоятельство показателем «примитивности», «первобытности» этих языков? Разумеется, нет, ибо в принципе все эти языки в состоянии описывать и обозначать любые предметы, понятия и ситуации, с которыми приходится или придется в будущем сталкиваться людям — носителям этих языков. Как только человеческому коллективу, говорящему на том или ином «примитивном» языке, становятся известны те или иные предметы, технические устройства, политические институты, научные понятия и пр., в их языке немедленно появляются соответствующие способы обозначения этих предметов и понятий, то есть соответствующие слова и выражения. Напомним в этой связи то, что уже было сказано выше (в §§ 2, 4 этой главы): любой человеческий язык устроен таким образом, что при его помощи можно описывать не только уже известные, но и совершенно новые, прежде никогда не встречавшиеся предметы, понятия и ситуации; иными словами, лексикон языка — это открытая система, способная к непрерывному пополнению и обогащению. Это относится к **любым** языкам, а не только к так называемым «развитым» или «цивилизованным».

20

С другой стороны, не следует забывать и того, что такие разряды лексики как научная, техническая, абстрактно-философская терминология отсутствуют в активном и даже в пассивном словаре у очень многих людей, говорящих на так называемых «развитых» языках. То же самое относится и к разным периодам истории одного и того же языка. Не только в языках дикарей Новой Гвинеи или Центральной Африки, но и в русском языке времен Пушкина отсутствуют такие слова как *телефон, радио, телевизор, космонавтика, рационализатор, соцсоревнование, культмассовый* и многие другие, ныне хорошо известные каждому советскому школьнику. Однако никому не придет в голову утверждать, что русский язык, на котором говорил и писал Пушкин, менее «развитый» и «цивилизованный», чем современный русский язык.

Если же говорить о количественной стороне, то в этом отношении словарный состав так называемых «примитивных» языков в целом ничуть не уступает словарю языков «развитых», ибо отсутствие в первых научно-технической и абстрактной терминологии компенсируется богатством и разнообразием лексики, связанной с теми областями жизни и деятельности, которые характерны для человеческих коллективов — носителей данных языков. Языки многих нецивилизованных народов характеризуются наличием большого количества слов и выражений, относящихся к таким сферам человеческой деятельности как охота, рыболовство, земледелие; в них изобилуют такие слова как названия различных животных, растений, орудий труда и пр., многие из которых вообще неизвестны народам, говорящим на «цивилизованных» языках. Все разговоры о народах и языках, в словаре которых насчитывается якобы всего лишь несколько сот слов, — сплошная выдумка; хотя количество слов в лексиконе даже одного человека, а тем более целого народа, определить с точностью крайне трудно, все же мы можем вполне определенно утверждать, что в количественном отношении между словарным составом так называемых «развитых» и «примитивных» языков нет никакой принципиальной разницы.

Еще один аргумент, к которому иногда прибегают сторонники теории неравенства языков — это утверждение о том, что в словаре «неразвитых» языков якобы избыточны слова с узкими, конкретными значениями и в то же время отсутствуют слова обобщенного, абстрактного значения. Действительно, иногда в так называемых «экзотических»

21

языках наблюдается явление, которое, на первый взгляд, подтверждает это положение: так, в бушменском языке, по свидетельству специалистов¹, отсутствует глагол со значением 'переносить' вообще, но имеется большое количество слов, обозначающих различные способы переноски — на голове, на спине, на плече, на конце палки, переброшенной через плечо, на руках и т.д. Однако делать на этом основании заключение о «примитивности» того или иного языка неправомерно: то же самое явление, а именно, большая степень дифференциации значений слов в одном языке по сравнению с другим обнаруживается и при сопоставлении друг с другом так называемых «цивилизованных» языков. Ниже, в главе 3 будут даны соответствующие примеры из английского и русского языков; все они убедительно говорят о том, что структура словарного состава (равно как и грамматическая структура) разных языков различна, но отнюдь не о «превосходстве» одного языка над другим. Из того факта, что в английском языке нет слова со значением 'палец' вообще, а есть дифференцированные наименования для 'большого пальца на руке' (thumb), 'всех остальных пальцев на руке' (finger) и 'пальца на ноге' (toe), никак нельзя сделать вывода об «отсталости» английского языка по сравнению с русским. К тому же при сравнении «примитивных» языков с «цивилизованными» столь же часто наблюдается и прямо противоположное явление — недифференцированность значения слова; так, в том же самом бушменском языке одно и то же слово обозначает не только мясо, но и всех съедобных диких животных вообще. Однако, как мы уже знаем, это отнюдь не смущает приверженцев теории «развитых» и «неразвитых» языков, которые в этом случае говорят о «диффузности» первобытного мышления, следуя тому же принципу — «что хорошо для своего языка и плохо для чужого»².

Наконец, иногда разницу между языками «передовыми» и «примитивными» усматривают в том, что в последних якобы отсутствует какая-либо стилистическая дифференциация, в то время как для первых характерно наличие большого количества развитых функциональных стилей. Но и этот аргумент неправомерен: в **любом** языке имеется определенная

¹ См. Ю. А. Найда. Наука перевода. «Вопросы языкознания», 1970, № 4, с. 11.

² См. E. Nida. Principles of Translation as Exemplified by Bible Translating. "On Translation", ed. by R. Brower. Cambridge, Mass., 1959, p. 26.

22

стилистическая дифференциация, хотя, конечно, не во всех языках (и не во все периоды существования одного и того же языка) выделяются одни и те же функциональные стили. Так, в языках социально и культурно отсталых народов отсутствуют, конечно, такие стили, как научный, публицистический и другие, но в них, как правило, четко выделяются стили религиозно-мифологический, фольклорный, разговорно-бытовой и некоторые другие. Как только на том или ином языке появляется научная, политическая и другая литература, в нем немедленно возникает и соответствующий функциональный стиль и прежде всего соответствующая специальная терминология, о чем мы уже говорили применительно к словарному составу языка.

Несомненным является одно: деление языков на «высшие» и «низшие», «прогрессивные» и «отсталые», «цивилизованные» и «первобытные» носит по своему существу расистский характер, каковы бы ни были субъективные взгляды и намерения лиц, придерживающихся этой точки зрения. В относительно недавнем прошлом эта теория получила своеобразное преломление в советском языкознании в лице недоброй памяти так называемого «нового учения о языке» академика Н. Я. Марра и его последователей. Исходя из своей вульгарно-социологической трактовки языка как

простого производного от уровня социального развития общества, марристы пытались установить в развитии человеческих языков определенные «стадии»: народы, находящиеся на низших уровнях социального развития, по их мнению, характеризуются «низшими стадиями» развития мышления и языка, в то время как народам, достигшим более высоких уровней социального развития, свойственно мышление и языки более «высоких» стадий.¹ При этом их излюбленным аргументом было утверждение о том, что это неравенство умственного и языкового развития народов не расовое, а общественно обусловленное. Фактически этот «аргумент» сводился, однако, к подмене расизма биологического расизмом социологическим.

Если бы марристы были правы, то это означало бы, что при переходе от более низкого уровня социального развития

¹ Отголоски этих концепций порой дают себя знать и сейчас; в статье В. И. Дегтярева «Формирование категории вещественности», («Вопросы языкознания», 1971, № 6) всерьез утверждается, что индейцы, говорящие на языке хопи, находятся на более низком уровне «мыслительного развития», чем люди, говорящие на европейских языках!

23

к более высокому менялся бы и строй языка того или иного народа. История народов и языков СССР, однако, самым убедительным образом опровергла эту вульгарную-социологическую концепцию. Известно, что многие народы и племена, жившие на территории бывшей царской России, до революции находились на уровне первобытнообщинного или родового строя, от которого они сразу же, минуя феодальную и капиталистическую формацию, перешли к социализму. Однако при этом их языки остались в целом теми же, что и прежде, не претерпев никаких особых «качественных» изменений ни в области грамматического строя, ни в словарном составе (в его основном ядре). Безусловно, их словарь пополнился большим количеством терминов научно-технического, общественно-политического и философского характера (образованных как за счет заимствований, так и из внутренних ресурсов самих этих языков); но этот процесс, как уже было сказано, происходит непрерывно в любом языке. За годы советской власти на языки некогда отсталых народов СССР была переведена обширная научно-техническая, общественно-политическая и философская литература; однако нигде и никогда не возникало непреодолимых препятствий для такого рода переводов. Таким образом, **практика языкового строительства в СССР дала самое наглядное опровержение концепции непереводаемости применительно к отношению между так называемыми «примитивными» и «передовыми» языками**, продемонстрировав полную несостоятельность самого такого деления языков.

В наше время не только лингвистам, стоящим на марксистских позициях, но и большинству зарубежных ученых ясна ненаучность деления языков на «развитые» и «первобытные». Вот, например, что говорит известный американский лингвист Р. А. Холл: «Все исследования, которые до сих пор проводились на «примитивных» языках, показали» что они имеют тот же тип строения и такой же богатый словарь, как и другие языки... Короче говоря, на современном этапе человеческого развития нет такой вещи, как действительно «примитивные» языки. Очевидно, существовала стадия, на которой человеческая речь была гораздо менее развита чем сейчас, но этот период имел место по меньшей мере несколько сотен тысяч лет тому назад и от него нигде не осталось никаких следов. Все языки, на которых говорят сейчас, даже языки племен американских индейцев, африканцев и австралийцев, достигли в целом одной и той же

24

ступени развития... Наш собственный язык, будь то английский, французский, итальянский или немецкий и все другие так называемые «цивилизованные» языки, являются цивилизованными лишь постольку, поскольку те группы людей, которые говорят на этих языках, проделали в определенных областях достаточный технический прогресс, для того чтобы построить «цивилизацию», то есть более сложную культуру.

Многие так называемые «примитивные» языки... имеют грамматический строй, который символизирует иные и столь же важные различия в окружающем нас мире, что и строй наших «цивилизованных языков». Когда один популярный еженедельник¹ охарактеризовал хинди как «относительно примитивный язык, которому, к сожалению, не хватает научного и технического вокабуляра», его редакторы попросту обнаружили свое собственное невежество и склонность принимать на веру ходячие оценочные суждения, которым не место ни в научном, ни в популярном описании различий между языками»².

А вот мнение американского антрополога проф. Ричарда Ли, прожившего долгое время среди бушменов: «Условия их жизни дают ключ к пониманию прошедших периодов истории, поскольку проблемы, с которыми они сталкиваются в своей повседневной жизни, те же самые, с которыми мог сталкиваться первобытный человек. Я прожил среди них несколько лет, изучил их образ жизни и их язык. Я пришел к выводу, что ... они совершенно такие же люди как и мы и что их умственный уровень ничуть не ниже нашего... Полагаю, большинство из нас согласится с тем, что создание все более и более крупных ядерных боеголовок никому не приносит пользы. Относительно моей собственной специальности я могу утверждать, что попытки найти разницу в умственных способностях представителей разных рас не приведут ни к чему хорошему».³

Яснее, кажется, выразиться нельзя.

Итак, нам остается сделать вывод: поскольку противопоставление языков «развитых» и «неразвитых» научно несостоятельно, постольку выдвинутый нами принцип принципиальной возможности перевода («переводимости») на основе

¹ Р. Холл имеет в виду американский журнал "Newsweek".

² R. A. Hall. *Introductory Linguistics*. Philadelphia, 1964, pp. 13—14, 469 (перевод мой — Л. Б.).

³ Цит. по тексту интервью, опубликованному в газете "Moscow News" 2.X.1971 (перевод мой — Л.

В.).

25

передачи значений, выраженных на одном языке, средствами другого языка, не знает ограничений и применим к отношениям **между любыми двумя языками**.

3. Место теории перевода среди других дисциплин

§ 6. В предыдущем изложении мы несколько раз употребили термин «лингвистическая теория перевода». В этой связи возникает необходимость уточнить, во-первых, на каком основании теория перевода относится нами к числу лингвистических дисциплин; во-вторых, существуют ли какие-нибудь иные подходы к проблемам теории перевода кроме лингвистического; в-третьих, какое место занимает лингвистическая теория перевода среди других отраслей науки о языке.

В процессе перевода осуществляется преобразование текста на одном языке (ИЯ) в текст на другом языке (ПЯ) при сохранении неизменного плана содержания, то есть значения или, точнее, совокупности значений, выраженных в исходном тексте. Чтобы выполнить свою задачу, а именно отразить существенные закономерности перевода, теория перевода должна прежде всего установить совпадения и расхождения в способах выражения идентичных значений в ИЯ и в ПЯ и на этой основе выявить наиболее типичные способы преодоления этих расхождений («переводческие приемы»). Такая задача по своему существу является языковедческой, а теория перевода, ставящая перед собой именно такую задачу, не может быть ничем иным как лингвистической дисциплиной.

На это можно было бы, на первый взгляд, возразить, что задача установления совпадений и расхождений в способах выражения значений в разных языках входит в компетенцию не теории перевода, а сопоставительного языкознания. На самом деле теория перевода теснейшим образом связана с сопоставительным языкознанием, которое служит для нее непосредственной теоретической базой; и все же лингвистическая теория перевода не тождественна сопоставительному изучению языков. Сопоставительное

языкознание, как и языкознание вообще, имеет дело с системами языков — в его функции входит вскрытие черт сходства и различия между системами двух языков в области их звукового (фонологического) строя, словарного состава и грамматического строя. Поэтому для сопоставительного языкознания (как и для языкознания вообще) сущест-

26

ственным является разграничение уровней языковой иерархии, то есть отнесение тех или иных единиц языка (или двух сопоставляемых языков) к определенному аспекту или уровню языковой системы. Перевод же, как было подчеркнуто выше, имеет дело не с системами языков, а с конкретными речевыми произведениями, то есть с текстами. В речи же, как известно, преодолевается расслоение языковой системы на уровни или аспекты (морфологический, синтаксический, лексико-семантический и пр.); в пределах речевого произведения осуществляется сложное взаимодействие и синтез качественно разнородных средств выражения значений. Стало быть, для теории перевода принадлежность рассматриваемых единиц к определенному уровню или аспекту языковой системы совершенно не играет роли; сопоставление языковых единиц в теории перевода производится только на основе общности выражаемого ими содержания, то есть значения, иными словами, на основе семантической общности данных единиц, независимо от их принадлежности к одному или к разным уровням языковой иерархии.

Поясним сказанное конкретным примером. Допустим, мы поставили себе целью сопоставительное изучение видовременных форм глагола в английском и русском языках. В этом случае сопоставительная грамматика этих двух языков должна ограничиваться исследованием сходств и различий именно видовременных глагольных форм, то есть оставаться в пределах морфологического уровня как в английском, так и в русском языках, совершенно не затрагивая вопроса о том, что те или иные значения могут в одном из сопоставляемых языков выражаться не морфологическими и даже вообще не грамматическими, а лексико-семантическими средствами. Иное дело в теории перевода. Здесь в рассматриваемом случае как раз **нельзя** ограничиться установлением соответствий только в пределах системы морфологических форм; необходимо выйти за эти пределы и установить, что определенные значения, выражаемые в одном из языков грамматически, в другом могут выражаться при помощи лексических средств, как в приведенном выше (§ 4) примере из рассказа С. Моэма, где значения, выраженные в исходном тексте при помощи форм временной отнесенности глагола, в тексте перевода передаются лексически при помощи слов *прежде* и *теперь*. Иными словами, теория перевода в принципе безразлична к языковому статусу сопоставляемых единиц, к тому, относятся ли они к грам-

27

матическим, лексическим или еще каким-либо средствам; для нее существенным является лишь их семантическое тождество, то есть единство выражаемого ими содержания. Стало быть, если для языкознания вообще и для сопоставительного языкознания в частности существенным моментом является разграничение уровней языковой системы, для теории перевода, напротив, самое главное — это рассматривать и сопоставлять языковые явления в их связи, в том взаимодействии, в которое они вступают в речи, в структуре связного текста.¹

В этой связи следует отметить, что в современном языкознании вообще наблюдается тенденция перейти от изучения языка как абстрактной системы к изучению функционирования языка в речи. Эта тенденция проявляется и в возросшем интересе к проблемам речевой деятельности, исследуемым в плане психолингвистики, и в разработке тематики, связанной с так называемым «актуальным синтаксисом» и «коммуникативным членением предложения», что мыслимо только при учете функционирования предложения в строе связной речи, и, наконец, в появлении новой отрасли языкознания — «лингвистики текста»². Все эти направления изучения языка самым тесным образом

связаны с теорией перевода; можно даже утверждать, что лингвистическая теория перевода — это не что иное, как «сопоставительная лингвистика текста», то есть сопоставительное изучение семантически тождественных разноязычных текстов.

При этом необходимо сделать следующее разъяснение: строго говоря, речь как таковая не может быть предметом языкознания, ибо она всегда индивидуальна, единична и неповторима, а любая наука может изучать лишь нечто общее, закономерное, типичное и регулярно воспроизводимое. Речь служит для языкознания лишь материалом, из которого оно извлекает свой объект исследования, а именно язык.³ Если мы говорим, что в современном языкознании наблюдается тенденция к изучению использования и функционирования языка в речи, то это означает лишь сдвиг в изучении того же объекта — языка, выражающийся в упоре не на статическую, а на динамическую его сторону, не на

¹ См. А. Швейцер. К вопросу об анализе грамматических явлений при переводе. «Тетради переводчика», вып. 1, М., 1963.

² См. «Материалы научной конференции «Лингвистика текста», МГПИИЯ им. М. Горького, М., 1974.

³ См. Л. И. Смирницкий. Объективность существования языка, с. 19.

28

подход к языку как к инвентарю единиц, а на его изучение в действии, в реальном функционировании. Можно сказать, что основной задачей современного языкознания является построение «действующей модели языка»¹, модели, отображающей динамический аспект языка, рассматриваемого, в терминах Гумбольдта, как «energeia» (деятельность), а не как «ergon»² (продукт деятельности). По этому пути идет одно из основных направлений современного языкознания — так называемая порождающая лингвистика (школа Н. Хомского в Соединенных Штатах, у нас в Советском Союзе аппликативная грамматика и аналогичные направления). Лингвистическая теория перевода также является своеобразной динамической моделью, описывающей в лингвистических терминах процесс перехода от текста на ИЯ к тексту на ПЯ, то есть процесс межъязыковой трансформации при сохранении инвариантного содержания. Закономерности этого перехода, то есть «правила» переводческой трансформации и составляют предмет изучения лингвистической теории перевода.

§ 7. Определив теорию перевода как лингвистическую дисциплину, нужно установить ее место среди других отраслей науки о языке. В современном языкознании принято деление на два основных раздела: **микрولينгвистику** и **макрولينгвистику**³. Первый из этих разделов включает в себя лингвистику в узком смысле слова, то есть изучение языка, по словам Ф. де Соссюра, «в самом себе и для себя»⁴, в отвлечении от экстралингвистических фактов, как относительно независимого от других явлений объекта. Сюда относятся такие классические дисциплины языковедческого цикла как фонетика и фонология, грамматика, лексикология и семасиология⁵, рассматриваемые в плане как общего,

¹ См. А.К. Жолковский, И. А. Мельчук. К построению действующей модели языка «смысл — текст». «Машинный перевод и прикладная лингвистика», вып. II, М., 1969, с. 5—6.

² См. В. А. Звегинцев. История языкознания XIX—XX веком в очерках и извлечениях. Ч. I. М., «Просвещение», 1964, с. 91.

³ См. G. Trager and H. Smith. An Outline of English Structure. Washington, 1957, pp. 81—82. Строго говоря, макрولينгвистика включает в себя и микрولينгвистику как один из разделов; далее, под «макрولينгвистикой» мы будем иметь в виду те ее области, которые не сводятся к микрولينгвистике (по Трейгеру и Смиуту, «металингвистика").

⁴ Ф. де Соссюр. Курс общей лингвистики. М., Соцэкгиз, 1933, с. 207.

⁵ Впрочем, можно сомневаться в принадлежности этого раздела к исключительно микрولينгвистической области, поскольку связь языковой семантики с экстралингвистическими факторами очевидна (см. гл. 2).

29

так и частного языкознания, как исторически (в диахронии), так и описательно (в синхронии), а также сравнительно-историческое и сопоставительно-типологическое изучение языков.

К макролингвистике, то есть к лингвистике в широком смысле, относятся те направления в языкознании, которые изучают язык в его связи с экстралингвистическими явлениями, то есть с факторами, лежащими вне самого языка. К их числу относятся такие дисциплины, как психоллингвистика, изучающая психофизиологические механизмы речевой деятельности; социоллингвистика, изучающая взаимодействие языка и социальных факторов; этнолингвистика, исследующая взаимосвязь языка и культурно-этнографических факторов; лингвистическая география, предметом которой является влияние на язык территориально-географических факторов; и некоторые другие направления в изучении языка.

Помимо указанного деления лингвистики на микро- и макролингвистику, существует также разделение языковедческих дисциплин на **теоретические** и **прикладные**. К числу последних относятся те области науки о языке, которые непосредственно связаны с практическим использованием языка в тех или иных видах человеческой деятельности, требующих научного обоснования, как то: методика преподавания языка; аспекты теории информации, связанные с использованием языка в технических каналах связи (телефон, радио); проблемы автоматического поиска информации, реферирования и пр.¹; теория письма и принципы построения алфавитов; орфоэпия и культура речи и целый ряд других.

Что касается теории перевода, то она, с нашей точки зрения, относится, во-первых, к числу отраслей, входящих в **макролингвистику** и, во-вторых, к области **прикладного** языкознания. Отнесение теории перевода к прикладным дисциплинам, видимо, понятно и не требует мотивировки. Менее самоочевидным является отнесение её к сфере макролингвистики. По существу, это означает, что мы не считаем возможным строить теорию перевода на чис-

¹ Эта отрасль языкознания иногда называется «инженерной лингвистикой» (см. К.Б. Бектаев и др. Об инженерной лингвистике. «Вопросы языкознания», 1973, № 2).

то лингвистической основе, без учета экстралингвистических факторов, то есть явлений, лежащих вне структуры самого языка, хотя и непосредственно с ним связанных. Попытаемся теперь дать обоснование этому положению.

Выше мы говорили, что процесс перевода затрагивает не системы языков как некие абстрактные объекты, а конкретные речевые произведения (тексты), которые, как известно, строятся прежде всего из языкового материала; однако они им не исчерпываются, то есть не сводятся исключительно к языку как таковому. Любое речевое произведение обязательно предполагает как необходимое условие своего существования наличие следующих моментов: 1) **предмет** («тема») сообщения, то есть то, о чем говорится в данном тексте; 2) **ситуация** общения, то есть та обстановка, в которой осуществляется языковая коммуникация; 3) **участники** речевого акта, то есть «отправитель» (говорящий или пишущий) и «получатель» (слушающий или читающий данный текст), каждый из которых характеризуется наличием определенного **опыта** как нелингвистического (знания об окружающем реальном мире), так и лингвистического (знание языка) характера. Без наличия этих экстралингвистических моментов — темы сообщения, ситуации общения и участников речевого акта — сам по себе речевой акт немислим, неосуществим в той же мере, в какой он неосуществим без языка. При этом, что особенно важно для интересующего нас аспекта этой проблемы, вышеуказанные экстралингвистические факторы находятся в органической связи, в тесном взаимодействии с языковыми средствами, при помощи которых строится речевое произведение. А именно, само понимание, то есть раскрытие («расшифровка») значения данного текста в значительной степени осуществляется благодаря наличию этих экстралингвистических факторов, то есть с опорой на ту информацию, которую

«получатель» извлекает из них в той же степени, в какой он извлекает информацию из собственно языковых компонентов речевого произведения.

Как уже отмечалось в лингвистической литературе, роль экстралингвистических компонентов речевого акта в раскрытии значения тех или иных элементов текста заключается, прежде всего, в снятии многозначности (как лексической, так и грамматической или структурной) языковых единиц, употребляемых в данном тексте, а также в восполнении тех языковых единиц текста, которые могут быть опущены в результате эллипсиса, обусловленного ситуационными усло-

31

виями. Вообще говоря, любой язык имеет все средства, необходимые для того, чтобы полно и однозначно выразить любое содержание, не прибегая к помощи внеязыковых факторов. На практике, однако, оказывается, что наличие этих внеязыковых факторов почти всегда принимается во внимание обоими участниками речевого акта, давая им возможность устранить из речи все или многие избыточные элементы и тем самым обеспечить более экономное использование лингвистических средств.¹ Полное игнорирование внеязыковых (ситуационных) факторов привело бы к тому, что из речи пришлось бы устранить всякую неоднозначность и «отправитель» был бы вынужден полностью и недвусмысленно раскрывать через сам языковой контекст содержание всех элементов речи, что неизбежно привело бы к чрезмерной речевой избыточности, к непомерному «разбуханию» речевого произведения.

Действительно, наличие в речевой ситуации определенных элементов, помогающих однозначно раскрыть содержание тех или иных языковых единиц, дает возможность опускать (подвергать эллипсису) те компоненты текста, значение которых может быть извлечено из самой наличной ситуации. Так, русское (эллиптическое) предложение *Можно?*, взятое само по себе, вне какой-либо определенной ситуации семантически неполно. Однако, если это предложение произносит человек, стоящий по ту сторону закрытой двери, а его произнесению предшествует стук в дверь, то данное предложение сразу же однозначно трактуется нами как *Можно мне войти?* В другой ситуации то же самое предложение получит иную интерпретацию. Так, если его произносит ребенок, одновременно протягивая руку к лежащему на столе яблоку, то данное предложение будет истолковываться иначе, а именно: *Можно мне съесть это яблоко?* Элементы предложения (слова), опущенные в результате эллипсиса, восстанавливаются по ситуации, по наличествующей в данный момент обстановке, и лишь благодаря тому, что как говорящий, так и слушающий однозначно воспринимают и интерпретируют эту обстановку, становится возможным само явление эллипсиса, то есть устранения из текста избыточных в данной ситуации языковых единиц.

Таким же образом в условиях конкретной ситуации происходит и снятие многозначности, то есть раскрытие значе-

¹ См. Г. В. Колшанский. Функции паралингвистических средств в языковой коммуникации. «Вопросы языкознания», 1973, № 1.

32

ния многозначного слова или грамматического значения многозначной синтаксической конструкции. Значение многозначного слова, вообще говоря, раскрывается обычно через речевой контекст, то есть внутрилингвистическим путем; так, значение английского многозначного технического термина *tube* (в русском языке ему могут соответствовать 'труба', 'трубка', 'камера' (шины), 'электронная лампа', 'ствол' (орудия), 'тубус' (микроскопа) и некоторые др.) в предложении *Such units that use a single tube for both functions are called transceivers* однозначно определяется как *электронная лампа* благодаря наличию в том же предложении другого радиотехнического термина — слова *transceivers*, а также наличию других терминов из области радиотехники в других предложениях того же текста. Однако отсутствие языкового контекста может компенсироваться и наличием определенной экстралингвистической ситуации: то же самое *tube* может быть с весьма большой долей вероятности истолковано как *радиолампа* в предложении *Where did you*

put the tube?, если это последнее произносит радиотехник во время работы в мастерской по ремонту радиооборудования. Точно таким же образом английское предложение *Passengers are not allowed to ride on the platform*, ввиду (многозначности слова *platform*, будет понятным только в том случае, если оно будет прочтено на трафарете в автобусе¹, где *platform* сразу же получает однозначное истолкование как *автобусная площадка*.

Не меньшую, а пожалуй большую роль в однозначном истолковании речевого произведения играет та экстралингвистическая информация, которой располагают участники (речевого акта, то есть их знания об окружающем мире, о фактах объективно существующей действительности. Опять-таки это проявляется, в первую очередь, в способности правильно раскрывать значение многозначных единиц языка, идет ли речь о лексических или о грамматических значениях. Английское *pen* в предложении *John is in the pen* понимается нами как *загон для скота*, а не как *ручка* лишь благодаря тому, что нам известны размеры данных предметов и мы знаем, что человек может находиться внутри загона, но не внутри ручки. В русском предложении *Весеннее солнце сменило летнее* — оно *значительно щедрее* подлежащим, несмотря на отсутствие явных грамматических показателей, является *летнее (солнце)*, но это нам понятно лишь

¹ Г. В. Колшанский. Указ, соч., с. 21.

благодаря знанию того экстралингвистического факта, что лето сменяет весну, а не наоборот. Число примеров этого рода можно легко умножить. Так, рассмотрим следующие предложения, взятые нами из произведений Ч. Диккенса:

...that Rob had anything to do with his feeling **as lonely as Robinson Crusoe**.
(*Dombey and Son*, Ch. XXXIX)

"Rome wasn't built in a day, ma'am... In a similar manner, ma'am," said Bounderby, "I can wait, you know. **If Romulus and Remus could wait**, Josiah Bounderby can wait."
(*Hard Times*, Ch. X)

"I do not wonder that you... are incredulous of the existence of such a man. But **he who sold his birthright for a mess of pottage existed, and Judas Iscariot existed, and Castlereagh existed**, and this man exists!" (*Hard Times*, Ch. IV)

"Open the door," replied a man outside; "it's **the officers from Bow Street**, as was sent to, to-day." (*The Adventures of Oliver Twist*, Ch. XXXI)

Ни одно из этих предложений не может быть полностью понято, если «получатель», то есть читатель, не имеет определенных сведений об упоминающихся в них предметах, лицах и явлениях, вымышленных или реальных. Чтобы понять первое предложение, нужно знать, почему имя Робинзона Крузо ассоциируется с понятием одиночества а для этого необходимо знакомство с романом Д. Дефо "The Life and Surprising Adventures of Robinson Crusoe", то есть знание английской классической литературы. Для понимания второго из приведенных предложений требуется знание того, кто были Ромул и Рем, то есть знание истории и мифологии древнего Рима. Третий из приведенных примеров непонятен, если слушающему или читающему его неизвестны библейские мифы об Исаве, продавшем право первородства за чечевичную похлебку, и об Иуде Искарите, предавшем Христа; чтобы понять данное предложение, необходимо также знать, кто такой был Каслри и почему его имя ассоциируется с понятием продажности и предательства, то есть необходимо знание определенных фактов английской истории. Наконец, последнее предложение становится понятным лишь в том случае, если слушающему или читающему известно, что на улице Боу-стрит в Лондоне помещалось главное полицейское управление. Короче говоря, во всех этих (и многих других) случаях понимание смысла предложения невозможно без знания каких-то фактов и

явлений, лежащих вне языка, то есть без экстралингвистической («энциклопедической») информации.

Это обстоятельство является принципиально важным для теории и практики перевода не только потому, что самому переводчику для понимания переводимого текста необходимо иметь определенный запас экстралингвистических знаний, но и учитывая тот факт, что переводчик ни в коем случае не может рассчитывать на то, что эти знания, необходимые для понимания текста, будут одинаковыми у носителей ИЯ и ПЯ. Как раз наоборот — нормальной и обычной является ситуация, при которой объем экстралингвистической информации у носителей ИЯ и ПЯ не совпадает — многое из того, что известно и понятно читателям или слушателям текста оригинала, оказывается неизвестным и непонятым для читателей или слушателей текста перевода. Возвращаясь к нашим примерам, можно заметить, что в то время как переводчик вполне может предполагать наличие у русского читателя сведений о том, кто был Робинзон Крузо (поскольку этот роман вошел в фонд мировой литературы), кто такие Ромул и Рем, Иуда Искарот и пр., он никак не может предполагать, что читатель знает, кто был виконт Каслри и чем известна улица Боу-стрит — напротив, эти имена, хорошо понятные англичанам — современникам Диккенса, ничего не говорят современному русскому читателю. Выводы, которые вытекают отсюда для практики и теории перевода, весьма существенны; однако подробнее этот вопрос будет рассмотрен ниже (см. гл. 3).

Можно подумать, что наличие экстралингвистических сведений у «получателя» (а стало быть, у переводчика и у адресата перевода — читателя или слушателя) играет роль лишь в тех случаях, когда речь идет о тех или иных именах **собственных** (как в приведенных выше примерах), исторических событиях и пр. На самом деле, наличие у участников речевого акта экстралингвистической информации необходимо не только в этих случаях, но и, по сути дела, в любом коммуникативном акте, всегда, когда происходит речевое общение. Когда мы общаемся при помощи языка, то есть обмениваемся мыслями, мы всегда предполагаем у нашего собеседника наличие понятий об окружающем нас мире, о трехмерном пространстве, о временных, причинно-следственных и прочих отношениях и т.д., то есть знаний о самой объективной действительности. Как будет показано ниже (гл. 2), само понятие языкового значения предполагает отнесенность языкового знака прежде

35

всего к объективно существующей реальности, к предметам и понятиям, существующим в окружающем нас мире и данным нам в нашем опыте. Без знания этих предметов и понятий невозможна никакая коммуникация — речь не только станет непонятной, но и вообще никакая речевая деятельность не сможет осуществляться, ибо не может быть никакого обмена информацией, если не существует самой информации; нельзя обмениваться мыслями, если не существует самих предметов мысли.

§ 8. Итак, мы приходим к выводу, что любое речевое произведение, помимо языка, на котором оно строится, предполагает также наличие определенных экстралингвистических факторов, как то: темы (предмета) сообщения, участников речевого акта, обладающих определенной лингвистической и экстралингвистической информацией, и обстановки (ситуации) общения. Экстралингвистические, то есть неязыковые факторы речи не представляют собой некий «сверхязыковой остаток», как полагал А. И. Смирницкий¹, они являются неотъемлемыми составными частями самого процесса речи (коммуникативного акта), без которых речь немислима. Поэтому для переводчика как для участника, правда, своеобразного речевого акта абсолютно необходимо обладание определенной экстралингвистической информацией, иными словами, чтобы переводить, необходимо знать, помимо ИЯ и ПЯ и способов («правил») перехода от первого ко второму, также и предмет, и ситуацию коммуникации,

то есть то, о чем говорится в переводимом тексте, и ту обстановку, в которой функционирует данный текст, данное речевое произведение.

То, о чем мы говорим здесь, хорошо известно любому переводчику-практику: для того, чтобы успешно выступать в роли переводчика, необходимо знать не только два языка (ИЯ и ПЯ), но и то, о чем идет речь, то есть сам предмет речи. Это относится к любому виду перевода — как устному, так и письменному — и к переводу текстов любого жанра: художественных, общественно-политических и научно-технических. Переводчику художественной литературы абсолютно необходимо знать переводимого автора, его мировоззрение, эстетические взгляды и вкусы, литературное течение, к которому принадлежит этот автор, его творческий метод, а также описываемую в данном художественном про-

¹ См. А. И. Смирницкий. Объективность существования языка, с. 29.

36

изведении эпоху, обстановку, условия жизни общества, его материальную и духовную культуру и многое др. Переводчику общественно-политических материалов столь же необходимо знание государственного строя, политической обстановки и других факторов, характеризующих страну, где создан переводимый текст, и эпоху, когда он был написан (или произнесен). Переводчику научно-технических текстов совершенно необходимо обладать определенной суммой знаний из той области, к которой относится переводимый текст, будь то биология, физика, астрономия, или какая-нибудь другая отрасль знания.

Еще раз подчеркнем, что сказанное относится ко всем аспектам или «уровням» языковой системы — как к лексике, так и к грамматике. На первый взгляд может показаться странным, что для понимания грамматических конструкций может потребоваться знание предмета речи, то есть самих фактов действительности, о которых говорится в данном тексте. Однако дело обстоит именно так. Приведем лишь один пример: в научном тексте переводчику встретилось сочетание *investigation of microdocument storage system using fractional wavelength optical reading methods*. Это сочетание представляет собой яркий пример так называемой структурной (синтаксической) двусмысленности, так как причастие *using* можно здесь отнести и к *investigation*, и к *system*. Решить, к чему оно в данном случае относится, можно только при условии знания самого предмета — никаких формально-грамматических показателей этого нет, лишь специалист может определить, какая из двух возможных трактовок допустима по смыслу (точно так же, как в словосочетании *the man in the armchair reading a newspaper* мы определяем, что *reading* относится к *the man*, а не к *the armchair* не благодаря каким-либо грамматическим показателям, и лишь в силу знания нами того факта, что читать может только человек, но никак не кресло).

Следует отметить, что именно это обстоятельство — необходимость наличия экстралингвистических знаний — явилось серьезным препятствием на пути развития машинного перевода. Машина, не обладающая никакими знаниями об окружающем нас мире, оказалась не в состоянии «понять» (то есть правильно проанализировать) конструкции типа приведенных выше, где для разрешения лексической или синтаксической многозначности необходимо наличие у «получателя» знаний о самих фактах действительности. Так, в одном из экспериментов по автоматическому перево-

37

ду¹, машина перевела английское словосочетание *DeGaulle's rule* как *правило де Голля*, вместо *правление де Голля*. Английское слово *rule*, действительно имеет значения как 'правило', так и 'правление'. Для того, чтобы подобрать правильный в данном случае русский эквивалент, нужно знать, что де Голль был политическим деятелем — президентом Франции. Если бы он был ученым, то перевод *правило де Голля* был бы оправдан. Естественно, что электронно-вычислительная машина, не обладающая этой информацией, не смогла правильно перевести данное словосочетание, переведя *rule* по первому словарному соответствию — *правило*.

В настоящее время не только переводчикам-практикам, но и многим видным теоретикам-лингвистам стало очевидным, что для осуществления процесса перевода привлечение экстралингвистической информации абсолютно необходимо. Так, известный голландский языковед Э. М. Уленбек пишет: «...Знание языка-источника и переводящего языка недостаточно. Переводчику также необходимо знать культуру народов, говорящих на данных языках»². Еще более решительно высказывается в этом отношении видный американский лингвист Н. Хомский: «...Хотя имеется много оснований для того, чтобы верить в то, что языки в значительной степени сделаны по одному и тому же образцу, мало оснований полагать, что разумные процедуры перевода вообще возможны. Под «разумной процедурой» я имею в виду такую процедуру, которая не включает в себя экстралингвистическую информацию, то есть не содержащую «энциклопедических сведений»».³

В той мере, в какой процесс перевода не осуществляется без привлечения экстралингвистических факторов, теория перевода также не может обойтись без учета этих факторов. Это вполне естественно, поскольку любая теория, как было уже отмечено, должна отражать существенные черты того объекта (процесса или предмета), который моделируется данной теорией. Но это значит, что теория перевода не может быть по своему характеру микролингвистической дис-

¹ См. Ю. Н. Марчук. Об алгоритмическом разрешении лексической многозначности (канд. дисс.). М., 1968.

² "Lingua", v. 18, № 2 (1967), pp. 201—202 (перевод мой — Л. Б.)

³ Н. Хомский. Аспекты теории синтаксиса. М., изд-во МГУ, 1972, с. 187 (порядок следования предложений мною изменён — Л. Б.).

38

циплиной и должна строиться как особая отрасль макролингвистики, то есть того направления в языкознании, которое, как уже было указано, изучает язык не как имманентное явление, но в его связи с факторами экстралингвистическими, лежащими вне структуры языка как такового. Попутно отметим, что возражения многих переводчиков-практиков и литературоведов против самой идеи построения теории перевода как лингвистической дисциплины (об этом речь пойдет ниже) базируются, как правило, на слишком узком понимании лингвистики как исключительно микролингвистики. Действительно, если термин «лингвистика» считать полностью синонимичным термину «микролингвистика», то, как мы видели, на этой основе построить достаточно полную и адекватную теорию перевода вряд ли возможно. Если же, как мы пытались обосновать, теория перевода будет строиться как макролингвистическая дисциплина, то против создания теории перевода на такой основе вряд ли сможет возражать даже самый «антилингвистически» настроенный переводчик.

§ 9. Нам осталось уяснить еще один вопрос, а именно отношение между «дескриптивным», то есть описательным (констатирующим) и «прескриптивным», то есть предписывающим (нормативным) аспектами в теории перевода. Дело в том, что многие переводчики-практики относятся к теории перевода скептически, а иногда и явно отрицательно, не только в связи с тем, что они усматривают в ней дисциплину микролингвистическую и поэтому неадекватную для действительно глубокого проникновения в сущность перевода, но и трактуя ее как сумму неких предписаний или «правил», которые ставят своей целью ограничить творческую свободу переводчика жесткими рамками так называемых «закономерных соответствий». В литературе по теории перевода уже неоднократно отмечалась необоснованность подобных опасений¹; тем не менее они продолжают жить в определенных кругах переводчиков-практиков, в особенности переводчиков художественной литературы.

Между тем, нужно со всей решительностью подчеркнуть, что теория перевода отнюдь не является наукой исключительно или даже преимущественно прескриптивной.

Неправильно представлять теорию перевода как набор неких "рецептов» или «команд», наподобие команд, заложенных в

¹ См. А.В. Федоров. Основы общей теории перевода. М., "Высшая школа", 1968, с. 6, 26.

39

программе электронно-вычислительной машины, следовать которым переводчик обязан с неукоснительностью. Теория перевода является дисциплиной по преимуществу дескриптивной, то есть ее главная и основная задача — описать, как фактически происходит процесс перевода (в смысле, указанном выше), то есть вскрыть объективно существующие закономерности перехода от ИЯ к ПЯ, обнаруживая эти закономерности путем анализа уже выполненных переводов (подобно тому, как материалом для построения лингвистической теории служат языковые тексты или показания информантов — носителей языка) — и моделируя в тех или иных терминах процесс перевода. Именно этот дескриптивный аспект в теории перевода, как и в любой научной теории, является ведущим.

Из этого, однако, не следует делать вывода, что прескриптивный аспект в теории перевода полностью отсутствует. Нельзя упускать из вида тот факт, что теория перевода является не просто лингвистической дисциплиной, но одной из отраслей прикладного языкознания. Любая прикладная дисциплина, как известно, связана с той или иной областью практической деятельности человека, научным обоснованием которой она является; поэтому предписывающий или нормативный аспект не может не присутствовать в той или иной степени в научной дисциплине, имеющей прикладной характер. Для сравнения приведем пример из другой области, сопоставив, с одной стороны, патологическую анатомию и физиологию и, с другой, медицину. Будучи теоретическими науками¹, патологическая анатомия и физиология изучают объективно существующие процессы и явления, протекающие в человеческом организме при патологических состояниях, то есть при заболеваниях — иными словами, эти науки носят дескриптивный характер, описывая факты объективно существующей действительности. Медицина же, будучи прикладной наукой, неизбежно носит в значительной мере «предписывающий» характер, то есть содержит, упрощенно говоря, систему «правил» или рекомендаций, следовать которым должен врач, для того чтобы в своей практической деятельности добиться требуемых результатов. Точно таким же образом теория перевода, если

¹ Не следует забывать, что сами термины «теоретическая» и «прикладная» дисциплина весьма условны: любая прикладная дисциплина также строится на теории, на основе которой делаются определенные «рекомендации» или «предписания» практического характера.

40

мы хотим, чтобы она имела какую-то практическую (прикладную) ценность, должна не просто ограничиваться установлением объективно существующих закономерностей переводческого процесса, но и давать переводчику какие-то нормативные установки или «предписания», следуя которым он сможет в своей практической деятельности добиться желаемых результатов.

При этом, как уже отмечалось, теория перевода имеет дело не с имманентной системой или структурой языка как такового, а с переводом как процессом межъязыкового преобразования, производимым над определенным речевым произведением. Система языка существует объективно, независимо от индивида, говорящего на данном языке (хотя, конечно, отнюдь не независимо от всего речевого коллектива); в речи же, поскольку она всегда индивидуальна, могут наблюдаться ошибки, отклонения от языковой нормы, вызываемые причинами, лежащими вне самого языка как системы и поэтому безразличными для языкознания (такими как несовершенное владение языком, дефекты памяти, невнимательность говорящего и пр.). Поскольку эти ошибки и отклонения от языковой нормы («узуса») в речи говорящего индивида носят по отношению к системе языка случайный характер¹, постольку они не составляют и не могут составлять предмет изучения языкознания как науки. Иная ситуация существует в теории перевода: в ходе переводческого процесса неизбежны ошибки и отклонения от

норм «эквивалентного» перевода, причем они часто носят не индивидуальный, а закономерный характер, поскольку они вытекают из объективно существующих расхождений между системами двух языков — исходного и переводящего. (Существуют, конечно, и «переводческие ошибки», вызываемые индивидуальными, случайными явлениями — недостаточной квалифицированностью переводчика, незнанием им того или иного языкового или экстралингвистического факта и пр. — но они, разумеется, не входят в компетенцию лингвистической теории перевода.) Нормативный или «предписывающий» аспект теории перевода как раз и направлен на то, чтобы устранить или, по крайней мере, свести к минимуму эти отклонения от норм «эквивалентности» перевода, причиной которых является объективно существующее яв-

¹ О соотношении закономерного и случайного в языке вообще и в процессе перевода см. в работе О. Kade. *Zufall und Gesetzmäßigkeit in der Übersetzung*. Beihefte zur Zeitschrift „Fremdsprachen“, Leipzig, 1968.

41

ление межъязыковой интерференции — подобно тому, как нормативный аспект другой прикладной лингвистической дисциплины, а именно, методики преподавания иностранного языка, направлен на устранение ошибок и отклонений от языковой нормы в речи обучаемых, причиной которых является объективно существующее явление межъязыковой интерференции или влияния норм родного языка на речь обучаемого на иностранном языке.

Важно сделать в этой связи еще одну оговорку, притом весьма существенную: то, что мы называем «нормами эквивалентного перевода» ни в коем случае нельзя понимать как некие жесткие «рецепты» или «команды», обязательные во всех без исключения случаях и не подлежащие какому-либо видоизменению или творческому развитию в практике работы переводчика. Видимо, такое примитивное понимание нормативности в теории перевода и лежит в основе скептического отношения к данной теории со стороны некоторых переводчиков-практиков (о чем шла речь выше). Как совершенно справедливо отмечает А. В. Федоров, «выработка нормативных принципов, «правил» перевода возможна лишь в ограниченных пределах (то есть в относительно простых случаях) и всегда в относительно общей форме. Наличие закономерностей в соотношении двух языков и тех или иных близких соответствий между ними ещё отнюдь не означает возможность или необходимость применять всегда одинаковые способы перевода... Ко всякой нормативной рекомендации того или иного способа, хотя бы даже подкрепленной самыми вескими теоретическими доводами, на практике необходимо сознательное творческое отношение».¹

Резюмируя сказанное выше, можно сделать вывод, что лингвистическая теория перевода представляет собой двустороннюю, дескриптивно-прескриптивную дисциплину, в которой ведущим является дескриптивный аспект, а прескриптивный играет подчиненную, но, тем не менее, весьма существенную роль. Теория перевода исходит из того материала, который дается в ее распоряжение переводчиками-практиками и, вскрывая объективно существующие закономерности переводческого процесса, делает на основе этого материала свои теоретические выводы; но далее она вновь

¹ А. В. Федоров. Указ, соч., с. 26. Сказанное, понятно, не относится к автоматическому (машинному) переводу, который немислим без «жестких» (то есть однозначных, нерушимых) правил или «команд».

42

проецирует эти выводы на практику в виде определенных информативных установок, которые имеют вид не жестких и нерушимых «правил на все случаи», а типовых рекомендаций, носящих не абсолютный, а относительный характер и подлежащих той или иной модификации в зависимости от каждого конкретного случая. Переводчику-практику также не подобает опасаться теории перевода, как практикующему врачу — теории медицины или музыканту — теории музыки; теория не подменяет собой ни практических навыков и умений, ни таланта и дарования, но идет в ногу с ними, освещая путь практике.

§ 10. До сих пор, говоря о теории перевода, мы все время имели в виду именно лингвистическую теорию перевода, хотя ограничительное определение «лингвистическая» нередко опускалось, как само собой разумеющееся. Из этого, однако, отнюдь не следует, что никакая другая теория перевода вообще невозможна. Перевод — многосторонний и многоаспектный вид человеческой деятельности; поэтому вполне естественно, что он может быть и действительно является объектом изучения не одной, а разных наук. Многие аспекты перевода художественной литературы, в силу специфики этого вида перевода, могут с успехом исследоваться в рамках литературоведения — и действительно, как у нас в Советском Союзе, так и за рубежом существует и развивается литературоведческая теория перевода. Психофизиологический аспект перевода, то есть нейрофизиологический процесс, протекающий в мозгу переводчика в момент осуществления перевода, может и должен стать предметом исследования психологии и физиологии высшей нервной деятельности. Проблемы, возникшие в связи с попытками автоматизации перевода, непосредственно входят в сферу компетенции таких наук как кибернетика, теория информации и прикладная математика. Наконец, практическое применение перевода в целях обучения иностранным языкам входит в круг интересов методики преподавания иностранных языков.¹

¹ Впрочем, изучение перевода в рамках всех указанных нелингвистических наук так или иначе смыкается с соответствующими разделами языкознания — стилистикой художественной речи, психолингвистикой, вычислительной («инженерной») лингвистикой и пр. (методика преподавания языка сама является одной из отраслей прикладного языкознания).

43

Следует, однако, отметить, что интерес, проявляемый к переводу со стороны нелингвистических наук, носит ограниченный характер. Предметом исследования литературоведческой теории перевода являются некоторые проблемы перевода художественной литературы; однако даже самый горячий поборник литературоведческого подхода к изучению перевода не станет отрицать тот несомненный факт, что литературоведение ничем не может быть полезным при изучении таких видов перевода, как перевод научно-технической литературы или синхронный перевод выступления на общественно-политическую или дипломатическую тематику. Психологию процесс перевода интересует именно как психологический процесс, то есть определенный вид деятельности коры головного мозга; поэтому там, где исследованию подвергаются результаты этого процесса, например, при сопоставительном изучении текстов подлинника и перевода, психология бессильна. Изучение перевода методами математических наук, теории информации и кибернетики ограничивается, по крайней мере на сегодняшнем этапе развития науки, исследованием лишь простейших отношений между единицами ИЯ и ПЯ, дающим возможность моделировать процесс перевода лишь в самом грубом приближении (хотя многие положения этих наук могут уже сейчас с успехом применяться и при изучении «немашинного», «человеческого» перевода). Методика преподавания иностранных языков интересуется переводом лишь как одним из видов учебной деятельности на занятиях по изучению иностранного языка — иначе говоря, лишь учебным переводом, но отнюдь не переводом как видом практической деятельности человека («профессиональным переводом»)

Что же касается лингвистики, то область ее интересов распространяется на абсолютно все виды и разновидности перевода: предметом ее изучения являются перевод письменный и устный, художественный, общественно-политический, научно-технический и т. д. Разумеется, во всех этих случаях лингвистическая теория перевода занимается изучением лишь собственно языковой переводческой проблематики (хотя, как уже было подчеркнуто, отнюдь не замыкаясь в узких рамках микролингвистики), но не какой-либо иной, например, психологической, эстетической и пр. Именно поэтому мы далеки от того, чтобы утверждать, что единственно правомерным подходом к проблемам перевода

является подход лингвистический; как раз наоборот, есть Все основания полагать, что успешное развитие научного иссле-

44

дования перевода возможно лишь в условиях самого тесного сотрудничества различных наук, изучающих разные аспекты столь многостороннего явления как перевод.

Весь комплекс дисциплин, изучающих перевод под разными углами зрения, можно назвать переводоведением; центральной и основной частью переводоведения является лингвистическая теория перевода, вокруг которой группируются другие направления в изучении перевода – литературоведческое, психологическое, кибернетико-математическое и пр.¹

Как известно, в свое время в литературе по вопросам перевода велись жаркие споры о том, может ли художественный перевод быть объектом лингвистической теории перевода или же он всецело входит в компетенцию литературоведения.² Приведем две цитаты, наглядно характеризующие отрицательное отношение некоторых литературоведов к самой идее включить художественный перевод в сферу интересов лингвистической теории перевода. «Установление языковых соответствий — задача языкознания, но не предмет анализа художественного творчества, в то время как разбор художественного перевода представляет собой разновидность последнего... Выражаясь образно, область художественного перевода, пожалуй, начинается там, где кончается область языковых сопоставлений... Художественный перевод следует рассматривать как разновидность словесного искусства, то есть не с лингвистической, а с литературоведческой точки зрения»³. Еще более резко и «непримиримо» эта же мысль выражена в следующем высказывании: «Советская школа художественного перевода... родилась в борьбе... с буквализмом, с формалистическим педантизмом, с теорией лингвистических адекватов»⁴, где, как мы видим, ставится знак равенства между лингвистической теорией перевода и буквализмом в переводе.

¹ Иное понимание термина «переводоведение», а также иная трактовка соотношения дескриптивного и прескриптивного аспектов и теории перевода дается в книге В.Н. Комиссарова «Слово о переводе».

² Первая точка зрения была в довольно категорической форме впервые высказана А.В. Федоровым в его монографии «Введение в теорию перевода», М., Изд-во лит. на иностр. яз., М., 1953; вторая была столь же категорично сформулирована в сборнике «Вопросы художественного перевода», М., «Советский писатель», 1955.

³ Г. Гачичеладзе. Вопросы теории художественного перевода. Тбилиси, Лит. да хеловнеба. 1964, с. 75—77.

⁴ Н. Чуковский. Реалистическое искусство. «Мастерство перевода», М., «Советский писатель», 1963, с. 12.

45

В наши дни эти споры, можно полагать, в значительной мере утратили свою остроту. Само по себе противопоставление лингвистического и литературоведческого подхода к изучению проблем художественного перевода неправомерно, поскольку художественный перевод, как и всякий другой есть не что иное как преобразование текста на одном языке в текст на другом языке, ему должны быть свойственны те же самые общие закономерности, что и любому виду перевода вообще, и тем самым лингвистическая теория перевода имеет полное право черпать свой материал также и из наблюдений над закономерностями перевода художественной литературы. С другой стороны, нельзя не признать того факта, что целый ряд проблем художественного перевода, связанный со специфическим характером художественного текста, в котором важную роль играют эстетические факторы, может быть освещен и проанализирован именно с позиций литературоведения, а не языкознания. Поэтому нельзя не согласиться с А. В. Федоровым, который в одной из позднейших работ писал: «Настаивать сейчас на правомерности только литературоведческого или только лингвистического пути теории художественного перевода было бы делом и не современным, и не прогрессивным. Наше время — время невиданного ранее сотрудничества наук...»¹. Поэтому мы полагаем, что

как лингвистическая, так и литературоведческая теории перевода (равно как и некоторые другие, упомянутые выше) вполне могут, более того, обязаны сотрудничать в рамках общей комплексной дисциплины — переводоведения, которое изучает с различных сторон, методами разных наук один и тот же объект — перевод.²

4. Виды перевода

§11. До сих пор речь шла о переводе вообще, в отвлечении от конкретных видов и разновидностей перевода. В действительности же перевод представлен целым рядом специфических видов и разновидностей, отличающихся друг от друга как формой, в которой осуществля-

¹ А. В. Федоров. За синтез мнений в теории перевода. «Литературная Грузия», 1966, № 3, с. 62.

² В некотором отношении переводоведение сходно с такими комплексными дисциплинами как «славяноведение», «востоковедение», в пределах которых также существует сотрудничество и взаимодействие разных наук, изучающих различные аспекты жизни и культуры народов славянских стран, Востока и пр.

46

ется речь, так и характером переводимого материала. Известно, что любой язык может существовать в форме как устной, так и письменной речи. В зависимости от того, в какой форме речи употребляются ИЯ и ПЯ, различаются следующие основные виды перевода:

1) **Письменно-письменный перевод** или письменный перевод письменного текста: оба языка — ИЯ и ПЯ — употребляются в письменной форме. Это один из наиболее обычных видов перевода, причем внутри него также можно различать определенные подвиды в зависимости от характера переводимого текста. Так, А.В. Федоров¹ различает следующие разновидности этого перевода: а) перевод газетно-информационных, документальных и специальных научных текстов; б) перевод общественно-политической литературы, публицистики и ораторской речи; в) перевод художественной литературы. (Некоторые вопросы, связанные со спецификой перевода письменных текстов различных жанров, будут рассмотрены нами ниже, в гл. 3.)

2) **Устно-устный перевод** или устный перевод устного текста: оба языка — ИЯ и ПЯ — употребляются в устной форме. В пределах этого вида перевода существуют две разновидности: так называемый **последовательный** и **синхронный** перевод. Последовательный перевод следует за текстом подлинника (речью на ИЯ), либо уже отзвучавшим, то есть полностью произнесенным, либо произносимым с перерывами звучания — обычно «поабзацно», то есть по группам из нескольких предложений, реже «пофразно» — отдельными предложениями с паузой после каждого предложения. Синхронный же перевод осуществляется одновременно с произнесением текста подлинника — точнее говоря, он осуществляется в целом одновременно, однако на отдельных участках речи синхронный перевод либо отстает от речи на ИЯ с минимальным разрывом во времени (на несколько слов), либо несколько забегаёт вперёд по сравнению с речью на ИЯ, что становится возможным благодаря механизму так называемого «вероятностного прогнозирования»,² то есть способности переводчика до опреде-

¹ А.В. Федоров. Основы общей теории перевода, гл. 6.

² См. И.А. Зимняя, Г. В. Чернов. К вопросу о роли вероятностного прогнозирования в процессе синхронного перевода. Тезисы всесоюзной конференции «Вопросы теории и методики преподавания перевода», МГПИИЯ им. М. Тореза, Ч. I. М., 1970, с. 111-113; Г. Чернов. Экспериментальная проверка одной модели. "Тетради переводчика", вып. 8. М., 1971.

47

ленной степени предугадывать содержание еще не произнесенных отрезков речи на ИЯ. Это «прогнозирование», компенсируя некоторое отставание синхронного перевода по сравнению со звучанием речи на ИЯ на других отрезках текста, и дает возможность осуществлять устный перевод в целом одновременно с произнесением исходного текста.

Естественно, что обе отмеченные разновидности устно-устного перевода — последовательный и синхронный — сопряжены со специфическими трудностями психологического характера: первая разновидность требует от переводчика хорошо натренированной быстродействующей памяти (правда, в качестве вспомогательного средства при последовательном переводе почти всегда выступает запись отдельных единиц переводимого текста¹), при второй же на первый план выступает умение одновременного слушания и говорения, которое требует специальной и длительной тренировки.

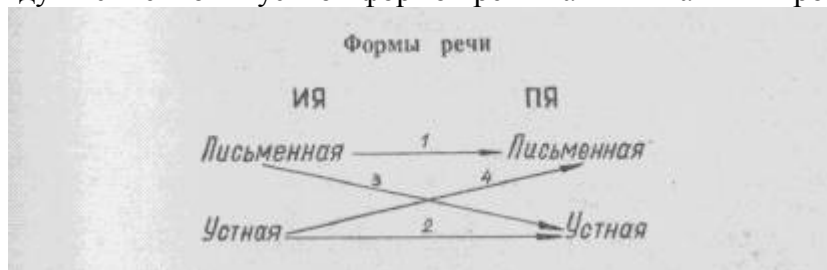
3) **Письменно-устный перевод** или устный перевод письменного текста: ИЯ употребляется в письменной форме, ПЯ — в устной. В этом виде перевода также возможны две разновидности: перевод может осуществляться одновременно с чтением подлинника про себя (как и при синхронном переводе, с последовательными отставаниями и опережениями) или же последовательно, после прочтения всего текста в целом или поабзацно. Первая разновидность письменно-устного перевода часто называется «переводом с листа», вторая — «переводом с подготовкой» (название очень условное, ибо «подготовка» в данном случае минимальная — предварительное прочтение и понимание текста подлинника).

4) **Устно-письменный перевод** или письменный перевод устного текста: ИЯ употребляется в устной форме, ПЯ — в письменной. На практике этот вид перевода встречается редко, ибо скорость, с которой осуществляется процесс написания (или напечатания) текста, намного ниже скорости произнесения устного текста и осуществлять такой перевод в естественных условиях практически почти не возможно. Можно, конечно, зафиксировать произнесенный устно текст, скажем, стенографическим способом и затем письменно перевести стенограмму, но это уже будет не устно-письменный, а письменно-письменный перевод (ибо стенограмма является уже не устным, а письменным

¹ См. J.-F. Rozan. La prise de notes en interprétation consécutive. Genève, 1956.

48

текстом). Пожалуй, единственным обычным случаем применения устно-письменного перевода на практике является так называемый **диктант-перевод** — один из видов тренировочных упражнений на занятиях по изучению иностранного языка, при котором устный текст (подлинник) произносится в искусственно замедленном темпе («скорость диктанта»), что дает возможность осуществлять письменный перевод. Изредка, насколько нам известно, диктант-перевод встречается и в практической деятельности переводчиков, когда переводчик печатает на машинке перевод диктуемого ему в замедленном темпе иноязычного текста. В заключение приведем схему, наглядно демонстрирующую вышеперечисленные четыре основных вида перевода в зависимости от различных отношений между письменной и устной формой речи на ИЯ и на ПЯ в процессе перевода:

- 1 — письменно-письменный перевод
- 2 — устно-устный перевод
- 3 — письменно-устный перевод
- 4 — устно-письменный перевод

В дальнейшем изложении мы сосредоточимся преимущественно на общетеоретических проблемах перевода, безотносительно к его конкретным видам и разновидностям, отмечая, однако, специфику этих последних там, где это представляется

ЯЗЫКОВЫЕ ЗНАЧЕНИЯ И ПЕРЕВОД**1. Основы теории языковых значений**

§ 12. В главе 1 (§ 3) перевод был определен как процесс преобразования речевого произведения на одном языке в речевое произведение на другом языке при сохранении неизменного значения, точнее системы значений, выраженных в исходном тексте («план содержания текста на ИЯ»). Там же было отмечено, что понимание сущности перевода требует прежде всего глубокой разработки теории языковых значений. В этой главе мы дадим изложение — по неизбежности, сжатое и схематичное — нашего понимания сущности языкового значения, типов значений, выражаемых в языке, и их места в переводческом процессе.

Вопрос о том, что такое значение в языке и какие существуют типы и виды языковых значений, до сих пор остается предметом разногласий и дискуссий. В нашу задачу не входит разбор всех или хотя бы основных точек зрения по вопросу о характере языкового значения. Мы рассмотрим только один — самый распространенный в советской и зарубежной лингвистике, но тем не менее, с нашей точки зрения, ошибочный — взгляд на природу языкового значения, на то, что такое значение и каково его отношение к языковой форме («звуковой материи» языка). Согласно этому взгляду, значение есть некое психическое образование, некая категория, присущая сфере человеческого сознания, «миру идей», то есть категория мыслительная. Так, А.И. Смирницкий, разделявший указанную точку зрения, в одной из своих работ говорит: «... значение слова... существует, как определенное явление в сознании (разрядка автора — Л. Б.) и представляет собой функцию мозга».¹ В другой своей работе А.И. Смирницкий дает следующее определение значе-

¹ А.И. Смирницкий. Объективность существования языка, с. 24; Ср. также В.М. Солнцев. Язык как системно-структурное образование. М., «Наука», 1971, с. 43.

50

ния, весьма типичное для указанной трактовки этой языковой категории: «... Значение слова есть известное отображение предмета, явления или отношения в сознании (или аналогичное по своему характеру психическое образование, конструированное из отображений отдельных элементов действительности), входящее в структуру слова в качестве так называемой внутренней его стороны, по отношению к которой звучание слова выступает как материальная оболочка...»¹

Такая точка зрения, несмотря на свою кажущуюся убедительность, по нашему мнению, не может быть признана состоятельной, так как она внутренне противоречива. Если встать на нее, то получится, что значение, то есть смысловая сторона языка существует в человеческом сознании, в психике, в то время как сам язык «действительно и полностью существует в речи»², которая, как неоднократно и категорически подчеркивает сам А.И. Смирницкий, есть явление не психическое, а материальное. Таким образом, возникает противоречие: язык, с одной стороны, существует в речи и тем самым оказывается явлением материальным, в то время как значение языковых единиц существует уже не в речи, а в человеческом сознании и тем самым оказывается относящимся к числу явлений идеальных.

Указанное противоречие можно разрешить одним из трех возможных способов. Можно, во-первых, признать, что не только значение языковых единиц, но и весь язык как таковой существует в человеческом сознании, в мозгу человека и тем самым относится к числу явлений психических. Такая концепция (так называемый психологизм) была, как

известно, широко распространена в языкознании XIX — начала XX века; ее разделяли такие крупные языковеды прошлого как А. А. Потебня, Г. Пауль, И. А. Бодуэн де Куртенэ, Ф. де Соссюр и другие. В наши дни эта точка зрения также находит себе сторонников.³ В цитиро-

¹ А.И. Смирницкий. Значение слова. «Вопросы языкознания», 1955, № 2, с. 89. Хотя здесь и в других местах А. И. Смирницкий говорит о «значении слова» по преимуществу, можно полагать, что сказанное относится и к другим типам языковых значений.

² А.И. Смирницкий. Объективность существования языка, с. 29.

³ Напр. Н. Хомский; см., в частности, его работу «Язык и мышление», М., изд-во МГУ, 1972, где язык трактуется как психическое явление, а языкознание провозглашается составной частью психологии.

51

ванной выше работе "Объективность существования языка" А.И. Смирницкий подверг эту точку зрения критике и здесь нет необходимости повторять его аргументацию. Укажем только, что материальный характер языка — и, шире, любой знаковой системы — вытекает из его сущности как средства общения, которое не может не быть материальным, то есть доступным чувственному восприятию.

Во-вторых, можно признать язык двусторонней сущностью — неким материально-идеальным объектом, в котором звуковая форма (план выражения) — материальна, а содержание (план содержания или значение) — идеально, то есть относится к сфере психики. Такая трактовка отношения материального и идеального в языке широко распространена среди языковедов и философов. Вот одно характерное высказывание: «Его (то есть языка — Л.Б.) материальная сторона — знаки существуют объективно вне человека... Его смысловая сторона — значения существуют в идеальной форме как факт сознания в голове каждого человека, принадлежащего к данному обществу».¹ И далее: «Язык есть единство материальной и идеальной сторон».² Нам кажется, что такая концепция представляет собой своеобразную разновидность дуализма со всей присущей ему противоречивостью. Ведь материальное существует вне нас, вне человеческого сознания, в самой объективной действительности; идеальное же есть субъективный образ объективного мира, существующий в нашем сознании, в человеческой психике. Что касается языка, то он, оставаясь, видимо, единым объектом, вместе с тем оказывается разорванным надвое: одна его сторона (звуковое оформление) существует вне нас, в объективной действительности, другая (значение) — внутри нас, в нашем сознании. Такая трактовка отношения формы и значения в языке, как и любая дуалистическая концепция, совершенно не в состоянии объяснить, каким же образом связаны между собой материальное и идеальное в языке, как может звуковая форма, существующая в материальном мире (в речи), служить «оболочкой»³ для идеального «понятия» или «психического

¹ В.М. Солнцев. Указ, соч., с. 274.

² Там же, с. 275.

³ Выражение «звуковая оболочка», широко употреблявшееся в свое время многими советскими языковедами, неудачно уже потому, что оно наталкивает на понимание связи звука и значения как чисто механического отношения «вместилища» («сосуда») и «содержимого» См. В.М. Солнцев. Указ. соч., с. 193.

52

образования», существующего в человеческом сознании.

Конечно, противопоставление материального и идеального в конечном счете не абсолютно — идеальное также имеет свой материальный субстрат в виде мозга, являющегося высшей формой живой материи. Однако это не разрешает противоречия, которое, как мы отметили, заключается в том, что звуковая форма в языке оказывается при рассматриваемом подходе существующей в речи, а языковое значение — в мозгу человека, то есть форма и значение в языке как бы существуют раздельно.

Это наталкивает нас на поиски третьего пути для выхода из сложившегося противоречия: если форма и значение в языке существуют раздельно, то не значит ли это, что они не составляют собой единого объекта? Иными словами, не вытекает ли из этого, что язык, будучи материальным образованием, есть одна лишь форма, а значение,

поскольку оно относится к сфере психики, вообще не является составной частью или стороной языка? Нельзя не признать, что в рамках психологической (или логической) концепции значения такой вывод является наиболее последовательным: если отрицать, что язык есть по своей сущности психическое явление и в то же самое время признавать психический характер значения, то отсюда логически вытекает, что значение не входит в язык и является по отношению к нему чем-то внешним. К такому выводу, действительно, приходит ряд исследователей,¹ которые, трактуя значение как психическую или мыслительную категорию, вполне последовательно заключают из этого, что вообще знак есть односторонняя (чисто формальная), а не двусторонняя единица и что значение не входит в структуру знака, а лежит вне его.

С этой точкой зрения, однако, мы также не можем согласиться. Знак (в том числе языковой) — лишь потому знак, что он обладает значением; если знак лишить значения, то он перестает быть знаком. Утверждать, что значение лежит «вне» знака и не входит в его структуру, значит признавать, что знак и без значения остается знаком. Но знак без значения — понятие внутренне противоречивое, говоря проще, абсурдное. Наличие значения — это то, что отличает знак от не-знака, это основной различительный признак понятия «знак». Как же можно утверждать, что основной различительный

¹ См., напр., А.Г. Волков. Язык как система знаков. М., изд-во МГУ, 1966, гл. V; А.А. Ветров. Семиотика и ее основные проблемы. М., Политиздат, 1968, гл. 1, §4.

53

тельный признак понятия лежит вне его, является по отношению к нему чем-то внешним?

Говоря о языке (как особой знаковой системе), следует подчеркнуть, что сама история развития науки о языке показала полную несостоятельность попытки «изгнать» значение из языка, считать его чем-то внешним по отношению к языку. Те лингвистические направления, которые пытались построить науку о языке, не прибегая к понятию значения, как это имело место, например, в наиболее ортодоксальной разновидности американского дескриптивизма — так называемом Йельской школе, потерпели, по сути дела, полную неудачу и в настоящее время фактически сошли со сцены. И дело не только в том, что вынесение значения за пределы языка крайне обедняет проблематику лингвистической науки, сводя ее только к описанию формальной стороны языка, оказалось, что и языковую форму невозможно изучать, не учитывая в той или иной степени выражаемые ею значения, ибо понятие формы неизбежно предполагает и понятие значения, без которого форма уже не есть форма (иначе говоря, план выражения существует как таковой лишь постольку, поскольку существует план содержания, точно также как и существование плана содержания немислимо без существования плана выражения; оба эти понятия противопоставлены друг другу и вместе с тем предполагают друг друга). Поэтому в наши дни, по существу, уже нет ни одного серьезного научного направления в языкознании, которое исходило бы из принципа вынесения значения за пределы языка; буквально все основные лингвистические школы, существующие в настоящее время, трактуют значение как неотъемлемую составную часть или сторону языковой системы, столь же присущую ей, как и звуковая форма. Что же касается таких направлений, как бывшая Йельская школа американского дескриптивизма, то они внесли в фонд лингвистической науки немало ценного, но не благодаря отказу от изучения языковых значений, а как раз вопреки ему. Ибо, как уже отмечалось в лингвистической литературе,¹ чисто «формальный» анализ языка фактически невозможен, и отказ изучать значения при анализе языкового материала на словах приводил

¹ См., напр., мою статью «К вопросу о взаимоотношении между так называемыми «традиционными» и «новыми» методами в языкознании». «Иностранные языки в высшей школе», вып. 1, М., 1965, с. 119.

54

только к тому, что на деле значение как бы «протаскивалось с черного хода», то есть присутствовало при анализе языкового материала неявно, имплицитно, в скрытом виде. В интересах лингвистической науки необходимо, однако, чтобы эта апелляция к значению

была не скрытой, а открытой и явной, ибо только тогда будет обеспечена подлинная точность и строгость языковедческих исследований.

Поэтому нам остается только присоединиться к А.И. Смирницкому, который весьма категорически заявляет: «... Необходимым представляется сказать совершенно ясно и недвусмысленно, что значения слов и других единиц принадлежат языку, входят в него так же, как и реальные звучания его единиц».¹ Но из этого вытекает, что значения единиц языка, так же как и их «реальные звучания», существуют не в сознании, не в человеческой психике, а в речи, в самих реально существующих речевых произведениях (звучащих или письменных текстах). Приходится только сожалеть, что даже такой вдумчивый исследователь, как А.И. Смирницкий, не сумел в данном вопросе преодолеть влияния господствующей традиции и тут же, вслед за вышеприведенной цитатой заявил, что «язык... своей смысловой стороной непосредственно существует в сознании» (разрядка автора — Л. Б.).

Таким образом, нельзя не прийти к выводу, что признание значения слова психической сущностью приводит исследователей к противоречиям, из которых нельзя найти никакого удовлетворительного выхода. Остается одно — признать, что трактовка значения в языке как некой «психической», «логической» или «мыслительной» сущности неверна в своей основе. Значения языковых единиц существуют не в человеческом сознании, а в самих этих единицах, то есть не в мозгу человека, а в речи.

Есть еще одно соображение, которое вынуждает нас отказаться от логико-психологической трактовки значений. Дело в том, что исследователи, трактующие значение в языке как некое «психическое» или «мыслительное» образование, оказались не в состоянии установить, какова же природа этого «образования» и к какой категории мыслительных явлений оно относится. Известно, что в традиционной психологии издавна принято говорить о трех типах умствен-

¹ А.И. Смирницкий. Объективность существования языка, с. 24.

ных образов или «психических образований» — восприятиях, представлениях и понятиях. Что восприятие не может быть значением слова, представляется самоочевидным: восприятие есть конкретное отражение в сознании объекта, непосредственно воспринимаемого нашими органами чувств, а в процессе речи вполне обычной является ситуация, когда предметом речи оказываются объекты, в данный момент непосредственно не воспринимаемые, отсутствующие в поле зрения говорящего и слушающего (напр., когда я говорю *Вчера Иванов уехал в Ленинград*, ни в моем восприятии, ни в восприятии слушающего нет ни Иванова, ни Ленинграда, ни факта отъезда Иванова в Ленинград). Отсюда был сделан вывод, что значением слов и других единиц языка является не восприятие, а представление, которое, как известно, может существовать в человеческой психике и тогда, когда соответствующие объекты непосредственно не воспринимаются, то есть лежат вне досягаемости наших органов чувств. Такая точка зрения, приравнивающая значение в языке к представлению, господствовала в науке, как известно, на протяжении почти всего XIX века; однако в настоящее время ее несостоятельность очевидна. Во-первых, значение слова есть некое обобщение, в то время как представления всегда единичны и конкретны, поскольку они суть не что иное, как определенные следы, оставляемые в нашей памяти предыдущими восприятиями. Так, мы не в состоянии представить себе значение таких слов, как, скажем, *дерево* или *плод* — мы можем представить лишь конкретное дерево, скажем, березу, или дуб, или сосну, стоящее дерево, поваленное дерево, высокое дерево, низкорослое дерево и пр., но не «дерево вообще», точно так же как мы можем представить себе яблоко, грушу, сливу, вишню и т.д., притом конкретное (напр., красное, или желтое и пр.) яблоко, конкретную грушу и т.д., но не «плод вообще». Ещё менее возможным оказывается применение термина «представление» к значению таких абстрактных слов, как, скажем, *причина*, *время* или *отношение*, ибо мы

не можем «представить» себе все эти отвлеченные значения, не можем вызвать в своем воображении никаких образов, ассоциирующихся со значением этих слов. Мы не говорим уже о таких словах, как предлоги, союзы, частицы и прочие служебные элементы языка и тем более о значениях грамматических форм, например, падежных окончаний имени или форм наклонения глагола — в применении к этим единицам языка о «представлениях» можно говорить только в том случае,

56

если вкладывать в этот термин крайне неопределенное и расплывчатое содержание, которое сведет его научную ценность к нулю.

Во-вторых, экспериментально доказано, что представления, возникающие в сознании человека в связи с теми или иными единицами языка, часто не имеют ничего общего с действительным значением этих единиц. Так, у одного из испытуемых слово *религия* вызывало в сознании образ негра; у другого слово *цербер* ассоциировалось с представлением толстой женщины и пр.¹ И это вполне естественно — представления, возникающие в сознании человека, всегда единичны и индивидуальны и не могут гарантировать того, что говорящий и слушающий будут ассоциировать с одним и тем же словом одно и то же значение, а именно это условие является необходимым для успешного осуществления акта речевой коммуникации.

В современной лингвистической литературе значение слова связывается чаще всего с понятием. Так, Г.В. Колшанский пишет: «... Семантика слова по существу совпадает с понятием как логической формой, понятием, выражаемым в слове».² Если оставаться в рамках трактовки значения как мыслительной категории, такая концепция представляется наиболее разумной: значение слова, как уже было отмечено, носит обобщенный характер, а понятие обычно определяется именно как «обобщенный образ», как некое обобщение свойств и качеств, присущих предметам реальной действительности. Однако трактовка значения слова (и любой другой языковой единицы) как понятия также наталкивается на серьезные трудности. Природа понятия нам известна еще меньше, чем природа восприятия и представления: если существование двух последних категорий в нашем сознании без труда можно установить путем простой «интроспекции» или самонаблюдения, то «понятие» как некая сущность не поддается вскрытию ни путем самонаблюдения, ни каким-либо экспериментальным путем — в любом случае все, что мы можем сказать о «понятии», это то, что оно существует

¹ См. Р.О. Шорин и С.Чемоданов. Введение в языковедение. М., Гос. учеб.-пед. изд-во Наркомпроса РСФСР, 1945, с. 65.

² Г.В. Колшанский. Логика и структура языка. М., "Высшая школа", 1965, с. 28. Менее категоричную, но по существу, идентичную формулировку дает С.Д. Кацнельсон, называющий понятие «концептуальным ядром значения» (см. С.Д. Кацнельсон. Содержание слова, значение и обозначение. М. — Л., «Наука», с. 9—18).

57

в нашем сознании лишь как слово, как «умственный образ» слова и ничто иное. Действительно, определив значение слова как понятие, то есть приравняв, отождествив эти явления, мы просто заменяем один термин другим и нисколько не продвигаемся в понимании природы этих явлений, которые, к тому же, оказываются не двумя разными, а одним и тем же явлением. Таким образом, мы попадаем в порочный круг: значение слова определяется нами как понятие, а «понятие» мы не можем определить иначе, как через слово, говоря, что «понятие» — это то, что составляет значение слова». Другие попытки определить «понятие», не прибегая к значению слова, например, как «обобщенный образ» или «обобщенное отражение», либо слишком неопределенны и расплывчаты, либо внутренне противоречивы («образ» всегда единичен и конкретен, в то время как «обобщение» предполагает некую абстракцию, отвлечение от единичного и конкретного). Приходится признать, что определение значения через понятие нисколько не способствует раскрытию природы языкового значения, кроме, разве, того факта, что оно

подчеркивает абстрактный, отвлеченный характер этого последнего в отличие от чувственных образов, то есть восприятий и представлений.

Из сказанного отнюдь не следует делать вывод, что мы вообще отрицаем всякую связь языкового значения с понятием. Безусловно, значение в языке теснейшим образом связано с мыслительной категорией понятия, точно так же, как язык вообще самым тесным образом связан с мышлением, с сознанием человека. Однако язык — не то же самое, что мышление, и он не существует в мышлении (хотя мы и мыслим при помощи языка); точно также и значение слова и других языковых единиц не есть понятие (хотя понятия могут существовать в сознании человека только благодаря знанию им языка, единицы которого обладают определенными значениями). Бесполезно пытаться определить язык через мышление, а значение единиц языка — через понятие; скорее наоборот, мы придем к пониманию природы мышления и, в частности, категории понятия только после того, как сможем познать природу языка и языкового значения, не прибегая, чтобы не попасть в порочный круг, на первых этапах к объяснению этих последних через мыслительные категории.

§ 13. Прежде чем перейти к изложению нашего понимания природы значения в языке, суммируем вкратце основные

58

исходные положения, на которых базируется наше понимание этой категории.

1) Язык есть знаковая (семиотическая) система особого рода наиболее сложная и наиболее универсальная из всех существующих в человеческом обществе знаковых систем. Основной функцией языка, как и любой знаковой системы, определяющей его характер и природу, является функция общения («коммуникации»).

2) Язык существует в речи, в речевых произведениях (текстах), создаваемых в процессе речевой коммуникации. Речь, как уже было отмечено, не сводится к языку; однако язык является основным и важнейшим компонентом любого речевого произведения, тем «материалом», из которого оно строится.

3) Единицы языка, как и любой другой знаковой системы, являются двусторонними образованиями: в них различаются план выражения или звуковая (в письменной речи — графическая¹) форма и план содержания или значение. Обе эти стороны языка взаимосвязаны, взаимообусловлены и предполагают друг друга, ибо нет формы, не имеющей значения, и нет значения, не выражаемого через какую-либо форму.

4) Из этого вытекает, что значения языковых единиц, также как и их формальная (звуковая или графическая) сторона, существуют в речи, в речевых произведениях (текстах).

На первый взгляд утверждение, что значения единиц языка существуют в речи, в речевых произведениях, может показаться странным. Ведь в прямом наблюдении, в непосредственном восприятии речевых произведений нам дана только звуковая форма языковых единиц, то есть поток звуков (в письменной речи — графическая форма, то есть цепочка письменных или печатных знаков). Именно формальная, внешняя сторона языковых единиц и воспринимается нашими органами чувств; что же касается значений, то мы их непосредственно не воспринимаем, они не даны нам в наших ощущениях, ни акустических, поскольку мы воспринимаем устную речь, ни зрительных, если мы имеем

¹ Впрочем, в той мере, в какой письменная речь является отражением и фиксацией речи устной, в ней также присутствует звуковая сторона — графические символы обозначают не сами значения как таковые, а являются как бы вторичной знаковой системой, соотносенной со звуками речи, а уже эти последние являются непосредственными выразителями значений.

59

дело с письменной формой речи. Поэтому и создается впечатление, что вне нас, в материальном мире существует лишь внешняя, звуковая сторона языка, а языковые значения существуют лишь внутри нас, в нашем сознании. Так, когда я слышу речь на незнакомом мне языке, то моему восприятию дан тот же самый поток звуков, что и

восприятию человека, знающего данный язык; однако я не понимаю этой речи, то есть не знаю, какие значения она выражает, в то время как у человека, которому данный язык известен, этот звуковой поток ассоциируется с определенными значениями. Разве это не подтверждает, что значения языковых единиц все-таки существуют не в речи, а в сознании, в психике человека, знающего язык?

Конечно, если понимать значение как некую сущность, как субстанцию (грубо говоря, как некий «предмет»), то нельзя не признать, что никакой такой сущности в речи обнаружить нельзя. Однако все дело в том, что значение — вовсе не сущность, а отношение. В этом, нам кажется, и лежит ключ к пониманию природы значения в языке и, шире, в любой знаковой системе.¹

Для того чтобы понять, что такое значение, нужно припомнить, прежде всего, какова природа знака. Любой знак является знаком лишь благодаря тому, что он что-то обозначает, иными словами, относится к чему-то лежащему вне знака. Именно в этом и заключается природа знака: вне этого отношения знак уже перестает быть знаком, ибо всякий знак есть знак чего-то, то есть то или иное материальное образование (напр., световой сигнал или фигура, изображенная на бумаге, или звук речи) приобретает функцию знака лишь в том случае, если оно относится к чему-то иному, лежащему вне его самого (прежде всего, к «обозначаемому», то есть к тому или иному объекту реальной действительности). Вот это-то отношение знака к чему-то, лежащему вне самого знака, и есть значение знака. Чтобы понять тот или иной знак, стало быть, необходимо соотнести его с тем объектом, знаком которого он является. «Знать значение» той или иной единицы, таким образом, это то же самое, что «знать, к чему данная единица (сигнал, или фигура, или группа звуков и т. д.) относится», то есть «что она обозначает».

¹ Ср. Л.А. Абрамян. К вопросу о языковом знаке. «Вопросы общего языкознания». М., «Наука», 1964.

60

Это становится понятным, как только мы задумаемся над тем, каким образом мы узнаем значение единиц языка, частности слов. Обычно значение нового слова для взрослого человека, то есть для уже владеющего языком, раскрывается через его определение (дефиницию), как, например: «абсент — это водка, настоенная на полыни». В этом случае значение неизвестного нам знака раскрывается через значение знаков, нам уже известных. Очевидно, что такой способ раскрытия значения слова (и всякого другого знака) применим лишь в том случае, когда нам уже известны значения большого числа других слов (знаков), при помощи которых мы можем дать определение значения нового, незнакомого нам слова. Иначе говоря, это вторичный, опосредованный путь усвоения значения слова. Каким же образом усваиваются значения слов в тех случаях, когда это делается без привлечения (посредничества) других слов, например, когда человек усваивает язык впервые? Это можно сделать, лишь отнеся слово — точнее, его звучание — к какому-то объекту, предмету окружающей нас действительности, наличному в данной ситуации. Так, ребенок усваивает значение слова *стол* благодаря тому, что он слышит звуковой комплекс [стол] в составе высказываний таких как *Отойди от стола*, *Подойди к столу*, *Положи книжку на стол*, *Сядь за стол* и пр., которые произносятся в ситуациях, когда наличествует определенный предмет мебели. Постепенно звуковой комплекс [стол] соотносится в сознании ребенка с данным предметом мебели — сначала с одним, конкретным столом, который стоит в его комнате, а затем и со всеми другими аналогичными предметами мебели. Таким путем ребенок узнает, к чему относится звуковой комплекс [стол], какой предмет или класс (множество) предметов этот звуковой комплекс обозначает; иными словами, он узнает значение русского слова *стол*.

Из сказанного вытекает, что в сознании человека, в его мозгу возникает и существует не само значение слов и других языковых единиц, а лишь знание этого значения. Значение единиц языка существует в них самих и проявляется в их реальном употреблении в речи, в речевой ситуации; в сознании человека существует лишь знание

языковых значений, равно как и знание звуковых форм языка. Именно поэтому значения, выражаемые в речи на знакомом мне языке, остаются мне недоступны — я не знаю их, то есть не знаю, к чему относятся единицы этого языка, в то время как человек, которому данный язык

61

известен, воспринимая звуковой поток речи на этом языке, соотносит определенные отрезки этого потока с определенными предметами, явлениями и ситуациями объективной действительности.

При этом человеческий язык устроен таким образом, что предметы, явления и ситуации, обозначаемые единицами языка, необязательно присутствуют в поле зрения говорящего и слушающего в момент осуществления коммуникации;¹ когда я говорю *Вчера Иванов уехал в Ленинград*, то языковые единицы, из которых построено это высказывание, равно как и все высказывание в целом относятся к предметам и событиям, в данный момент непосредственно не воспринимаемым, лежащим вне пределов органов чувств говорящего и слушающего; однако это высказывание все равно остается понятным для любого человека, знающего русский язык, поскольку ему известно, к чему это высказывание и отдельные его единицы относятся, что они обозначают. Делая еще один шаг в этом направлении, мы строим высказывания, описывающие несуществующие и реально никогда не существовавшие, то есть вымышленные ситуации, как например, *Татьяна Ларина послала письмо Евгению Онегину, Датский принц Гамлет отомстил своему дяде за смерть отца* и пр.; на высказываниях такого рода строится, большей частью, художественная литература («литература вымысла»). Наконец, еще один шаг приводит нас к высказываниям, описывающим ситуации не только несуществующие и никогда не существовавшие, но и не могущие существовать — отсюда всяческие сказки, мифы, религиозные предания и пр. Но в любой такой фантазии также присутствует, хотя и в искаженном виде, соотнесенность с реальной действительностью, ибо любые высказывания такого рода, по словам А.И. Смирницкого, сконструированы из «отдельных элементов действительности» — фантастический их характер определяется лишь противоречащим действительности комбинированием этих реально существующих элементов. Вспомним в этой связи сказанное в § 4 первой главы: человеческий язык устроен таким образом, что при его помощи можно описывать принципиально любые ситуации — не только

¹ Ч. Хоккет называет это свойство человеческого языка displacement и указывает, что оно не свойственно ни одной системе сигнализации животных, за исключением, разве что, «языка» пчёл (см. Ch. Hockett. A Course in Modern Linguistics. N.Y., 1958, p. 579).

62

уже известные, но и новые, прежде не встречавшиеся, в том числе вымышленные, несуществующие и фантастические.

Итак, не следует путать значение единиц языка с нашим знанием этого значения. Как справедливо подчеркивал А. И. Смирницкий, наше знание языка - «лишь отпечатки, отображение языка в сознании говорящих на нем, владеющих им. ...Следует отличать подлинное, объективное существование языка в речи от существования его отображения в сознании, то есть от знания данного языка»¹. Сказанное, с нашей точки зрения, относится не только к звуковой форме языка, как полагал А.И. Смирницкий, но и к его значимой стороне, к языковым значениям. Реально они существуют в речи, в которой те или иные единицы языка (как и любые знаки) всегда к чему-то отнесены, что-то обозначают. В нашем же сознании, если мы знаем данный язык, существует лишь отображение этих реально существующих значений единиц языка, точно так же, как в нем существует отображение звуковой (или графической) формы этих единиц.²

Нам представляется, что трактовка языкового значения не как какой-то «сущности» или «предмета», а как определенного отношения, является единственно возможной, (если мы хотим оставаться на почве теории, утверждающей двусторонний

характер языкового — и неязыкового — знака. В противном случае, то есть при понимании значения как «сущности», а не как отношения, возникают серьезные сомнения в правомерности включения значения в структуру самого знака, иными словами, в правомерности концепции двустороннего характера знака. Вот весьма показательное рассуждение: «...Знак действительно является знаком потому, что он обладает значением. Но из этого отнюдь не следует, что знак есть комбинация, есть целое,

¹ А.И. Смирницкий. Объективность существования языка, с. 23. Существование языка, в том числе и его значений, в сознании человека, вслед за А.И. Смирницким, можно считать лишь его "неполным существованием" (там же, с. 32), то есть лишь потенциальной формой существования языка.

² Заметим попутно, что и звуковую сторону речи человек, знающий данный язык, воспринимает не так, как тот, которому этот язык неизвестен: для первого звуковой поток предстает расчлененным на дискретные единицы — фонемы, в то время как для второго он представляется сплошным, нечленимым звуковым континуумом. См. D.B. Fry. Speech reception and perception. "New Horizons in linguistics", ed. by J. Lyons, Ldn., 1970.

63

состоящее из двух элементов. Разве из того, что, например, владелец сада есть человек, обладающий садом, следует, что владелец сада представляет собою двустороннюю сущность, а именно, человек плюс сад? Или, если взять аналогичный пример, разве из того, что учитель есть человек, имеющий ученика, вытекает, будто учитель является двусторонней сущностью, состоящей из двух элементов: человека и ученика? Быть владельцем сада, быть учителем и т.п. — соотносительные характеристики некоторого лица; они присущи ему при условии, что данное лицо обладает садом, имеет ученика и т.д. Без отношения к другому предмету (саду, ученику и т. д.) данное лицо не может быть ни владельцем сада, ни учителем. Но это не означает, что когда мы называем владельцем сада определенного человека, мы относим наше название к сумме двух предметов: человека и сада. Владельцем сада является сам человек (при условии, конечно, что у него есть сад), а не человек плюс сад. Совершенно так же обстоит дело со знаком и его значением. Быть знаком — соотносительное свойство некоторого предмета, присущее ему при условии, что он обладает значением. Вне отношения к значению знака не существует. Но знаком-то является сам предмет, а не предмет плюс его значение. Таким образом, признавать, что знак может быть знаком лишь благодаря значению, совсем не означает признавать, что знак состоит из двух элементов: формы и содержания».¹

Если исходить из того, что значение есть некая сущность или «предмет» (подобный «саду»), то данная аргументация представляется убедительной. Однако она отпадает, если стать на разделяемую нами точку зрения, согласно которой значение — не предмет, а некое отношение. Конечно «владелец сада» — это не «человек плюс сад», но это и не просто «человек», а «человек плюс его отношение к саду (обладание)». Знак потому и является двусторонней сущностью, что это не просто материальный предмет, но «материальный предмет плюс его отношение к чему-то, лежащему вне его». Это отношение знака к чему-то, лежащему вне самого знака (к чему именно, будет раскрыто в дальнейшем), и есть его значение. Поэтому, с нашей точки зрения, неверно говорить об «отношении знака к значению» — значение само есть отношение знака

¹ А.А. Ветров. Семиотика и ее основные проблемы, с. 47-48. В работе дается изложение взглядов польского ученого Л. Завадовского, к которым присоединяется и автор указанной работы.

64

к чему-то, что само по себе не есть значение знака, но благодаря наличию чего знак получает значение, то есть становится тем, чем он является — знаком, а не просто материальным предметом.

§ 14. Сказав, что значение знака (в том числе и языкового знака, в частности, слова) есть его отношение к чему-либо лежащему вне самого знака, нам необходимо сделать следующий шаг, а именно, уточнить, к чему именно знак относится, то есть определить, какое отношение или какие отношения между знаком и чем-то другим

является значением (значениями) данного знака. В этой связи следует отметить, что система отношений, в которую входит знак, является многосторонней — любой знак является, так сказать, составной частью целой сетки сложных и многообразных отношений. В современной семиотике принято говорить о трех основных типах отношений, в которые входит знак — и, соответственно, о трех основных типах значений:

1) Прежде всего, это **отношение между знаком и предметом**, обозначаемым данным знаком. Так, слово *стол* относится к определенному предмету мебели; слово *собака* — к животному определенного вида и пр. Разумеется, то, что обозначается данным знаком (его «обозначаемое»), далеко не всегда является «предметом» в прямом смысле этого слова, то есть неодушевленной вещью или живым существом — знак может относиться к действиям и процессам (*ходить, говорить* и пр.), и к качествам (*большой, длинный* и пр.), и к отвлеченным понятиям (*причина, связь, закон* и пр.), и к целым ситуациям, сложным комплексам предметов, явлений и отношений реальной действительности. Предметы, процессы, качества, явления реальной действительности, обозначаемые знаками, принято называть **референтами** знаков, а отношение между знаком и его референтом — **референциальным** значением¹ знака (referential meaning).

При этом необходимо сделать одну весьма важную оговорку: референтом знака, как правило, является не отдельный, индивидуальный, единичный предмет, процесс и т.д., но целое **множество**, целый **класс** однородных предметов, процессов, явлений и пр. Так, референтом слова

¹ Другие употребляемые в научной литературе термины — «денотативное», «понятийное» или «предметно-логическое» значение.

65

стол является не один какой-либо индивидуальный стол но все множество предметов с признаками, дающими возможность объединить их, несмотря на существующие различия, в один класс «столов»; референтом слова *ходить* является не одно какое-нибудь индивидуальное, единичное, конкретное действие, но все (в принципе бесконечное) множество действий, которые могут быть объединены в единый класс «хождения» и т. д. Существуют, правда, знаки, имеющие в качестве референтов какие-то отдельные, единичные предметы (напр. «Лондон»), но их число в общем количестве знаков относительно невелико, и они не играют в знаковых системах столь же важную роль, что и знаки, имеющие в качестве референтов целые множества, классы предметов, явлений и пр.

Однако в конкретном речевом произведении знак, имеющий в качестве референта целое множество предметов, может обозначать и какой-то конкретный, единичный предмет; так, когда я говорю *Отойди от стола*, я имею в виду определенный конкретный стол, наличествующий в данной речевой ситуации. В данном случае, говоря о конкретном индивидуальном предмете или явлении, обозначаемом данным знаком в конкретном речевом произведении, мы будем употреблять термин денотат знака. Понятия «референт» и «денотат» не следует смешивать: знаки, обозначающие разные референты, в конкретной ситуации могут иметь один и тот же денотат, поскольку один и тот же предмет может одновременно входить (по разным своим признакам в несколько различных классов, находясь, так сказать, на их пересечении. Так, в предложении: *Этот блондин — мой знакомый, преподаватель Московского университета* знаки *блондин, знакомый и преподаватель*, обозначающие разные референты, относятся к одному и тому же денотату. О том, какое значение понятие «денотата» в отличие от «референта» имеет для перевода, речь пойдет ниже.

2) Референциальное значение знака, будучи весьма важной его характеристикой, отнюдь не исчерпывает собой всех тех отношений, в которые входит знак. Вторым типом таких отношений является **отношение между знаком и человеком**, пользующимся данным знаком (применительно к языку — отношение между языковым знаком и участниками речевого процесса — говорящим или пишущим и слушающим или

читающим). Люди, использующие знаки, в том числе знаки языка, отнюдь не безразличны к ним — они вкладывают в них свое собственное субъективное отношение к данным

66

знакам, а через них — и к самим референтам, обозначаемым данными знаками. Так, русские слова *голова* и *башка*, *глаза* и *очи*, *спать* и *дряхнуть*, *украсть*, *похитить* и *спереть* обозначают, соответственно, одни и те же референты, то есть имеют одинаковые референциальные значения, но они отличаются по тем субъективным отношениям, которые существуют между этими языковыми знаками и людьми, использующими эти знаки и которые через знаки переносятся на сами референты, ими обозначаемые. Эти субъективные (эмоциональные, экспрессивные, стилистические и пр.) отношения называются **прагматическими** отношениями; соответственно этот второй тип значений мы будем называть **прагматическими** значениями знаков.¹

Необходимо подчеркнуть, что речь идет не об отношениях между знаком и одним индивидуальным лицом (человеком — "отправителем" или «получателем» языкового сообщения), а об отношениях между знаками и всем **коллективом людей**, пользующихся этими знаками — применительно к языку, между знаками данного языка и всем коллективом, говорящим на данном языке. В пределах одного и того же языкового коллектива, правда, могут существовать групповые или индивидуальные отклонения, связанные с неодинаковой реакцией говорящих на те или иные знаки языка: так, в дореволюционной России слова *самодержавие*, *верноподданный* и *городовой*, несмотря на тождественность их референциального значения для всех носителей русского языка, вызывали разную (более того, прямо противоположную) оценочную реакцию у сторонников и у противников царского режима. Однако, как правило, прагматические значения языковых знаков, в том числе слов, являются одинаковыми для всего коллектива людей, говорящих на данном языке (поскольку речь идет об общенародном языке, а не о классовом или групповом диалекте или жаргоне). (Подробнее вопрос о различных разновидностях прагматических значений будет рассмотрен ниже, в гл. 3.)

¹ Другие употребляемые для обозначения этого типа значений термины — «коннотативное значение», «мотивное значение» (E. Nida. *Toward a Science of Translating*. Leiden, 1964), "социальное значение" (Ch. Fries. *The Structure of English*. N. Y., 1952), "стилистическая" или «эмоциональная окраска». Термин "прагматический", хотя и не очень удачный, мы считаем предпочтительным, поскольку он в нашей трактовке, покрывает собой все остальные выше приведенные термины, являясь по отношению к ним родовым.

67

3) Наконец, необходимо иметь в виду, что любой знак в том числе и языковой, существует не в изоляции, а как составная часть определенной **знаковой системы**. В силу этого любой знак находится в сложных и многообразных отношениях с другими знаками той же самой знаковой системы (в случае языковых знаков — того же самого языка). Так, русское слово *стол* находится в определенных отношениях со словами *мебель*, *обстановка*, *стул*, *кресло* и пр.; в отношениях иного типа со словами *деревянный*, *круглый*, *стоит*, *накрывать* и пр.; в отношениях третьего типа со словами *столовая*, *столоваться*, *застольный* и пр.; в отношениях четвертого типа со словами *кол*, *пол*, *вол*, *осел*, *стал*, *стыл*, *стон*, *стан* и пр. Отношения **между знаком и другими знаками** той же самой знаковой системы называются **внутрилингвистическими**¹; соответственно мы будем говорить о внутрилингвистических значениях языковых знаков.²

Итак, любой языковой (равно как и неязыковой) знак находится в определенных отношениях с обозначаемыми им референтами, с людьми, пользующимися данным знаком, и с другими знаками, входящими в ту же самую языковую (и шире — семиотическую) систему. В силу этого семантическое содержание знака складывается из трех компонентов — референциального, прагматического и внутрилингвистического (шире — внутрисемиотического) значений. В науке о знаковых системах — семиотике — этим трем типам значений соответствуют три основных раздела: семантика, изучающая референциальные значения знаков, прагматика, изучающая их прагматические

значения и синтактика, изучающая внутрilingвистические (внутрисемиотические) значения.³

Естественно, что эти три типа значений находятся в неразрывной связи, поскольку все они являются компонентами семантической структуры одной и той же единицы (знака). Прагматическое значение знака непосредственно связано с его референциальным значением: отношение, устанавливаемое между знаком и коллективом людей, пользующихся этим знаком, переносится и на сам референт данного знака

¹ Применительно к неязыковым знаковым системам можно употреблять термин «внутрисемиотическое значение».

² Другие термины — «лингвистическое значение» (Ю. Найда, указ, соч.), «значимость» (Ф. де Соссюр, Курс общей лингвистики).

³ См. Ch. Morris. Foundations of the Theory of Signs. Chicago, 1938, II, 3.

68

и наоборот, свойства самого референта во многом определяют характер прагматических значений, вкладываемых языковым коллективом в данный знак. Внутрilingвистическое и референциальное значения языкового знака также теснейшим образом связаны между собой: отношения, существующие между знаками, во многом определяются связями и отношениями, существующими в объективной действительности между самими референтами этих знаков и наоборот, классификация референтов, принятая в данном языковом коллективе, во многом определяется системой существующих у данного коллектива знаков¹. При этом, однако, относительная самостоятельность этих трех типов значений все же дает достаточные основания для их разграничения и самостоятельного рассмотрения.

Естественно, встает вопрос: все ли знаки обязательно имеют в своей семантической структуре все эти три типа значений? Ответ на этот вопрос, видимо, должен быть отрицательным: действительно, как правило, знаки имеют все эти три типа значений, однако существуют и такие знаки, в которых представлены не все данные типы. Так, в системе любого языка есть знаки, лишенные всякого референциального значения, то есть не обозначающие никаких предметов, явлений или ситуаций объективной действительности и имеющие сугубо внутрilingвистическое значение. К их числу относятся разного рода служебные и формально-грамматические элементы (напр., флективные показатели языков типа русского и латинского, служащие лишь средством выражения синтаксических связей между словами в строе предложения; то в английском языке — показатель инфинитива и пр.). С другой стороны, видимо, любой знак обязательно обладает внутрilingвистическим значением, поскольку он не может не входить в какую-то систему знаков, с которыми он связан определенными отношениями. Спорным является вопрос о наличии у всех без исключения знаков прагматических значений. Если включать в число прагматических значений также и нейтральное («нулевое») отношение языкового коллектива к данному знаку, то на вопрос следует ответить положительно; если же, напротив, учитывать только те или иные «маркированные» (явно положительные или явно отрицательные) отношения,

¹ На этом основана, в частности, так называемая «гипотеза Сепира-Уорфа» (см. «Новое в лингвистике», вып. 1, М., 1960, с. 111 — 212)

69

то ответ будет отрицательным. Например, в ряду *очи – глаза – буркалы* первый и третий члены придется охарактеризовать как имеющие определенные прагматические значения (положительное отношение в первом случае и отрицательное в третьем), в то время как второй член, будучи эмоционально нейтральным, будет охарактеризован как лишенный вообще всякого прагматического значения и имеющий значение чисто референциальное (и, разумеется, внутрilingвистическое). Эта проблема, хотя и имеет немалый теоретический интерес, для целей нашего исследования представляется сугубо академической: будем ли мы говорить о «нейтральном» («нулевом») прагматическом значении или об «отсутствии» прагматического значения, существо дела останется одним

и тем же (точно так же, как существо дела не меняется от того, говорим ли мы, что слава типа *стол* в русском языке имеют «нулевое окончание» или же что они характеризуются «значимым отсутствием окончания»).

2. Языковые значения и перевод

§ 15. Для теории перевода гораздо большее, можно сказать, первостепенное значение имеет другой вопрос, а именно: все ли типы значений, выражаемых в тексте подлинника, сохраняются при переводе? Иначе говоря, заключается ли задача переводчика в передаче только референциальных значений, выражаемых в тексте на ИЯ, или же в его задачу входит также передача и других типов значений, то есть значений прагматических и внутрilingвистических?

Вопрос этот очень сложен, не допускает какого-либо однозначного ответа и требует детального рассмотрения. По существу, вся следующая глава будет посвящена подробному анализу проблемы передачи разных типов языковых значений при переводе. Сейчас мы затронем эту проблему лишь в самых общих чертах, опираясь на то понимание сущности перевода, которое было изложено выше, в главе 1. Напомним, что в §3 этой главы, определив перевод как процесс преобразования речевого произведения на одном языке в речевое произведение на другом языке при сохранении неизменного значения, мы особо оговорили, что, во-первых, термин «значение» следует понимать максимально широко, имея в виду не только ре-

70

ференциальные значения языковых единиц, но и все другие виды отношений, в которые входят эти единицы; во-вторых, о сохранении неизменного значения можно говорить лишь в относительном смысле, имея в виду лишь максимально возможную полноту передачи значений. Из этого вытекает, что, во-первых, задачей переводчика является по возможности полная передача всех типов языковых значений — референциальных, прагматических и внутрilingвистических и, во-вторых, при переводе неизбежны смысловые потери, то есть значения, выраженные в тексте на ИЯ, в тексте перевода сохраняются не полностью и передаются лишь частично.

При этом степень «сохранности» значений в процессе перевода оказывается неодинаковой в зависимости, прежде всего, от самого типа значения. В наибольшей степени при переводе сохраняются (то есть как бы являются «наиболее переводимыми») **референциальные** значения. Причину этого понять нетрудно: как было отмечено (§ 4 гл. 1), в системе референциальных значений языковых единиц запечатлен весь практический опыт коллектива, говорящего на данном языке, а поскольку сама реальная действительность, окружающая разные языковые коллективы, в несравненно большей степени совпадает, нежели расходится, постольку референциальные значения, выражаемые в разных языках, совпадают в гораздо большей степени, чем они расходятся. Что же касается тех случаев, когда сами предметы или ситуации, имеющиеся в опыте языкового коллектива — носителя ИЯ, отсутствуют в опыте коллектива — носителя ПЯ, то, как было отмечено, любой язык устроен таким образом, что при его помощи можно описывать (хотя и не всегда достаточно экономным и «удобным» способом) принципиально любые предметы, понятия и ситуации. Такому устройству языка, как известно, человечество обязано возможностью безграничного познания окружающего мира, бесконечного умственного прогресса. Итак, в максимальной степени в процессе перевода сохраняются и передаются референциальные значения языковых единиц (хотя, конечно, сами конкретные способы выражения этих значений могут существенно различаться от языка к языку).

В меньшей степени, чем референциальные, поддаются передаче при переводе значения **прагматические**. Дело в том, что хотя сами описываемые предметы, понятия и ситуации для носителей разных языков в подавляющем большинстве одинаковы, отношение разных человеческих кол-

лективов к данным предметам, понятиям и ситуациям может быть различным, а тем самым будут различаться и прагматические значения соответствующих знаков в разных языках. Поэтому «сохраняемость» прагматических значений в процессе перевода оказывается, как правило, меньшей, чем значений референциальных. Примеры этого будут даны ниже, в главе 3.

Наконец, **внутрилингвистические** значения в силу самой своей сущности поддаются передаче при переводе в минимальной степени. Как правило, они вообще не сохраняются в процессе перевода, что нетрудно понять: при переводе происходит замена одного языка на другой, а каждый язык представляет собой своеобразную систему, элементы которой находятся друг с другом в отношениях, специфичных именно для данной языковой системы. Поэтому при переводе внутрилингвистические значения, присущие единицам ИЯ, как правило, исчезают и заменяются внутрилингвистическими значениями, свойственными единицам ПЯ. Требование полного сохранения в процессе перевода также и внутрилингвистических значений, выражаемых в исходном тексте, по своему существу абсурдно, ибо оно равноценно требованию отказа от перевода вообще.

Из сказанного вытекает, как будто, что при переводе сохраняются, прежде всего, значения референциальные, в меньшей степени — значения прагматические и полностью исчезают (или сохраняются лишь в минимальной степени) значения внутрилингвистические, выраженные в исходном тексте. Иными словами, говоря о «порядке очередности передачи значений» (см. § 3, гл. 1), следует усматривать задачу переводчика в том, чтобы в первую очередь передавать референциальные значения, во вторую — значения прагматические и вообще не пытаться (ибо это в принципе и невозможно) передавать значения внутрилингвистические. Такая постановка вопроса, однако, является крайне схематичной, ибо она не учитывает другого важного фактора, определяющего «порядок очередности» передачи значений, а именно, **характера самого переводимого текста**. Дело в том, что выделенные нами типы языковых значений играют далеко неодинаковую роль в текстах разных жанров: если для такой жанровой разновидности текста, как научная и техническая литература характерна преобладающая роль референциальных значений (то есть наиболее существенная информация, содержащаяся в данного типа текстах, заключена именно в референциальных значениях, входящих в

текст языковых единиц), то для художественной литературы, в особенности для лирической поэзии, ведущими и основными часто оказываются не референциальные, а прагматические значения, выражаемые в данных текстах. Но из этого вытекает, что вопреки сказанному выше при переводе текстов художественных, в особенности поэтических, переводчик нередко вынужден жертвовать передачей референциальных значений, с тем чтобы сохранить несравненно более существенную для данного типа текстов информацию, заключенную в выражаемых в нем прагматических (эмоциональных и пр.) значениях. Более того, в ряде случаев (опять-таки это особенно часто имеет место при переводе поэтических текстов) наиболее существенная информация оказывается заключенной именно во внутрилингвистических значениях входящих в текст единиц, так что переводчик бывает вынужден жертвовать ради передачи внутрилингвистических значений значениями других типов, в первую очередь референциальными. Примеры этого будут даны нами в следующей главе. Итак, мы приходим к выводу, что дать общую схему «порядка очередности передачи значений», пригодную для текстов любого типа и жанра, принципиально невозможно — в каждом конкретном случае переводчик должен решать, каким значениям необходимо отдать преимущество при передаче, а какими можно жертвовать, с тем чтобы свести до минимума потери информации, наиболее существенной для данного текста.

СЕМАНТИЧЕСКИЕ СООТВЕТСТВИЯ ПРИ ПЕРЕВОДЕ

1. Передача референциальных значений

§ 16. Основная проблема, с которой сталкивается переводчик при передаче референциальных значений, выражаемых в исходном тексте, — это несовпадение круга значений, свойственных единицам ИЯ и ПЯ. Не существует двух различных языков, у которых смысловые единицы – морфемы, слова, устойчивые словосочетания — совпадали бы полностью во всем объеме своих референциальных значений. Хотя сами выражаемые значения («понятия») в большинстве своем совпадают, но способы их выражения — их группировка, членение и объединение, их сочетание в пределах одной формальной единицы (или нескольких единиц), как правило, в разных языках расходятся более или менее радикальным образом. Это особенно ярко можно продемонстрировать на материале словарного состава двух различных языков — в нашем случае, русского и английского. Хотя носителями референциальных значений являются не только слова, все же удобно брать именно слово как единицу сопоставления при сравнении семантических единиц разных языков; поэтому в дальнейшем изложении речь пойдет о русских и английских словах. Однако надо иметь в виду, что отмечаемые нами типы расхождений между семантическими системами разных языков не ограничиваются словами, а характерны также и для других языковых единиц (напр., для грамматических морфем; особо о грамматических соответствиях речь пойдет ниже, в разделе 4 этой главы).

В целом все типы семантических соответствий между лексическими единицами двух языков можно свести к трём основным: 1) полное соответствие; 2) частичное соответствие; 3) отсутствие соответствия. Рассмотрим эти три случая в отдельности, учитывая, что для теории и практики перевода

74

особый интерес и трудность представляют собой два последних случая (частичное соответствие и полное отсутствие соответствия).

§ 17. Случаи **полного совпадения** лексических единиц разных языков во всем объеме их референциального значения относительно редки. Как правило, это слова однозначные, то есть имеющие в обоих языках только одно лексическое значение; число их, как известно, по сравнению с общей массой слов в лексиконе языка относительно невелико. Сюда относятся слова, принадлежащие преимущественно к следующим лексическим группам:

1) Имена собственные и географические названия, входящие в словарный состав обоих языков, например: *Гомер* — Homer, *Москва* — Moscow, *Польша* — Poland и т.д.

2) Научные и технические термины, например: *логарифм* — logarithm, *шестигранник* — hexahedron, *водород* — hydrogen, *натрий* — sodium, *млекопитающее* — mammal, *позвонок* — vertebra, *крестоцветный* — cruciferous, *протон* — proton, *экватор* — equator, *вольтметр* — voltmeter и т. д.

3) Некоторые другие группы слов, близкие по семантике к указанным двум, например, названия месяцев и дней недели: *январь* — January, *понедельник* — Monday и т.д. Сюда же примыкает такая своеобразная группа слов, как числительные: *тысяча* — thousand, *миллион* — million и пр.

Не следует думать, однако, что все слова, принадлежащие к вышеуказанным группам, относятся к числу полных соответствий. Нередко имеют место случаи, когда однозначности соответствий в пределах данных семантических разрядов слов не наблюдается. Так, слова-термины во многих случаях характеризуются многозначностью и, в силу этого, имеют не одно, а несколько соответствий в другом языке, например:

английский термин *power* имеет в физике значения (и, соответственно, русские эквиваленты): *сила, мощность, энергия*, а в математике также *степень*. Особенно большой многозначностью отличается техническая терминология; так, русскому термину *камера* соответствуют английские: *chamber, compartment, cell, camera (фото), tube (шины), chest, barrel (насоса), lining (шланга)* и др.; русскому *пластина* – английские *plate, slab, lamina, lamella, bar, sheet, blade* и др. Названия малоизвестных или редких для данной страны животных являются обычно однозначными и имеют полные соответствия, например: *дикобраз* — *porcupine, фламинго* – *flamingo* и пр., в то время как названия хорошо

75

известных и распространенных животных являются не только зоологическими терминами, но и входят в общеупотребительную лексику и тем самым приобретают многозначность. Например, английское *tiger* имеет, кроме *тигр*, также значения (и, соответственно, русские эквиваленты): *жестокый человек, опасный противник, задира, хулиган* и др. В ряду числительных однозначность англо-русских соответствий нарушается наличием в русском языке таких пар, как *два двойка, три — тройка, пять — пятерка, семь – семерка, десять — десятка — десяток* и пр.

Кроме того, однозначности и постоянству терминологических соответствий препятствует также существование в языке терминов-синонимов; так, английские математические термины *binomial* и *polynomial* могут передаваться в русском языке и как *бином, полином* и как *двучлен, многочлен* соответственно (при отсутствии какой-либо разницы в референциальном значении этих русских терминов).¹

В очень редких случаях полное соответствие, то есть совпадение слов в двух языках во всем объеме их референциальных значений, встречается и у многозначных слов. Так, русское *лев*, как и английское *lion*, имеют следующие значения: 1) 'крупное хищное млекопитающее семейства кошачьих'; 2) 'знаменитость, законодатель светских мод'; 3) 'созвездие и знак Зодиака' (при написании с прописной буквы). Однако эта полнота семантического соответствия нарушается в форме множественного числа — английское *lions* имеет также значение 'местные достопримечательности' (напр., в выражениях *to see, to show the lions*), отсутствующее у русского слова.

Понятно, что полные соответствия не представляют собой особой трудности для переводчика, их передача не зависит от контекста и от переводчика требуется лишь твердое знание соответствующего эквивалента.

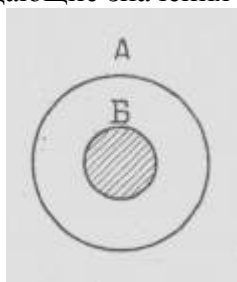
§ 18. Наиболее распространенным случаем при сопоставлении лексических единиц двух языков является **частичное** соответствие, при котором одному слову в ИЯ соответствует не один, а несколько семантических эквивалентов в ПЯ. Подавляющее большинство слов любого языка характеризуется многозначностью, причем система значений слова в одном языке, как правило, не совпадает полностью с системой значений слов в другом языке. При этом могут наблю-

¹ О неоднозначных соответствиях при передаче имен собственных см. ниже, гл. 4, § 43.

76

даться разные случаи. Так, иногда круг значений слова в ИЯ оказывается шире, чем у соответствующего слова в ПЯ (или наоборот), то есть у слова в ИЯ (или в ПЯ) имеются все те же значения, что и у слова в ПЯ (соответственно, ИЯ), но, кроме того, у него есть и значения, которые в другом языке передаются иными словами. Так, русское *характер* как и английское *character* имеют значения: 1) 'совокупность психических особенностей человека'; 2) 'твердая воля, упорство в достижении цели' (*Он человек без характера* — *He has no character*); 3) 'свойство, качество, своеобразие чего-либо'. У английского *character*, кроме того, имеются значения, отсутствующие у русского *характер* и передаваемые в русском языке другими словами, а именно: 4) 'репутация'; 5) 'письменная рекомендация, характеристика'; 6) 'отличительная черта, признак, качество'; 7) 'фигура, личность (часто странная, оригинальная)'; 8) 'литературный образ, герой, действующее лицо в пьесе'; 9)

'печатный знак, буква, символ' (напр., Chinese characters — *китайские иероглифы (письмена)*). Такое отношение неполной эквивалентности между словами двух языков можно назвать **включением** и схематически изобразить следующим образом: где **А** — слово в одном языке, **Б** — слово в другом языке; заштрихованная часть означает совпадающие значения обоих слов.

Более распространенный случай имеет место, когда оба слова — в ИЯ и в ПЯ - имеют как совпадающие, так и расходящиеся значения. Так, русское *стол* и английское *table* совпадают только в значении 'предмет мебели'¹, но расходятся в других: у русского *стол* есть также значения 'еда', 'пища', (напр., 'стол и квартира', 'диетический стол') и 'учреждение', 'отдел в канцелярии' (напр., 'стол находок', 'паспортный стол'), которые отсутствуют у *table* и соответственно передаются в английском языке словами *board, food, cooking, diet* и *office, department*. С другой стороны, английское *table* имеет значения, отсутствующие у русского *стол* и передаваемые в русском языке словами: *доска, плита, таблица, расписание, горное плато* и некоторые др.

Другой пример: русское слово *дом* совпадает с английским *house* в значениях 'здание' и 'династия' (напр., *дом*

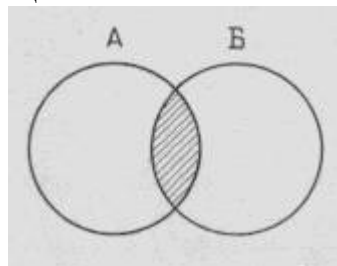
¹ Но в этом значении совпадение неполное, поскольку 'письменный стол' по-английски — не только *table*, но также и *desk*.

77

Романовых — the House of Romanovs), но расходится в других: у русского *дом* есть также значение 'домашний очаг, жилье', которое соответствует уже английскому слову — *home*, а также значение 'учреждение', 'предприятие', в котором оно переводится по-разному, в зависимости от того, о каком именно учреждении идет речь: ср. *детский дом* - children's home или orphanage, *торговый дом* — (commercial) firm, *исправительный дом* — reformatory, *игорный дом* - gambling-house или casino, *сумасшедший дом* (разг.) — lunatic asylum и пр.

Английское *house* также имеет целый ряд значений, отсутствующих у русского слова *дом*, например, 'палата парламента' (the House of Commons), 'театр', 'аудитория, зрители', 'представление, сеанс' и ряд других. Число такого рода примеров нетрудно увеличить.

Подобный вид отношений между словами двух языков, появляющийся, как было отмечено, наиболее обычным случаем, мы можем назвать **пересечением** и изобразить следующим способом:

§ 19. Несколько иной и, пожалуй, более интересный, с теоретической точки зрения, характер носят случаи частичной эквивалентности, обусловленные явлением, которое можно назвать **недифференцированностью** значения слова в одном языке сравнительно с другим. Речь идет о том, что одному слову какого-либо языка, выражающему более

широкое («недифференцированное») понятие, то есть обозначающему более широкий класс денотатов, в другом языке могут соответствовать два или несколько слов, каждое из которых выражает более узкое, дифференцированное, сравнительно с первым языком, понятие, то есть относится к более ограниченному классу денотатов. Так, в русском языке существует слово *рука*, которому в английском соответствуют два слова — *arm* и *hand*, каждое из которых обозначает более узкое понятие: *arm* обозначает верхнюю конечность от плеча до кисти, а *hand*— кисть руки, в то время как русское *рука* обозначает всю верхнюю конечность человека от плеча до кончиков пальцев. Аналогичным образом русскому слову *нога*, обозначающему всю нижнюю конечность, соответствуют два английских слова: *leg* 'нона' за исключением ступни и *foot* 'ступня'. Русскому слову

78

палец в значении части человеческого тела соответствуют три английских: *finger* 'палец на руке', *thumb* 'большой палец на руке' и *toe* 'палец на ноге у человека и у животных'. Можно привести еще много аналогичных примеров; ср.:

часы ¹	<i>watch</i> (ручные или карманные) <i>clock</i> (настольные, стенные или башенные)
одеяло	<i>blanket</i> (шерстяное или байковое) <i>quilt</i> (стеганое)
заря	<i>dawn</i> (утренняя) (<i>evening glow, sunset</i> (вечерняя))
велосипед	<i>bicycle</i> (двухколесный) <i>tricycle</i> (трехколесный)
столовая	<i>dining-room</i> (место общественного питания) <i>mess-room</i> (армейская) <i>canteen</i> (при заводе или учреждении) <i>refectory</i> (при университете или школе)
каша	<i>porridge</i> (рассыпчатая) <i>gruel</i> (жидкая)
удобный ²	<i>comfortable</i> (об одежде, обуви, мебели и пр.) <i>convenient</i> (о времени, месте, орудиях и пр.)
воздерживаться	<i>abstain</i> (от еды, питья, от голосования и пр.) <i>refrain</i> (от какого-либо действия, поступка)

В других случаях, наоборот, семантически недифференцированными, сравнительно с русскими, оказываются английские слова, как например:

<i>stove</i>	печка плита (кухонная)
<i>bud</i>	почка (нераспустившиеся листья) бутон (нераспустившийся цветок)
<i>cold</i> (сущ)	насморк простуда

¹ В данном случае к лексическому расхождению присоединяется ещё и грамматическая разница — русское *часы* всегда употребляется в форме множественного числа, независимо от реального количества обозначаемых предметов (так называемое *Pluralia Tantum*), в то время как английские *watch* и *clock* имеют формы обоих чисел - единственного и множественного.

² Форме множественного числа соответствующего существительного *удобства* соответствуют в английском языке, кроме *conveniences*, также *facilities* и *amenities*.

79

<i>cherry</i>	вишня
---------------	-------

	черешня
strawberry	земляника клубника
story	повесть рассказ
poem	стихотворение поэма
blue	синий голубой
stale	несвежий черствый (о хлебе) спертый (о воздухе)
crisp	рассыпчатый (о печенье) хрустящий (о снеге) свежий (об овощах)
to marry	жениться выходить замуж
to wash	мыть стирать (о белье, вещах из тканей)
to draw (the curtain)	раздвинуть (занавес) задернуть

Существенно подчеркнуть, что в данном случае речь идёт не о многозначности слов; нельзя утверждать, что русские слова *рука* и *нога* имеют по два значения или что английское *cherry* имеет два разных значения — 'вишня' и 'черешня'. В указанных выше случаях эти слова имеют только одно значение (наряду с которым они могут иметь и иные значения так, русское *рука* имеет также значения 'почерк', 'власть', 'влияние' и пр), но объем этого значения в целом шире, нежели у их соответствий в другом языке. Этим рассматриваемое явление принципиально отличается от того случая, когда разными значениям одного и того же слова в одном из языков соответствуют разные слова в другом языке, как например, русскому слову *жертва* в

¹ И в этих случаях к лексическому расхождению примешивается грамматическое — русские слова *вишня*, *черешня*, *земляника*, *клубника* в форме единственного числа обозначают как одну ягоду, так и (чаще) собирательное понятие, то есть являются родовыми названиями данного вида ягод, в то время как английские *cherry*, *strawberry* означают только одну ягоду, а в качестве собирательного (родового) названия употребляются формы множественного числа. *Вишня поспела* — *The cherries are ripe*; *Он любит землянику* — *He is fond of strawberries*.

80

значении 'человек, пострадавший или погибший от чего-либо', соответствует английское *victim*, а в значениях 'приносимые' в дар божеству предметы или существа' и 'добровольный отказ от чего-либо' - английское *sacrifice* (этот случай подходит под то, что выше было названо 'включением').

Правда, следует иметь в виду, что не всегда можно достаточно строго разграничить многозначность и семантическую недифференцированность. Так, не вполне ясно, как трактовать отношение между русским глаголом *плыть* и его английскими соответствиями *swim*, *float* и *sail*. Можно считать (как это делает, например «Толковый словарь русского языка» под ред. Д. Н. Ушакова¹), что *плыть* (в прямом смысле) имеет три разных значения: 1) 'держаться на поверхности воды с помощью определенных движений тела, 'передвигаться по ней (о человеке и животных)'; 2) 'нести, двигаться по течению воды'; 3) 'передвигаться по поверхности воды при помощи специальных приспособлений, 'устройств, машин и т. п. (о судах)'. При такой трактовке английские *swim*, *float* и *sail* оказываются соответствиями этих трех различных значений русского слова. Возможна, однако, и другая трактовка — можно считать, что русский глагол *плыть* во всех трех

указанных случаях имеет одно и то же значение 'передвигаться по воде' (такая трактовка представляется нам более правильной). В этом случае мы имеем основания говорить о семантической недифференцированности русского *плыть* по сравнению с тремя вышеприведенными английскими глаголами, каждый из которых содержит в своей семантической структуре признак, отсутствующий в содержании русского слова.² В целом, однако, несмотря на существование таких спорных или промежуточных случаев, понятия многозначности и смысловой недифференцированности различаются достаточно четко.³

§ 20. При исследовании отношений между семантическими структурами знаков в разных языках могут встречаться и более сложные, чем приведенные выше, случаи смысловой недифференцированности. Рассмотрим, например, отношения между русскими словами *сыр* и *творог* и их

¹ См. т. III, 311

² См. В.Н. Комиссаров. Слово о переводе, с. 92.

³ Примеры из других языков см. в книге L. Bloomfield "Language", N.Y., 1933, pp. 278-279.

81

английскими соответствиями *cheese* и *cottage cheese*¹. На первый взгляд английские слова (если отвлечься от того факта, что *cheese* в разговорном языке имеет и некоторые другие значения кроме 'сыр') являются полными семантическими эквивалентами русских. На самом деле, однако, здесь имеет место более сложное соотношение: в английском языке *cottage cheese* — это одна из разновидностей *cheese* в то время как русское *творог* не является (во всяком случае, в литературном языке²) названием для разновидности сыра; действительно, по-русски можно сказать *Это — не сыр, а творог, В продаже не было ни сыра, ни творога* и пр., в то время как по-английски невозможно сказать *It is not cheese but cottage cheese, neither cheese nor cottage cheese* и т. п. Таким образом, английское слово *cheese* оказывается в целом семантически недифференцированным по сравнению с русскими *сыр* и *творог*, хотя в английском языке и существует особое словосочетание, семантически полностью соответствующее русскому *творог*.

Можно привести и другие примеры подобного рода; так, в русском языке слова *железо* и *чугун* (мы говорим об общенародном языке, а не о специальной металлургической терминологии) трактуются как названия двух разных металлов; ср. *производство железа и чугуна*. Английское же слово *iron* является недифференцированным названием как железа, так и чугуна, хотя в английском языке существует и словосочетание *cast iron*, в точности совпадающее по своему референциальному значению с русским *чугун*, по трактуемое как название одной из разновидностей железа — отсюда невозможность сказать по-английски **production of iron and cast iron*. Аналогичным образом соотносятся русские слова *стул* и *кресло* и английские *chair* и *armchair*: английское *armchair* есть название одной из разновидностей *chair* (ср. определение *armchair*, даваемое в словаре Вебстера: "a chair with supports at the sides for one's arms or elbows"), так что по-русски можно сказать: *Это не стул, а кресло*, в то время как английское предложение **This is not a chair but an armchair* звучит абсурдно. (См. также пример в § 40 этой главы.) В таком же соотношении находятся русские слова *сад* и *огород* и английские *garden* и *kitchen (vegetable) garden* (последнее есть лишь разновидность первого;

¹ См. R. Jakobson. On Linguistic Aspects of Translation. "On Translation", ed. by R. Brower, Cambridge, Mass., 1959, p. 233

² В диалектах сыром называется также и творог.

82

с другой стороны, русскому *фруктовый сад* в английском соответствует *orchard*, которое не есть разновидность *garden*); русские *дыня* и *арбуз* и английские *melon* и *water melon* и пр.

Несколько иной случай семантической недифференцированности имеет место тогда, когда два слова в разных языках хотя и совпадают по своему референциальному значению, но в одном из этих языков есть также и особое слово для обозначения определенной разновидности данного понятия, а в другом языке такого слова нет. Так, как было отмечено выше, в значении 'предмет мебели' русское *стол* и английское *table* полностью совпадают; однако для одной из разновидностей стола — письменного (или чертежного) в английском языке есть особое слово *desk*, в то время как в русском языке для обозначения данного понятия приходится прибегать к определительному словосочетанию *письменный стол*. Русскому глаголу *похищать* (человека) соответствует английский *kidnap*, однако, когда речь идет о похищении женщины, употребляется особый глагол *abduct*¹. Русскому прилагательному *преступный* соответствует английское *criminal*, употребляемое для обозначения преступлений, совершаемых против человеческой жизни и имущества и не являющихся по своему характеру политическими; в английском же языке такого особого прилагательного нет, и русское *уголовный* переводится на английский при помощи того же недифференцированного *criminal* (ср. *преступление* — *crime*, *уголовное преступление* — тоже *crime*²).

§ 21. Из сказанного здесь о семантической недифференцированности знаков одного языка по сравнению с другим не следует, конечно, делать вывод, что тот или иной язык «не в состоянии» обозначить то или иное понятие и в этом отношении «менее развит», чем тот язык, в котором есть особый знак для данного понятия. Как мы неоднократно подчёркивали в ходе предыдущего изложения, любой язык в состоянии обозначить принципиально любое понятие — речь идет лишь о разных способах такого обозначения. Из того, что русское слово *рука* по значению менее дифференцировано, чем английские *arm* и *hand*, не следует за-

¹ Впрочем, в языке современной прессы *abduct* применяется также ждя обозначения похищения, вызванного политическими мотивами.

² Сочетание *уголовный кодекс* переводится как *penal code*.

83

ключать, что средствами русского языка невозможно обозначить разницу между кистью руки и остальной ее частью, равно как из того факта, что английское *cherry* является семантически недифференцированным по сравнению с русскими *вишня* и *черешня*, нельзя сделать вывод, что англичане не «не видят» разницы между этими ягодами. Речь идет о другом, а именно о том, что один язык дает возможность **не выражать** разницы между определенными понятиями, в то время как другой язык вынуждает пользующегося им **обязательно выразить** эту разницу. Так, русский язык в случае необходимости особо уточнить указание на ту или иную определенную часть человеческой руки прибегает к помощи специальных слов, таких как *плечо*, *предплечье*, *кисть*; но наличие в русском недифференцированного семантически слова *рука* дает возможность не уточнять в каждом отдельном случае разницы между *arm* и *hand*, в то время как английский язык как бы «вынуждает» говорящего всякий раз уточнять эту разницу. Точно также средствами английского языка, в тех случаях, где это необходимо, можно уточнить разницу между вишней — *sour cherry* и черешней — *sweet cherry* или между синим цветом — *dark blue* и голубым — *light blue*¹ (вообще, как это видно из примеров, приведенных выше в § 19, для дифференциации тех или иных понятий при отсутствии специальных лексических единиц язык прибегает, как правило, к помощи определительных словосочетаний.) Однако, где нет необходимости в такого рода дифференциации, английский язык дает в распоряжение пользующегося им семантически нерасчленённые *cherry*, *blue* и пр., в то время как в русском языке необходимо всякий раз уточнять данное понятие ввиду отсутствия в нём соответствующих недифференцированных обозначений. В этой связи Р. Якобсон справедливо замечает в указанной выше (сноска к стр. 82) работе, что «языки различаются, главным образом, в том, что они **должны** выразить, а не в том, что они могут выразить».

Для перевода данное явление, как и многозначность, представляет трудность в том отношении, что при передаче слова, семантически недифференцированного в ИЯ, необходимо произвести выбор между возможными соответствиями в ПЯ; так, при передаче на английский язык русского

¹ Впрочем, существование в русском языке таких сочетаний как *темно-голубой*, *светло-синий* и пр. и осложняет передачу соответствующих слов на английский язык.

84

рука каждый раз необходимо делать выбор между *arm* и *hand*, при передаче русского *часы* — между *watch* и *clock* и т.д. В большинстве случаев возможность сделать правильный выбор обеспечивается показаниями контекста — узкого или широкого (о роли контекста см. в разделе «Контекст и ситуация в переводе»). Например, русское предложение *Он держал в руке книгу* при переводе на английский язык требует использования слова *hand*, предложение же *Она держала на руках ребенка* — слова *arm*. Однако следует иметь в виду, что может встретиться контекст, не содержащий требуемого уточнения и поэтому не дающий возможности произвести однозначный выбор эквивалента, например, русское предложение *Он был ранен в руку* может быть переведено и как *He was wounded in the arm*, и как *He was wounded in the hand*. Если нельзя найти соответствующих указаний в широком контексте, то правильный выбор требуемого соответствия при переводе возможен только при условии выхода за пределы языкового контекста и знания самой реальной обстановки или ситуации (см. ниже в том же разделе). Так, для правильного перевода того места в романе Пушкина «Евгений Онегин», где речь идет о «женских ножках», необходимо знание вкусов, нравов и моральных установок этой эпохи. Речь могла идти только о *feet*, но никак не о *legs*, что было бы, по тем временам, крайне неприличным; нужно также знать, что в черновиках Пушкина на полях против соответствующего места в тексте нарисованы именно *feet*, а не *legs*.

К тому же следует иметь в виду, что мы до сих пор вели речь исключительно о референциальных значениях, отвлекаясь от наличия в языковых знаках также и значений прагматических. Между тем даже при наличии в языке того или иного соответствия слову ИЯ по его референциальному значению оно не всегда может быть использовано ввиду существования определенной (иногда весьма существенной) разницы в прагматических значениях слов в ИЯ и ПЯ. Так, английском языке существует слово *digit*, по объему своего референциального значения полностью совпадающее с русским *палец* (как на руке, так и на ноге); однако это слово может быть употреблено для передачи русского *палец* лишь в сугубо специальном научном тексте, ибо его стилистическая характеристика полностью исключает возможность его использования в разговорной речи или художественной литературе (немыслимо русское *Он указал на меня пальцем* перевести как *He pointed his digit at me*). То же самое отно-

85

сится и к английскому слову *timepiece*, которое имеет то же самое референциальное значение, что и русское *часы* (оно обозначает как ручные или карманные, так и настольные, настенные или башенные часы, то есть покрывает собой как *watch*, так и *clock*), но носит книжный характер и не употребляется, как правило, в разговорной речи или в художественной литературе.

То же самое относится к таким русским словам, как *кисть* и *ступня*, которые, хотя и совпадают по объему своего референциального значения с английскими *hand* и *foot*, но благодаря своей стилистической характеристике могут быть употреблены как эквиваленты соответствующих английских слов лишь в текстах специального характера, например, в трудах по анатомии или же в сугубо специализированных ситуациях, например, при примерке перчаток или обуви (ср. *Ботинок не лезет — у меня слишком широкая ступня*). В этом отношении интересен пример, приводимый в указанной выше работе В.Н. Комиссарова:¹

...he was slightly disturbed by the cashier, a young and giggling Wisconsin school-teacher with **ankles**... (S. Lewis, *Arrowsmith*)

Мартина слегка волновала молодая кассирша, школьная учительница из Висконсина, хохотунья с изящными **ножками**... (пер. Н. Вольпин)

Хотя точным референциальным соответствием английскому ankle является русское *лодыжка*, последнее, как *ступня*, *кисть* и пр., носит характер специализированного анатомического термина и неуместно в литературно-художественном тексте; поэтому переводчик прибегает к недифференцированному русскому *ножка*.

Вопрос о передаче при переводе прагматических значений будет рассмотрен ниже, во втором разделе этой главы.

§ 22. До сих пор мы рассматривали лишь отношения между отдельными, изолированными словарными единицами двух языков. Уже при таком подходе раскрывается, как мы убедились, весьма сложная картина; однако она становится еще сложнее, если проводить сопоставление не между отдельными словами, а между целыми группами семантически сходных слов (в языкознании они часто называются «семантическими» или «лексическими полями»). Слова, как

¹ В.Н. Комиссаров. Слово о переводе, с. 147; правда, В.Н. Комиссаров дает данному примеру несколько иное истолкование.

86

известно, существуют в системе языка не как изолированные единицы, а в составе определенных, более или менее обширных семантических группировок, в пределах которых значение каждого слова во многом определяется его местом в данной группировке, его отношением к семантике других слов, входящих в ту же группировку («лексическое поле»). В этом, в частности, проявляется то взаимодействие и связь между референциальными и внутрилингвистическими значениями слов, о которых было сказано выше (см. § 14).

При сопоставлении двух языков особый интерес приобретает сравнительное рассмотрение таких «лексических полей» для выявления черт сходства и различия между семантически близкими «лексическими» полями» в этих языках. Опыты такого рода сопоставительного анализа лексики двух разных языков уже существуют; в частности, в лингвистической литературе предметом рассмотрения неоднократно были лексические поля прилагательных, обозначающих цвет в разных языках. Выше мы уже отметили, что в английском языке имеется одно недифференцированное (прилагательное blue, в то время как русский язык «делит» соответствующую часть спектра на два отдельных цвета - «синий» и «голубой». Действительно, на уроках физики (именно ф и з и к и, а не русского языка) в русской школе преподаватель говорит ученикам о том, что существует семь основных цветов спектра— красный, оранжевый, желтый, зеленый, голубой, синий и фиолетовый; в то же самое время в английской школе на занятиях по физике речь уже идет не о **семи**, а о **шести** таких цветах — red, orange, yellow, green, blue, purple (в некоторых учебниках вместо purple называется violet). Это последнее прилагательное — purple — также не находит себе прямого соответствия в русском языке: «Большой англо-русский словарь» под ред. И.Р. Гальперина дает ему два русских соответствия: 1) 'пурпуровый цвет'; 2) 'фиолетовый цвет', добавляя еще как подзначение *пурпуровый* слово *багровый*. Может создаться впечатление, что английское purple многозначно; на деле же оно по сравнению с русскими *пурпуровый*, *фиолетовый* и *багровый* семантически недифференцировано, ибо имеет одно значение, более широкое, чем три вышеприведенных русских прилагательных — «Оксфордский словарь» определяет его "mixture of red and blue in various proportions". Если взять другие английские цветообозначения, например, crimson, scarlet и пр., то получится та же картина — ни одно из них не совпадает во всем объеме своего семанти-

87

ческого «поля» с аналогичными прилагательными русского языка.

Если мы привлечем к рассмотрению другие языки, то окажется, что в каждом из них существует своя специфическая система названий цвета, не совпадающая с той, к

которой мы привыкли, пользуясь своим родным языком. Так, в бретонском языке одно и то же слово *glas* обозначает участок спектра, покрываемый двумя английскими — *blue* и *green* и тремя русскими — *голубой*, *синий* и *зеленый*.¹ Существуют языки, в которых есть всего два недифференцированных названия цвета — один для красной части спектра (включая наши *красный*, *оранжевый* и *желтый*) и второй — для синей (включая *зеленый*, *голубой*, *синий* и *фиолетовый*). Конечно, нелепо было бы делать из этого вывод, что носители подобных языков «страдают дальтонизмом» и не умеют различать цвета — как мы уже говорили, речь идет не об этом, ибо в любом языке можно при помощи определительных словосочетаний (ср. русск. *темно-красный*, *зеленовато-желтый*, *иссиня-черный* и пр.) передать какие угодно оттенки цвета, а о том, что эти языки дают возможность не выражать разницы между разными цветами, которая обязательно должна быть выражена в других языках. Любопытно, что когда английским ботаникам понадобилось для целей научного описания иметь такие семантически недифференцированные обозначения для двух основных частей спектра — красной (включая желтый и оранжевый) и синей (включая зеленый, голубой и фиолетовый), то, поскольку общенародный английский язык не дает возможности недифференцированно обозначить эти две части спектра, пришлось прибегнуть к искусственному словотворчеству и создать два специальных термина — *xanthic* и *cyanic*.²

Как ни интересна рассматриваемая проблема, мы не станем больше на ней задерживаться, учитывая, что в целом она уже получила достаточно хорошее освещение в научной литературе, и мы можем отослать интересующихся к специальным работам по данной теме.³ Мы обратимся к рассмотрению в сопоставительном плане иной семантической группы, а именно, названий основных частей суток в английском и русском языках. Начиная изучать английский язык

¹ См. Ж. Вандриес. Язык. М., Соцэкгиз, 1937, с. 221

² См. H.A. Gleason. An Introduction to Descriptive Linguistics. N.Y., 1958, p. 5.

³ См. канд. дисс.: В.А. Москович. Семантическое поле цветообозначений, М., 1965.

88

на первых же уроках узнает, что русское *утро* по-английски обозначается словом *morning*, русское *день* — *day*, русское *вечер* — *evening* и *ночь* — *night*, то есть им устанавливаются на первых порах следующие «равенства»:

<i>morning</i>	=	утро
<i>day</i>	=	день
<i>evening</i>	=	вечер
<i>night</i>	=	ночь

Однако по мере того как учащийся совершенствуется в знании английского языка, он начинает убеждаться в том, что эти «равенства» крайне упрощают картину, которая на деле оказывается намного сложнее. Так, очень скоро наш воображаемый учащийся встретится с английским словом *afternoon*, которому вообще не нашлось места в вышеприведенных «равенствах». Далее, при чтении оригинальной английской литературы он будет все чаще и чаще сталкиваться с употреблением английских слов *morning* и *night* в таких контекстах, в которых они никак не могут быть переведены русскими *утро* и *ночь*, например:

They were not summoned to Hitler's presence until 1.15 a.m. ... And he saw at once, as he entered the Fuehrer's study in the **early-morning** hour, that... (W. L. Shirer, *The Rise and Fall of the Third Reich*)

Rawdon left her and went home rapidly. It was **nine o'clock at night**. (W. Thackeray, *Vanity Fair*)

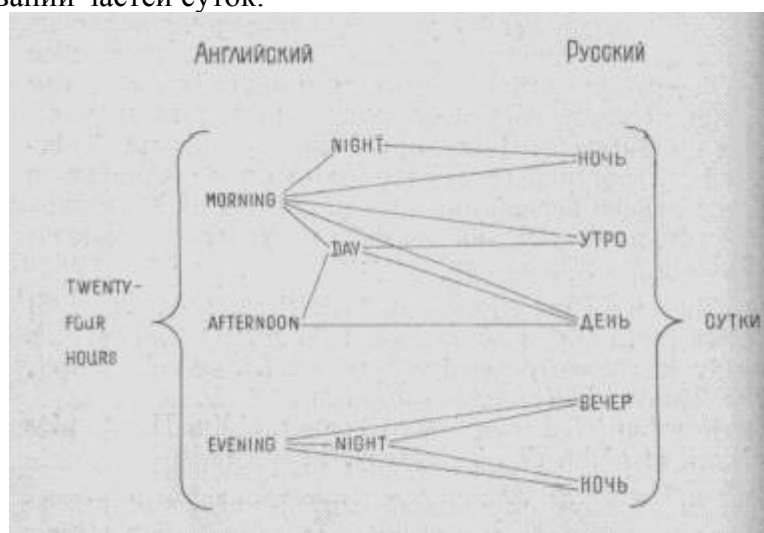
Таким образом, изучающий английский язык вскоре убедится, что приведенные выше соответствия лишь весьма приблизительны. На самом деле лексическая система английского и русского языков как бы «членит» не вполне одинаковым образом один и

тот же отрезок объективной действительности. Прежде всего, в английском языке нет особого слова для обозначения понятия, выражаемого русским словом *сутки*; соответствующее понятие может быть выражено по-английски лишь описательным образом, как *day and night* или *twenty-four hours*. Далее, один и тот же отрезок времени в двадцать четыре часа делится по-разному в английском и русском языках. (Говорящие по-английски делят этот период на три части: *morning* (от 0 до 12 часов дня), *afternoon* (от полудня до примерно 18 часов, то есть до захода солнца) и *evening* (от захода солнца до полуночи, после чего опять наступает *morning*). Что касается слов *day* и *night*, то они обозначают уже иное деление суток, не на

89

три, а на две части: светлую (*day*) и темную (*night*). Кроме того слово *day* употребляется так же, как сокращение *day and night*, то есть в значении русского *сутки*.

В русском же языке картина иная — *сутки* делятся на четыре части, а именно: *утро* (от восхода солнца до примерно 10 или 11 часов), *день* (от 10 или 11 часов до захода солнца),¹ *вечер* (от захода до примерно 10 или 11 часов) и *ночь* (между вечером и утром, то есть время, когда люди спят). Итак, вместо приведенных выше равенств обнаруживается следующая сложная картина взаимных отношений английских и русских слов — наименований частей суток:

§ 23. Выявление такого рода «сеток» или систем взаимных отношений аналогичных лексико-семантических группировок в разных языках представляет собой весьма интересную и важную, с точки зрения как теории, так и практики перевода, задачу. В определенной мере такого типа сопоставление, как проиллюстрированное нами выше на примере названий частей суток, можно проводить при помощи анализа лексики, содержащейся в двуязычных словарях, сравнивая между собой показания русско-английского и англо-русского словарей. Такой сравнительный анализ можно проводить следующим образом. Допустим, нас инте-

¹ Кроме того *день*, как и английское *day*, имеет также значение 'сутки', то есть употребляется как сокращение словосочетания «день и ночь», ср.: *Я ехал туда целых четыре дня*.

90

ресует сопоставление английских и русских слов, обозначающих посуду для питья. Для начала мы берем, скажем, русско-английский словарь и смотрим, какие соответствия он дает для слова *стакан*. Допустим, словарь дает нам три таких соответствия¹ — *glass*, *tumbler* и *beaker*. Обращаемся теперь к англо-русскому словарю и смотрим, какие русские соответствия имеются для этих трех английских слов. Слову *tumbler* дается только одно соответствие — *стакан* (для вина). Слово же *glass* (в значении 'посуда для питья') имеет в русском языке семь соответствий: *стакан*, *рюмка*, *бокал*, *фужер*, *чарка*, *стопка*, *кружка*. Уже это показывает нам разницу в семантическом содержании русского *стакан* и

английского glass — русское *стакан* выделяется среди других наименований посуды для питья по форме обозначаемого предмета (цилиндрической или приближающейся к цилиндрической), в то время как английское glass выделяется не по форме, а по материалу, из которого изготовлена данная посуда (стекло); поэтому русское *бумажный (пластмассовый и пр.) стаканчик* переводится на английский язык не как glass, а как (paper, plastic, и пр.) cup.

Проследим теперь по русско-английскому словарю соответствия этих русских слов в английском языке. *Рюмка* переводится как (wine) glass, то есть здесь «цепочка соответствий» как бы обрывается. Русскому *бокал* в английском соответствуют glass, goblet и beaker. Возвращаясь к англо-русскому словарю, находим для goblet соответствия: *бокал* и *кубок*. Для *кубок* русско-английский словарь указывает четыре эквивалента — goblet, cup, beaker, bowl. Cup в англо-русском словаре получает перевод *чашка, кубок, чарка, стопка, бумажный (пластмассовый и пр.) стаканчик*. Русскому *чашка*, по данным русско-английского словаря, соответствуют: cup, bowl и basin. Bowl передается в англо-русском словаре как *чашка, кубок, а также как ваза, миска, таз*, что наталкивает нас на понимание семантического объема этого слова — оно обозначает широкую чашку без ручки, вазу без ножки и другую посуду аналогичной формы. Basin переводится на русский язык как *(плоская) чашка* (а также как *миска, таз*, то есть по значению оно близко к bowl).

¹ Мы исходим из данных «идеальных» или «полных» словарей, дающих все существующие эквиваленты лексических единиц в другом языке; фактически, однако, реально существующие двуязычные словари страдают неполнотой и не всегда дают все возможные эквиваленты данного слова.

91

решает сопоставление английских и русских слов, обозначающих посуду для питья. Для начала мы берем, скажем, русско-английский словарь и смотрим, какие соответствия он дает для слова *стакан*. Допустим, словарь дает нам три таких соответствия¹ — glass, tumbler и beaker. Обращаемся теперь к англо-русскому словарю и смотрим, какие русские соответствия имеются для этих трех английских слов. Слову tumbler дается только одно соответствие — *стакан* (для вина). Слово же glass (в значении 'посуда для питья') имеет в русском языке семь соответствий: *стакан, рюмка, бокал, фужер, чарка, стопка, кружка*. Уже это показывает нам разницу в семантическом содержании русского *стакан* и английского glass — русское *стакан* выделяется среди других наименований посуды для питья по форме обозначаемого предмета (цилиндрической или приближающейся к цилиндрической), в то время как английское glass выделяется не по форме, а по материалу, из которого изготовлена данная посуда (стекло); поэтому русское *бумажный (пластмассовый и пр.) стаканчик* переводится на английский язык не как glass, а как (paper, plastic, и пр.) cup.

Проследим теперь по русско-английскому словарю соответствия этих русских слов в английском языке. *Рюмка* переводится как (wine) glass, то есть здесь «цепочка соответствий» как бы обрывается. Русскому *бокал* в английском соответствуют glass, goblet и beaker. Возвращаясь к англо-русскому словарю, находим для goblet соответствия: *бокал* и *кубок*. Для *кубок* русско-английский словарь указывает четыре эквивалента — goblet, cup, beaker, bowl. Cup в англо-русском словаре получает перевод *чашка, кубок, чарка, стопка, бумажный (пластмассовый и пр.) стаканчик*. Русскому *чашка*, по данным русско-английского словаря, соответствуют: cup, bowl и basin. Bowl передается в англо-русском словаре как *чашка, кубок, а также как ваза, миска, таз*, что наталкивает нас на понимание семантического объема этого слова — оно обозначает широкую чашку без ручки, вазу без ножки и другую посуду аналогичной формы. Basin переводится на русский язык как *(плоская) чашка* (а также как *миска, таз*, то есть по значению оно близко к bowl).

¹ Мы исходим из данных «идеальных» или «полных» словарей, дающих все существующие эквиваленты лексических единиц в другом языке; фактически, однако, реально существующие двуязычные словари страдают неполнотой и не всегда дают все возможные эквиваленты данного слова.

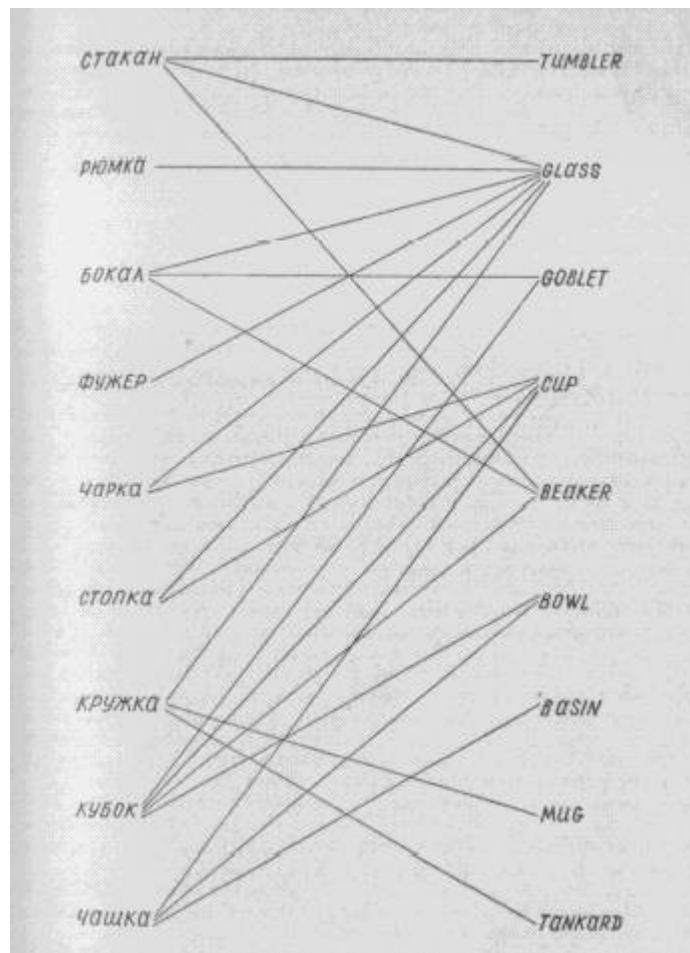
Нам остается найти по русско-английскому словарю эквиваленты русским *чарка* и *стонка* — оказывается, что они переводятся как *cup* или *glass*, то есть на этом «цепочка соответствий», открываемая английским *cup*, обрывается. Поэтому мы возвращаемся к последнему из английских соответствий русского *кубок* — *beaker* и обнаруживаем, что в англо-русском словаре оно переводится как *стакан* (для вина), *бокал* или *кубок*. Все эти слова нами уже были прослежены в отношении их переводческих эквивалентов; поэтому мы должны вернуться к двум оставшимся неразобранными русским соответствиям английского *glass* — *фужер* и *кружка*. Первое из них в русско-английском словаре получает эквивалент (*tall wine*) *glass*. Второе переводится как *glass*, *mug* и *tankard*. Слову *mug* в англо-русском словаре дается соответствие *кружка*, а *tankard* — (*высокая пивная*) *кружка*, так что на этом «цепочка соответствий», открываемая русским словом *стакан*, обрывается, и мы можем считать законченным наш сопоставительный анализ данной лексической группы по двуязычным словарям,

Результаты проведенного нами анализа можно изобразить в виде следующей схемы, которая наглядно показывает всю сложность отношений, существующих между значениями переводческих «эквивалентов» двух языков (см. стр. 93)

Следует иметь в виду, что сопоставление лексических групп по двуязычным словарям — это лишь первый этап анализа. Вслед за этим необходимо определить значение каждого из включенных нами в данную группу слов по одноязычным (толковым) словарям; только тогда станет ясным, в чем именно заключается разница в их семантическом содержании (напомним также, что мы говорим пока что только о референциальном значении слов, отвлекаясь от их прагматических значений, таких как стилистическая окраска и пр.). Для еще более глубокого проникновения в семантику слов необходимо не ограничиваться данными словарей и проследживать их значение в реальном речевом употреблении в контексте (напр., по материалам художественной литературы).

Мы считаем, что такой сопоставительный анализ тематически сгруппированной лексики двух языков может принести большую пользу не только переводчикам, которым он насущно необходим, но и всем изучающим иностранные языки.¹ Такие исследования наглядно показывают, что лекси-

¹ В качестве самостоятельной работы мы предлагаем читателю проделать подобного рода сопоставительное исследование английско и русской лексики с использованием двуязычных, а на втором этапе — и одноязычных словарей на материале определенных семантических групп: например, сопоставить русские существительные *сила*, *мощь*, *мощность*, *энергия* и их английские параллели *strength*, *power*, *might*, *force*, *energy*, или же какие-нибудь иные группы существительных, прилагательных или глаголов по своему усмотрению.

ческие единицы двух языков лишь в редких случаях полностью совпадают по своему референциальному значению; в подавляющем большинстве случаев они совпадают лишь частично и только в совокупности своей выражают то же содержание, что и их иноязычные эквиваленты.

§ 24. Наконец, третий возможный случай взаимного отношения лексики двух языков — это **полное отсутствие со-**

93

ответствия той или иной лексической единице одного языка в словарном составе другого языка. В этих случаях принято говорить о так называемой **безэквивалентной лексике**. Под безэквивалентной лексикой, стало быть, имеются в виду лексические единицы (слова и устойчивые словосочетания) одного из языков, которые не имеют ни полных, ни частичных эквивалентов среди лексических единиц другого языка. Сюда относятся в основном следующие группы слов:

1) Имена собственные, географические наименования, названия учреждений, организаций, газет, пароходов и , пр., не имеющие постоянных соответствий в лексиконе другого языка. Например, при просмотре номера газеты «Правда» от 13.IX.1973 г. нам встретились русские фамилии Белоусов, Карпиков, Камозин, Пушнова, Цыкунов, Зубенко, Ольштынский, Данченко, Суходольский и пр. и названия населенных пунктов Бахмач, Алексеевка, Лисовичи, Урусобино, Гаврилово-Посад и пр. — естественно, что никаких эквивалентов этим словам в английском языке нет, в отличие от таких фамилий как *Пушкин, Достоевский* или таких географических названий как *Москва, Киев, Крым* и пр., которые уже давно получили устойчивые эквиваленты в словаре английского языка: *Pushkin, Dostoevski, Moscow, Kiev, the Crimea* и т. д. Аналогичным образом в романе американского писателя Дж. Апдайк "Couples" встречаются фамилии *Hanema, Thorne, Appleby, Guerin, Gallagher* и названия населенных пунктов *Tarbox, Mather, Quogue, Bag Harbor, Millbrook, Scituate* и пр., не имеющие никаких эквивалентов в словаре русского

языка, в отличие опять-таки от имен и фамилий типа John, George, Shakespeare, Dickens, Lincoln и т.д. и географических названий типа London, New York, the Thames, the Mississippi и др., которые имеют в русском лексиконе устойчивые соответствия: *Джон, Джордж, Шекспир, Диккенс, Линкольн, Лондон, Нью-Йорк, Темза, Миссисипи*. Вообще говоря, не всегда можно провести четкую разграничительную черту между безэквивалентными именами собственными и теми, которые имеют и словаре другого языка постоянные соответствия — то или иное имя собственное или географическое наименование, вначале не имевшее эквивалента в другом языке, может затем, неоднократно встречаясь на страницах периодической печати или художественной литературы, получить такое соответствие, причем точно установить время, когда occasionalный эквивалент перешел в usualный, то есть устойчивый, не всегда возможно. Однако в целом можно считать,

94

что к числу безэквивалентной лексики относятся имена собственные и названия малоизвестные для носителей другого языка (учитывая, конечно, что понятие «малоизвестный» является относительным и недостаточно строгим).

2) Так называемые **реалии**, то есть слова, обозначающие предметы, понятия и ситуации, не существующие в практическом опыте людей, говорящих на другом языке. Сюда относятся слова, обозначающие разного рода предметы материальной и духовной культуры, свойственные только данному народу, например, названия блюд национальной кухни (русск. *щи, борщ, рассольник, квас, калач*; англ. *muffin, haggis, toffee, butter-scotch, sundae* и пр.), видов народной одежды и обуви (русск. *сарафан, душегрейка, кокошник, лапти*), народных танцев (русск. *трепак, гопак*; англ. *pop-gocs-the-weasel*), видов устного народного творчества (русск. *частушки*; англ. *limericks*) и т.д. Сюда же входят слова и устойчивые словосочетания, обозначающие характерные только для данной страны политические учреждения и общественные явления (напр., русск. *агитпункт, крас ный уголок, ударник, дружинник, трудовая вахта*; англ. *primaries, caucus, lobbyist* и т. п.), торговые и общественные заведения (русск. *дом культуры, парк культуры и отдыха*; англ./америк. *drugstore, grill-room, drive-in*) и пр.

Опять-таки не всегда легко решить, в каком случае то или иное слово или словосочетание можно отнести к числу безэквивалентной лексики, обозначающей реалии, — occasionalный переводческий эквивалент (об этом понятии см. стр. 103) может перейти в устойчивое словарное соответствие. Так, в русский язык проникли слова и выражения: *палата общин* — House of Commons, *лорд хранитель печати* - Lord Privy Seal, *орден Подвязки* — the Garter, *спикер* - Speaker, *уикенд* — week-end, *стриптиз* — strip-tease и многие другие лексические единицы английского происхождения, в результате чего соответствующую английскую лексику уже нельзя считать безэквивалентной относительно русского языка. При этом, как и у имен собственных, момент перехода occasionalного соответствия в usualное не всегда может быть с точностью определен.

3) Лексические единицы, которые можно назвать **случайными лакунами**. Мы имеем в виду те единицы словаря одного из языков, которым по каким-то причинам (не всегда понятным) нет соответствий в лексическом составе (в виде слов или устойчивых словосочетаний) другого языка. Как уже было отмечено, в словаре английского языка нет еди-

95

ницы, соответствующей по значению русскому *сутки*, так что данное понятие приходится передавать на английском языке описательно: либо путем указания на количество часов, например, *Я приеду через **сутки** (через **двое суток**) I shall come back in twenty-four (forty-eight) hours*, либо же если подчеркивается непрерывность, круглосуточность действия, сочетанием *day and night*¹, например, *Они **работали четверо суток** They worked four **days and nights***. Подобным образом в английском языке отсутствуют словарные соответствия русским существительным *кипяток, именинник, погорелец, пожарище* и др. С другой

стороны, в русском языке отсутствуют лексические соответствия английским словам *glimpse, flooger, exposure* (в значении 'подверженность воздействию сил природы: дождя, солнца, ветра, холода') и др.

В некоторых случаях отсутствие эквивалентов такого рода лексики в одном из языков может найти себе культурно-историческое или социальное объяснение; так, существование в русском языке слова *погорелец* объясняется, видимо, тем фактом, что пожары и вызываемое ими разорение крестьянских семей были обычным явлением в дореволюционной русской деревне, в то время как в Англии, где дома строят обычно из камня или кирпича (даже в сельской местности), такое явление встречалось намного реже, в связи с чем не было необходимости в создании для него специального наименования. В большинстве случаев, однако, найти «рациональное» объяснение отсутствию слова с определенным значением в одном языке и его наличию в другом не удастся, и мы вынуждены, как и вообще при описании разницы между двумя языками, ссылаться на «национальную самобытность» строя того или иного языка, не пытаясь определить конкретные причины наличия или отсутствия именно этой, а не иной единицы в данном языке.

§ 25. Следует подчеркнуть, что термин «безэквивалентная лексика» мы употребляем только в смысле отсутствия соответствия той или иной лексической единице в словарном составе другого языка. Но неправильно было бы понимать этот термин в смысле «невозможности перевода» данной лексики. Уже неоднократно было отмечено, что лю-

¹ Такого рода сочетания, несмотря на их частую повторяемость в речи, все же вряд ли можно относить к числу единиц словаря, поскольку им чужда какая-либо идиоматичность (см. В.М. Солнцев. Указ. соч., с. 152—154).

96

бой язык в принципе может выразить любое понятие; отсутствие в словарном составе языка специального обозначения для какого-либо понятия в виде слова или устойчивого словосочетания не означает невозможности выразить это понятие средствами данного языка. Хотя в системе языка данный знак отсутствует, его содержание всегда может быть передано в речи в конкретном тексте при помощи целого ряда средств. Безусловно, перевод лексики, не имеющей соответствий в ПЯ, представляет собой определенную трудность, но трудность эта вполне преодолима. Из практики перевода известны следующие способы передачи безэквивалентной лексики:

1) **Переводческая транслитерация и транскрипция.** Подробнее о сущности этого приема речь пойдет ниже (см. гл. 4). Здесь достаточно указать, что при транслитерации передается средствами ПЯ графическая форма (буквенный состав) слова ИЯ, а при транскрипции — его звуковая форма. Эти способы применяются при передаче иноязычных имен собственных, географических наименований и названий разного рода компаний, фирм, пароходов, юстиниц, газет, журналов и пр. Приведем только один пример — в номере газеты «Правда» от 14.VII. 1973 г. нам встретились следующие переводческие транскрипции¹ названий американских торговых и промышленных компаний: «Армко стил корпорейшн», «Катерпиллер трактор компани», «Дженерал электрик компани», «Дженерал моторе», «Интернэшнл бизнес мэшинс корпорейшн», «Бэнк оф Америка», «Пан-америкэн уорлд Эйруэйз» и др.

Этот же способ широко применяется при передаче реалий; он особенно распространен в общественно-политической литературе и публицистике как переводной, так и оригинальной, но описывающей жизнь и события за рубежом (напр., в газетных корреспонденциях). Так, на страницах нашей прессы в последнее время стали встречаться следующие транскрипции английских слов и словосочетаний, не имеющих эквивалентов в русской лексике: *tribalism* *трайбализм*, *brain drain* *брейн-дрейн*, *public school* *павлик скул*, *drive-in* *драйв-ин*, *teach-in* *тич-ин*, *drugstore* *драгстор*, *know-how* *ноу-хау*, *impeachment*

импичмент и др. В английской общественно-политической литературе можно встретить такие транслитерации русских реалий, как *agitprop*, *sovkhos*, *technicum* и пр.

¹ Точнее, это не «чистые» транскрипции, а смешение транскрипции и транслитерации (см. ниже, гл. 4).

97

К такому приему нередко прибегают двуязычные словари при передаче безэквивалентной лексики: так, в «Русско-английском словаре» под ред. А. И. Смирницкого слова *борщ*, *щи*, *квас*, *калач*, *рассольник*, *окрошка*, *самовар* передаются как *borshch*, *shchi*, *kvass*, *kalatch*, *rassolnik*, *okroshka*, *samovar*, как правило, с последующим пояснением, то есть описательным переводом (см. стр. 99).

При передаче произведений художественной литературы этот прием встречается реже. Как пример приведем перевод одного из предложений в повести М. Горького «Детство», в котором содержатся названия национальной русской одежды:

В сундуках у него лежало множество диковинных нарядов: штофные юбки, атласные душегреи, шелковые **сарафаны**, тканые серебром, **кики** и **кокошники**, шитые жемчугами... (гл. XI)

His trunks were full of many extraordinary costumes: brocaded skirts, satin vests, cloth-of-gold **sarafani**, **kiki** and **kokoshniki**, ornamented with pearls... (tr. by M. Wettlin)

В примечании дается разъяснение транскрибированных русских слов: "**sarafani** — long, sleeveless dresses; **kiki** and **kokoshniki** — headdresses". Таким образом, переводческая транскрипция сочетается здесь с описательным переводом, о котором речь пойдет ниже.

В практике перевода в свое время наблюдалась тенденция к широкому применению транслитерации и транскрипции при передаче иноязычных реалий, которая часто переходила в злоупотребление этим приемом. Критикуя такого рода злоупотребление переводческой транскрипцией в переводах произведений Ч. Диккенса, выходявших в свет в тридцатых годах, известный советский переводчик литературовед И.А. Кашкин иронически писал: «Здоровая тенденция разумного приближения к фонетической точности написания здесь переходит в свою противоположность... *атерны* и прочие *скривенеры*; *кьюриты* и прочие *реверенд-мистеры*; *сэндучи* и прочие *тоусты*; *начинательные приказы* и прочие *риты* (*writs*) и *термины* (в смысле сессий); *спекуляции* и прочие *кривиджы*. Причем читателю, не заглянувшему в комментарий, приходится догадываться, что *спекуляция* — это карточная игра, так же как и *глик* и *поп-Джон*... К общеизвестным напиткам: джину, грогу, пуншу, элю навязываются еще *холендс*, *клерет*, *порт*, *тоди*,

98

хок, *стаут*, *нигес* ..., *скиддем*, *бишоп*, *джулен*, *флип*, *снэпдрегон*, *уосель*... Точно так же к издавна известным кэбам, фаэтонам, кабриолетам, шарабанам пристраиваются *гиги*, *шезы*, *комодоры*, *брумы*, *беруши*, *тильбюри*, *кларенсы*, *догкарты*, *стенхопы*, *хенсомы* и прочие *шендриданы*»¹.

В настоящее время прием транслитерации и транскрипции при переводе художественной литературы используется гораздо реже, чем прежде. Это вполне обосновано — передача звукового или буквенного облика иноязычной лексической единицы не раскрывает ее значения, и такого рода слова читателю, не знающему ИЯ, без соответствующих пояснений остаются непонятными. Поэтому указанным приемом при передаче иноязычных реалий следует пользоваться весьма умеренно.

2) **Калькирование**. Этот прием заключается в передаче безэквивалентной лексики ИЯ при помощи замены ее составных частей — морфем или слов (в случае устойчивых словосочетаний) их прямыми лексическими соответствиями в ПЯ. Лингвистическая сущность этого приема будет раскрыта в гл. 4. Сейчас мы приведем лишь несколько примеров калькирования при передаче безэквивалентной лексики английского языка на русский и русского на английский: *grand jury* — *большое жюри*; *backbencher* —

заднескамеечник; brain drain — *утечка мозгов* (наряду с приведенной выше транскрипцией *брейн-дрейн*); дом культуры — House of Culture; парк культуры и отдыха — Park of Culture and Rest; кандидат наук — Candidate of Science и т. д.

Как транскрипция и транслитерация, так и калькирование не всегда раскрывает для читателя, незнакомого с ИЯ, значение переводимого слова или словосочетания. Причина того в том, что сложные и составные слова и устойчивые словосочетания, при переводе которых калькирование используется чаще всего, нередко имеют значение, не равное сумме значений их компонентов, а поскольку при калькировании используются эквиваленты именно этих компонентов, значение всего лексического образования в целом может остаться нераскрытым. Так, неподготовленному читателю слова *заднескамеечник* и *большое жюри* вряд ли скажут что-нибудь без развернутых пояснений.

3) **Описательный («разъяснительный») перевод.** Этот способ передачи безэквивалентной лексики заключается в

¹ И.А. Кашкин. Ложный принцип и неприемлемые результаты. "Иностранные языки в школе", М., 1952, № 2, с. 33. См. также Галь Н. Слово живое и мертвое. М., «Книга», 1972, с. 51.

99

раскрытии значения лексической единицы ИЯ при помощи развернутых словосочетаний, раскрывающих существенные признаки обозначаемого данной лексической единицей явления, то есть, по сути дела, при помощи ее дефиниции (определения) на ПЯ. Вот несколько примеров описательного перевода английской безэквивалентной лексики на русский язык: landslide *победа на выборах с большим перевесом голосов*, brinkmanship *искусство держать мир на грани войны*, whistle-stop speech *агитационное выступление кандидата во время остановки поезда*, bull спекулянт, играющий на повышение биржевых ценностей, bear спекулянт, играющий на понижение биржевых ценностей, cogoner *следователь, производящий дознание в случае насильственной или скоростной смерти*, flooer *сильный удар, сшибающий с ног* или (в переносном смысле) *озадачивающий вопрос, трудная задача*.

Приведем пример использования приема описательного перевода в переводе художественной литературы:

I used **to caddy** once in a while... (J. D. Salinger. *The Catcher in the Rye*, Ch. 4)
Я ей носил палки для гольфа... (пер. Р. Райт-Ковалевой)

Приведем несколько случаев описательного перевода при передаче на английский язык русской безэквивалентной лексики: *щи* cabbage soup, *борщ* beetroot and cabbage soup (наряду с упомянутыми выше транскрипциями shchi и borshch), *пожарище* site of a recent fire или charred ruins, *погорелец* a person who has lost all his possessions in a fire, *агитпункт* voter education centre, *дружинники* public order volunteers.

Нетрудно заметить, что описательный перевод, хотя он и раскрывает значение исходной безэквивалентной лексики, имеет тот серьезный недостаток, что он обычно оказывается весьма громоздким и неэкономным. Поэтому, хотя и он является обычным средством передачи значений безэквивалентной лексики в двуязычных словарях, при переводе текстов, особенно художественных, его применение не всегда возможно, как и применение транскрипции и калькирования. Часто переводчики прибегают к сочетанию двух приемов – транскрипции или калькирования и описательного перевода, давая последний в сноске (ср. вышеприведенный пример из повести М. Горького «Детство») или в комментарии. Это дает возможность сочетать краткость и экономность средств выражения, свойственные транскрипции (и кальки-

100

рованию), с раскрытием семантики данной единицы, достигаемой через описательный перевод: разъяснив однажды значение данной единицы, переводчик в дальнейшем может использовать транскрипцию или кальку, смысл которой будет уже понятен читателю. Так, в статье Ю. Харланова «Рай для банкиров», опубликованной в «Правде» от 25.XI. 1972 г.,

дается транскрипция английского термина holding company как *холдинг-компани*, вслед за чем в скобках приводится объяснительный перевод: «фирмы, которые непосредственно не управляют производством, а только держат в своих руках 'портфельный капитал' - контрольные пакеты акций тех монополий, интересы которых они представляют»; в дальнейшем тексте статьи употребляется транскрипция *холдинг* без пояснений. В данном случае возможен также приближенный перевод *компания-учредитель*.

4) **Приближенный перевод** (перевод при помощи «аналога») заключается в подыскании ближайшего по значению соответствия в ПЯ для лексической единицы ИЯ, не имеющей в ПЯ точных соответствий. Пример такого перевода можно найти в вышеприведенном отрывке из повести М. Горького, где русское *душегрея* переведено приближенно как vest. Конечно, английское vest, означающее 'жилет' или 'нательную фуфайку', лишь приближенно передает значение русского слова *душегрея*, которое обозначает женскую теплую кофту без рукавов; тем не менее для целей перевода это неполное, приближенное соответствие оказывается вполне достаточным. Такого рода приблизительные эквиваленты лексических единиц можно назвать «аналогами». «Аналоги» нередко используются в английской периодической и общественно-политической литературе для обозначения явлений, характерных для советской действительности (то есть для передачи так называемых «совстизмов»), например, *горсовет* Municipal Council; *председатель горсовета* Mayor; *техникум* junior college (наряду с приведенной выше транслитерацией *technicum*); *путевка* (в санаторий, дом отдыха) voucher и т. п. Хотя эти эквиваленты лишь приблизительно передают содержание соответствующих русских слов, все же за отсутствием в английском языке точных эквивалентов их применение вполне оправдано, поскольку они дают некоторое представление о характере обозначаемого предмета или явления. Применение «аналогов» встречается и при передаче английской безэквивалентной лексики на русский язык, например *drugstore* аптека; *know-how* секреты производства; *muffin* сдоба и пр.

101

Применяя в процессе перевода «аналоги», следует иметь в виду, что они лишь приблизительно передают значение исходного слова и в некоторых случаях могут создать не вполне правильное представление о характере обозначаемого ими предмета или явления. Так, обычная передача американизма *drugstore* как аптека не дает полного представления о функциях этого заведения — в русских аптеках продаются только лекарства и (иногда) косметические средства, в то время как в американских «драгсторах» продаются так же предметы первой необходимости, газеты, журналы, кофе, мороженое и пр. и, кроме того, они функционируют как закусочные. Поэтому, когда реплика героини одного из американских фильмов, демонстрировавшихся в свое время на советских экранах, "Food is awful in drugstores" переводилась в субтитрах как *В аптеках ужасно кормят*, это вызывало непонимание у зрителей. В данном случае боа уместным был бы другой русский «аналог» — закусочная.

Учитывая это, опытные переводчики при использовании «аналогов» дают требуемые пояснения в комментариях переводу. Так, русское *князь* принято переводить английским prince; однако это английское слово по значению скорее совпадает с русским *принц*. Поэтому английский читатель встретив в переводе романа Ф. М. Достоевского «Идиот» князя Мышкина, может принять его за принца, что вызовет у него полное непонимание действительного положения вещей; правильно поэтому поступил переводчик Ю.М. Катцер, который дал в комментариях к роману пояснение того, кем были князья в дореволюционной России.

5) **Трансформационный перевод**. В ряде случаев при передаче безэквивалентной лексики приходится прибегать к перестройке синтаксической структуры предложения, к лексическим заменам с полным изменением значения исходного слова или же к тому и другому одновременно, то есть к тому, что носит название лексико-грамматических переводческих **трансформаций** (см. ниже гл. 5); поэтому в данном случае можно

говорить о трансформационном переводе. Так, английское *glimpse*, не имеющее эквивалентов среди русских существительных, часто употребляется в выражениях *to have* или *to catch a glimpse of (something or somebody)*, что дает возможность применить в переводе глагол и тем самым прибегнуть к синтаксической перестройке предложения; например, предложение *I could catch glimpses of him in the windows of the sitting-room* (A.C. Doyle, *The Adventures of Sherlock Holmes*) можно перевести: *Я видел,*

102

как его фигура мелькала в окнах гостиной. При передаче на русский язык английского *exposure*, не имеющего прямого соответствия, в ряде случаев можно прибегнуть к лексической замене; предложение *He died of exposure* следует переводить как *Он умер от простуды (от воспаления легких), Он погиб от солнечного удара, Он замерз в снегах* и т. д. Разумеется, для правильного выбора одного из этих вариантов требуется обращение к широкому контексту или знание экстралингвистической ситуации, о чем речь пойдет ниже.

Таким образом, мы видим, что отсутствие прямых эквивалентов определенным разрядам лексических единиц в словарном составе другого языка отнюдь не означает их «непереводимость» на этот язык. В распоряжении переводчика имеется, как было показано, не одно, а целый ряд средств, дающих возможность передать значение исходной словарной единицы в речи, в конкретном тексте. При этом, в случае использования первых трех из вышеперечисленных средств (транскрипции, калькирования и описательного перевода) создается то, что можно назвать **окказиональным переводческим эквивалентом**, то есть слово или словосочетание, не вошедшее (еще) в словарный состав ПЯ и употребляемое в речи как «потенциальная» лексическая единица. Как уже было отмечено, нередко такой окказиональный эквивалент переходит в **узуальный**, то есть устойчивый, постоянно употребляющийся. Это означает, что данная лексическая единица входит в словарный состав ПЯ (и, в конечном итоге, может получить фиксацию в толковом словаре данного языка). В этих случаях исходная лексика перестает быть безэквивалентной. Разумеется, точно определить, вошло ли данное окказиональное образование в словарный состав ПЯ, то есть стало ли оно узуальным, не всегда возможно, ибо сам момент перехода той или иной лексической единицы («неологизма») из речи в язык не всегда может быть строго определен. Так, нет достаточно твердых критериев, которые дали бы основание полагать, что образования типа *трайбализм* или *заднескамеечник* относятся к узуальным эквивалентам соответствующих английских слов, ибо не ясно, вошли ли эти слова или нет в лексикон русского языка; точно также нет ясности по вопросу о том, считать ли английское словосочетание *cabbage soup* устойчивым и, тем самым, узуальным словарным эквивалентом русского *щи* или же это свободное словосочетание, то есть единица не языка (словарного состава), а речи. Для практики перевода, однако, эти вопросы играют второстепенный характер.

103

Читатели, особо интересующиеся проблемой передачи безэквивалентной лексики, могут найти более подробное освещение затронутых здесь вопросов в специальных исследованиях¹.

§ 26. До сих пор речь шла о передаче референциального **значения** слова (или словосочетания), которое, как было определено выше (гл. 2, § 14), есть отнесенность слова к определенному референту, то есть к какому-либо классу качественно однородных (в том или ином отношении) предметов, процессов, явлений и пр. Однако там же было указано, что в речи, в конкретном тексте знаки языка могут обозначать и чаще всего действительно обозначают не весь класс («референт») в целом, а лишь один какой-нибудь конкретный единичный предмет (или процесс, явление пр.), который мы назвали денотатом. Перевод, как мы неоднократно подчеркивали, имеет дело не с языком, а с речью, с конкретными речевыми произведениями (текстами). Поэтому при переводе

соответствие между знаками двух языков — ИЯ и ПЯ — нередко устанавливается не на уровне референтов, а на уровне денотатов. Это значит, что единица ИЯ и ее окказиональный эквивалент в ПЯ могут расходиться по своему референциальному значению, но совпадать по обозначаемым ими денотатам.

Например, допустим, что нам требуется перевести на английский язык предложение: *Делегация вьетнамских профсоюзов, гостившая в Москве, вчера вылетела на родину*. Английскими эквивалентами русского *родина* являются *homeland*, *motherland*, *mother country*, но все они, совпадая по референциальному значению с русским *родина*, отличаются от него по прагматическому значению — английские слова всегда эмоционально окрашены, в то время как русское *родина* в выражениях типа *уехать на родину* и пр. эмоционально нейтрально. Можно, конечно, употребить выражение *to leave for home* *уехать домой*; однако следует помнить, что переводчик вовсе не обязан в данном случае сохранить в переводе лексическое значение русского слова *родина*, что было бы необходимо, если бы это слово употре-

¹ См., напр., канд. дисс.: Г.В. Чернов. Вопросы перевода русской безэквивалентной лексики на английский язык. М., 1958; Л.А. Хахам. Основные типы новообразований в современном английском языке и способы их перевода на русский язык. М., 1967, а также соответствующие разделы в общей литературе, указанной в разделе «Список литературы» в конце книги.

104

блялось в своем родовом значении, то есть относилось бы ко всему своему референту в целом (напр., *Нужно любить свою родину*). В нашем же примере существенно другое: куда именно вылетела вьетнамская делегация. Для вьетнамцев *родина* это, конечно, Вьетнам; значит, денотатом слова *родина* в данном предложении является Вьетнам. Это дает нам полное право перевести *вылетела на родину* в данном случае как *left for Vietnam* (for the DRV или даже for Hanoi). Эквивалентность перевода в нашем примере достигается, стало быть, благодаря тождеству обозначаемого в тексте на ИЯ и на ПЯ денотата, хотя референциальное значение слов *родина* и *Vietnam*, (*DRV*, *Hanoi*, и т.д.) конечно, неодинаково.

В качестве иллюстрации к сказанному выше приведем два примера из перевода повести американского писателя Дж. Сэлинджера «Над пропастью во ржи»:

That isn't too far from this crumby **place**... (Ch. 1)

Это не очень далеко отсюда, от этого треклятого **санатория**...

All he did was lift the **Atlantic Monthly** off his lap and try to chuck it on the bed, next to me. (Ch. 2)

Просто он взял **журнал** с колен и хотел кинуть его на кровать, где я сидел.

Здесь в первом случае слово с общим значением *place* переводится посредством слова *санаторий*, конкретного наименования того места, где в описываемый момент находится герой, от имени которого ведется повествование (такая конкретизация, разумеется, делается на основании информации, содержащейся в широком контексте). Во втором случае имеет место обратное явление — вместо конкретного названия журнала употребляется общее родовое обозначение *журнал* (обращения к контексту здесь не требуется, так как английское *monthly* обозначает ежемесячный журнал), в обоих примерах лексические значения единиц ИЯ и их переводческих эквивалентов не совпадают — исходное слово по объему своего референциального значения либо гораздо шире (первый пример), либо гораздо уже (второй пример), чем соответствующее ему слово в тексте перевода. Эквивалентность здесь достигается путем денотативного тождества данных лексических единиц в ИЯ и в ПЯ — они обозначают один и тот же предмет.

Вот пример из перевода с русского на английский:

105

Скворец, скосив на нее круглый, живой глаз..., стучит деревяшкой о тонкое дно клетки... (М. Горький *Детство*, гл. VII).

The bird would cock its round eye at her..., knock its wooden leg against the floor of the cage...

И здесь русское *скворец* и английское *bird* не совпадают по объему своего референциального значения; эквивалентность устанавливается на уровне денотата, поскольку оба слова — родовое и видовое названия — обозначают в данном тексте одно и то же существо.

На денотативном тождестве обозначаемых объектов основываются переводческие приемы конкретизации генерализации, о которых будет идти речь в главе 5. (См. также примеры, приведенные в § 33 этой главы.)

Таким образом, расхождение в референциальных значениях слов и словосочетаний ИЯ и ПЯ еще не является само по себе препятствием для установления между ними отношения переводческой эквивалентности — существенным оказывается тождество обозначаемого ими денотата, благодаря которому в речи возникает возможность использовать как эквиваленты слова, имеющие в системе языка неодинаковое референциальное значение (как мы видели из примеров, чаще всего — это слова, находящиеся в отношениях «части и целого», то есть связанные логически отношением подчинения).¹

2. Передача прагматических значений

§ 27. Выше (см. § 14, 2 предыдущей главы) мы определили прагматическое значение как отношение между знаком и человеком (точнее, человеческим коллективом), пользующимся данным знаком. Было отмечено, что люди, использующие в процессе лингвистической коммуникации языковые знаки, не относятся к ним безразлично — они по-разному реагируют на те или иные языковые единицы, а через них — и на сами обозначаемые ими референты и денотаты. Это субъективное отношение людей (языковых коллективов) к единицам языка, а через них и при их посредстве и к самим обозначаемым ими предметам и понятиям, нередко закрепляется за данным знаком, входит

¹ О роли денотативной тождественности языковых единиц при переводе см. в работе О. Kade „Kommunikationswissenschaftliche Probleme der Translation,“ „Fremdsprachen“, II, Leipzig, 1968, S. 11.

106

в качестве постоянного компонента в его семантическую структуру и в этом случае становится тем, что мы называем прагматическим значением языкового знака.

С самого начала необходимо подчеркнуть, что понятие **прагматики** в языкознании (и шире — в семиотике) отнюдь не сводится только к понятию прагматических значений языковых (и вообще знаковых) единиц. Это понятие гораздо более широкое — оно включает в себя все вопросы, связанные с различной степенью понимания участниками коммуникативного процесса тех или иных языковых единиц и речевых произведений и с различной их трактовкой в зависимости от языкового и неязыкового (экстралингвистического) опыта людей, участвующих в коммуникации. В этом смысле «прагматика» выходит далеко за рамки собственно прагматических значений языковых знаков и даже за рамки микролингвистической проблематики вообще, упираясь в исследование экстралингвистических факторов речи, таких как предмет, ситуация и участники речевого акта (см. выше §§ 7—8, гл. 1). О прагматических значениях мы можем говорить, как было указано, лишь в тех случаях, когда отношение членов языкового коллектива к знакам языка становится частью семантической структуры самого знака, то есть закрепляется за ним постоянно и может получить соответствующую регистрацию в словаре в виде так называемых «стилистических помет». Так, русские названия растений *подмаренник*, *короставник* и *чабрец* вызывают разные ассоциации, то есть неодинаково (и в неодинаковой степени) понимаются городскими жителями,

сельскими жителями и специалистами по ботанике; словосочетания *нечистая сила* и *святой дух* вызывают неодинаковую реакцию у верующих и у атеистов и т.д. Однако в данном случае неодинаковое отношение разных участников речевого акта к тем или иным знакам не является частью семантической системы самих этих знаков и не может считаться их прагматическим значением. Тем не менее, поскольку при сравнении единиц разных языков случаи такого неодинакового отношения к референциально тождественным знакам наблюдаются, естественно, гораздо чаще, чем тогда, когда говорящие принадлежат к одному и тому же языковому и этническому коллективу, теория и практика перевода не может их игнорировать.

Качественно иной случай наблюдается в таких единицах словаря, как русские *харя*, *дрыхнуть*, *жратва* и пр. Здесь определенное отношение членов языкового коллектива

107

ва к данным знакам входит в семантическую структуру знаков как постоянный ее компонент (в данных примерах – значение грубости, резко отрицательной субъективной характеристики). В этих случаях мы и говорим об определённых прагматических значениях языковых единиц, в том числе их эмоциональной окрашенности.

В настоящем разделе мы рассмотрим вопрос о передаче в переводе прагматических значений языковых единиц. Как и в предыдущем разделе, мы проделаем это на материале лексических единиц (слов), хотя прагматическими значениями, вообще говоря, обладают не только единицы словаря. Определённые грамматические формы также могут нести то или иное прагматическое значение; так, в английском языке (во всяком случае, в XIX в.) форма второго лица единственного числа типа *thou knowest* имела ярко выраженное прагматическое значение (стилистическую характеристику), передавая «поэтичность», «возвышенность»; синтаксическая конструкция "*Nominativus Absolutus*" в современном английском также характеризуется в прагматическом (стилистическом) плане как «книжная», «официальная» и т.п. В целом, однако, четкая прагматическая «маркированность» более характерна для лексических единиц, поскольку эмоциональная и стилевая окрашенность грамматических форм в подавляющем большинстве нейтральна.

§ 28. К сожалению, лингвистическая теория прагматических значений до сих пор разработана гораздо слабее, чем теория значений референциальных. Между тем не подлежит сомнению, что система прагматических значений, выражаемых в языке, является весьма сложной и что эти значения качественно неоднородны. Не претендуя на окончательность, мы считаем возможным предложить следующую схему классификации типов прагматических значений, которая, по нашему мнению, применима как к русскому, так и к английскому (а также и ко многим другим) языкам.

1. **Стилистическая характеристика слова.** Наряду со словами, употребляемыми во всех жанрах и типах речи (то есть стилистически «нейтральными»), существуют слова и словосочетания, употребление которых ограничено какими-то определёнными жанрами и типами. Эта закреплённость слов за определёнными речевыми жанрами становится их постоянной характеристикой и, тем самым, компонентом их прагматического значения. В этом смысле мы и употребляем термин «стилистическая характеристика слова».

108

В целом представляется правомерным выделять два основных типа речи: обиходно-разговорную и книжно-письменную. В пределах этой последней различаются следующие основные жанры: 1) художественная литература; 2) официально-научный жанр; 3) публицистический жанр.¹ Каждый из этих жанров, в свою очередь, подразделяется на разновидности: так, внутри художественной литературы различаются художественная проза, драматургия и поэзия; внутри официально-научного жанра – тексты официально-деловые, газетно-информационные, документально-юридические и научно-технические; внутри публицистики – общественно-политическая литература, газетно-журнальная публицистика (в узком смысле) и ораторская речь.

Не всем перечисленным жанрам речи, однако, свойственно употребление определенных, характерных именно для данного жанра, лексических единиц. Так, не существует какого-либо слоя лексики, употребление которой было бы свойственно исключительно или даже преимущественно языку художественной литературы — отличительной чертой этого жанра (кроме поэзии, которая имеет свой специфический словарь) является как раз широкое использование лексики, принадлежащей самым различным стилистическим слоям. Нет своего специфического словаря также и у языка публицистики.

Учитывая это, можно выделить в словарном составе языка типа русского или английского следующие виды стилистической характеристики слов:

1) **Нейтральная** — у слов, употребляемых во всех типах и жанрах речи, то есть у слов «стилистически немаркированных». Сюда относится подавляющее большинство слов, входящих в ядро словарного состава любого языка.

2) **Обиходно-разговорная** — у слов, употребляемых в устной речи в «неофициальной» ситуации и не употребляемых, как правило,² в письменной речи. (Ср. русск. *электричка, раздевалка, влипнуть, шлепнуться, тренькать, чуд-*

¹ Такой классификации придерживается, в частности, А.В. Фёдоров (см. А.В. Федоров. Основы общей теории перевода, гл. 6). Несколько иную (более детальную) классификацию дает И.Р. Гальперин в монографии "Stylistics", Moscow, "Higher School Publishing House", 1971, Part VI.

² Исключение — использование обиходно-разговорной лексики в языке художественной литературы (преимущественно в речи персонажей) и в публицистике.

109

ной и пр.; англ. bobby, booze, dough *деньги*, buck доллар, movie, buddy, to filch и пр.).

3) **Книжная** — у слов, употребляемых только в письменной речи (в любых ее жанрах) и не употребляемых в обиходно-разговорной речи, хотя в «официальной» ситуации они могут употребляться и в устной речи. (Ср. русск. *достигаемость, вышеупомянутый, шествовать, благосостояние* и пр.; англ. inebriety, conflagration, rescuary, to commence, thereby и пр.)

4) **Поэтическая** — у слов, употребляемых преимущественно только в языке поэзии (иногда также — в «торжественной прозе»). (Ср. русск. *отчизна, глашатай, очи, уста* и др.; англ. oft, moggow, steed и др.).

5) **Терминологическая** — у слов, употребляемых только или преимущественно в официально-научном жанре. Сюда относится вся научная и техническая терминология; сюда же следует относить термины и специальные слова, употребляемые в сфере государства и права (юриспруденции), экономики, финансов и военного дела, в общественно-политической жизни, а также, по-видимому, так называемые «канцеляризмы».¹

2. **Регистр** слова.² Говоря о «регистре», к которому принадлежит слово, мы имеем в виду определенные условия или ситуацию общения, обуславливающие выбор тех или иных языковых средств, в том числе лексических единиц. Эта ситуация определяется, в первую очередь, составом участников коммуникативного процесса: определенные слова (и шире — языковые единицы) могут употребляться только при разговоре с близкими знакомыми, родственниками и пр., в то время как другие лексические (и вообще языковые) единицы употребляются преимущественно в разговоре с малознакомыми людьми, с вышестоящими по служебному или социальному положению и пр. Во-вторых, «регистр» речи определяется также условиями, в которых протекает процесс языковой коммуникации, — даже с близкими друзьями или с родственниками в официальной обстановке, пример, на службе, на собрании и пр. не принято говорить

¹ Характеристику словарного состава английского языка в плане его стилистической дифференциации см. И.Р. Гальперин. Указ, соч., с. 62—117.

² Термин «регистр» (register) в данном значении или близком к нему употребляется в работах лингвистов так называемой Лондонской школы, в частности, в упомянутой работе Дж. Кэтфорда "A Linguistic Theory of Translation".

110

так, как в домашней обстановке и т. п. В целом, видимо, можно наметить существование в языке следующих пяти регистров¹: 1) **фамильярный**; 2) **непринужденный**; 3) **нейтральный**; 4) **формальный**; 5) **возвышенный**. Так, русские *оболтус*, *паршивец*, *трескать* относятся к фамильярному регистру; *авоська*, *подкачать* (в смысле 'подвести кого-нибудь')- *подвыпивший* — к непринужденному; *прибыть*, *отчислить*, *очередной*, *бракосочетание* — к формальному; *стезя*, *вкусить*, *лицезреть* — к возвышенному. Нередки случаи, когда в языке имеется несколько слов с одинаковым референциальным значением, относящихся к разным регистрам; ср. русские *дряхнуть* (фамильярное) — *спать* (непринужденное и нейтральное) — *отдыхать* (формальное) — *почивать* (возвышенное). Подавляющее большинство слов относится к нейтральному регистру; они могут употребляться в любом регистре речи, от фамильярного до возвышенного, подобно тому как стилистически нейтральные слова употребляются в любом типе и жанре речи.

3. **Эмоциональная окраска слова.** В любом языке существуют слова и выражения, компонентом семантической структуры которых является эмоциональное отношение говорящего к называемому словом предмету или понятию, то есть отрицательная или положительная оценка тех предметов, явлений, действий и качеств, которые обозначаются данным словом. В этом случае принято говорить об **эмоциональной окраске** слова — отрицательной или положительной. Слова, не содержащие в себе никакого оценочного момента (таких в словаре подавляющее большинство), считаются «эмоционально нейтральными». Таким образом, лексические единицы могут быть подразделены на три основных группы: **отрицательно-эмоциональные, нейтрально-эмоциональные и положительно-эмоциональные**. Например, русские слова *лизоблюд*, *подпевала*, *шкурник*, *говорильня*, *отребье*, *вольтинить* относятся к числу слов с отрицательной эмоциональной окраской. Отрицательно-эмоциональные слова в русском языке широко образуются путем суффиксации -прибавлением к эмоционально-нейтральному слову так называемых «уничижительных» суффиксов (ср. *городшко*, *избёнка*, *человечиска* и пр.). Слова с положительной эмоциональной окраской в русском языке также довольно свободно образуются от нейтральных слов прибавлением так называемых

¹ См. M. Joos. The Five Clocks. "International Journal of American Linguistics", № 28, 1962, p. V.

мых «ласкательных» суффиксов (ср. *братец*, *сестричка*, *дружочек*, *песик* и пр.). Для одного и того же референта могут существовать эмоционально окрашенные и нейтральные обозначения: ср. русские *мятеж* (отриц.) — *восстание* (нейтр.), *шпион* (отриц.) — *разведчик* (нейтр.) и т. п. Аналогичный пример из английского языка приведен в работе И.В. Арнольд «Лексикология современного английского языка»: Oh, you're not a **spy**. Germans are **spies**. British are **agents**.¹

Разумеется, намеченная нами классификация лексики по стилистической характеристике, регистрам и эмоциональной окраске является весьма схематической и не отражает всей сложности и многообразия отношений, существующих между словами в плане их прагматических значений. Выделенные здесь аспекты классификации слов по их прагматическим значениям не являются строго взаимоисключающими — между стилистической характеристикой, регистром и эмоциональной окраской существует настолько тесная связь, что в ряде случаев возникают затруднения, к какому из этих типов прагматических значений следует отнести ту или иную характеристику слова или словосочетания. Так, слова, принадлежащие к обиходно-разговорному типу речи, одновременно оказываются отнесенными к фамильярному или непринужденному регистру; книжная лексика — к формальному регистру; поэтическая — к возвышенному. Таким же образом существует тесная взаимозависимость между стилистической характеристикой или регистром лексики и ее эмоциональной окрашенностью: слова с отрицательной эмоциональной окраской в подавляющем большинстве относятся к

фамильярному регистру, а с положительной – к возвышенному регистру и к поэтической лексике и т.д.

С другой стороны, следует иметь в виду, что нередко имеют место случаи, когда одно и то же слово может обладать различной стилистической или регистровой характеристикой и эмоциональной окраской. Например, слово *конь* употребляется, с одной стороны, как поэтизм, а с другой — как термин в кавалерии и конном спорте; *гласить* относится как к возвышенному регистру, так и (в выражениях типа *параграф третий гласит...*) к формальному; слова с «уничижительными» суффиксами, имеющие отрицательную эмоциональную окрашенность, в определенных контекстах могут принимать и прямо противоположный –

¹ И.В. Арнольд. Лексикология современного английского языка. М. — Л., «Просвещение», 1966, с. 271.

112

"ласкательный», то есть эмоционально-положительный характер и т.п. Все это говорит о том, насколько сложны действительные отношения между разными видами прагматических значений и различными разрядами лексики, выделяемыми в словарном составе языка на основе этих значений.

Наряду с указанными выше тремя основными видами прагматических значений, выражаемых в языковых знаках (стилистическая характеристика, регистр и эмоциональная окрашенность), существует и четвертый вид значений, который, по нашему мнению, должен быть отнесен к числу прагматических. Речь идет о так называемой «коммуникативной нагрузке» языковых элементов в строе предложения, обусловленной различной степенью осведомленности говорящего и, особенно, слушающего в отношении сообщаемой в предложении информации. Известно, что в строе предложения, употребляемого в речи, выделяются обычно элементы, содержащие в себе информацию, уже известную слушающему (читающему) и принимаемую говорящим (пишущим) как данное, как исходное при построении сообщения и, с другой стороны, элементы, несущие информацию новую, еще неизвестную слушающему, то есть впервые сообщаемую и, тем самым, семантически наиболее существенную для данного высказывания. Так, в предложении *Иванов пришел* при обычной интонации слово *Иванов* является «данным», так как говорящий предполагает, что слушающему известно, о ком идет речь: «новым» же в этом предложении является *пришел*. При обратном же порядке слов (опять-таки при обычной, несэмфатической интонации) «коммуникативная нагрузка» элементов предложения меняется на прямо противоположную: в предложении *Пришел Иванов* «данным» является уже *пришел*, а «новым» — подлежащее *Иванов*, поскольку предполагается, что слушающему известно, что кто-то пришел, но неизвестно, кто именно (это предложение можно рассматривать как ответ на явный или подразумеваемый вопрос: Кто пришел?). Поскольку сама описываемая ситуация в обоих случаях остается одной и той же, указанные значения «данного» и «нового» никак нельзя считать референциальными. С нашей точки зрения, они должны быть причислены к значениям прагматическим, поскольку они определяются исключительно отношением самих участников коммуникативного акта к описываемой в предложении ситуации.

Литература по вопросу о «коммуникативном членении»

113

предложения весьма обширна и нам нет необходимости подробно останавливаться здесь на этой проблеме. Поскольку «коммуникативная нагрузка» элементов предложения и, следовательно, его «коммуникативное членение»¹ каждый раз определяются факторами контекста и речевой ситуации, то есть составляют необходимый компонент любого речевого акта, необходимо учитывать их при переводе. Правильная передача «коммуникативного членения» предложения является необходимым условием эквивалентности перевода, вне зависимости от его вида (письменный или устный) и от жанрового характера переводимого материала. Однако этот тип прагматического значения принципиально отличается от всех остальных, выделенных нами выше, — он по самой

своей сущности синтаксичен, то есть характеризует собой не отдельные знаки языка, а целые высказывания, определяя собой характер отношений между компонентами данных высказываний. Конечно, как было отмечено выше, такие типы прагматических значений, как стилистическая характеристика, регистр и эмоциональная окраска, также не ограничиваются исключительно лексическими способами выражения. Они могут выражаться и грамматическими средствами; так, в английском языке такие синтаксические конструкции, как эллиптические предложения (типа *Want to go with us?*), конструкция «апокойну» (напр. *There's a man wants to see you*), бессоюзные придаточные предложения условия (типа *I see him, I'll talk to him*) и пр. являются столь же четкими показателями фамильярного и непринужденного регистров, как и определенные разряды лексики. Нередко прагматически маркированными по стилю, регистру и эмоциональной окраске бывают не отдельные лексические единицы или грамматические средства, а целые высказывания, как например, следующие английские предложения, одинаковые по референциальному значению, но принадлежащие к различным регистрам речи:

Please, come in. (формальное);

Come in. (нейтральное);

Come in, will you? (непринужденное);

Get the hell in here! (фамильярное, с отрицательной эмоциональной окрашенностью).

¹ Другие термины для того же понятия — «актуальное членение», «логико-грамматическое членение», «функциональная перспектива предложения».

114

Однако, как было отмечено, основная тяжесть выражения стилистической характеристики, регистра и эмоциональной окрашенности текста все же падает на лексику. Что же касается «коммуникативной нагрузки» членов предложения, то она почти исключительно выражается грамматически, при помощи определенных синтаксических, реже — морфологических средств. Поэтому вопрос о передаче при переводе «коммуникативного членения» предложения будет нами рассмотрен ниже, в главе 5, в разделе, посвященном описанию синтаксической перестройки предложения при переводе.

§ 29. Переходя к рассмотрению роли прагматических значений в процессе перевода, следует отметить, прежде всего, что случаи расхождения этих значений при сопоставлении лексических единиц разных языков являются еще более обычными, чем расхождение значений референциальных. Вполне обычной является ситуация, при которой лексические единицы двух разных языков, полностью совпадая по своему референциальному значению, расходятся в отношении прагматических значений, то есть по стилистической характеристике, регистру или эмоциональной окраске. Некоторые примеры таких расхождений уже были даны выше (на примере отношений между русск. *палец* — англ. *digit*, русск. *кисть* — англ. *hand* и др., см. § 21). Число подобного рода примеров легко увеличить. Так, в словаре английского языка нет никаких соответствий в плане стилистической характеристики для таких русских поэтизмов, как *очи*, *уста*, *злато*, *град* и пр.¹, хотя слова, имеющие то же самое референциальное значение в английском языке, конечно, имеются (ср. *eyes*, *mouth*, *gold*, *city*). В словаре английского языка существуют обиходно-разговорные синонимы для *сінета* — непринужденное *movies* и фамильярное *flicks*; в русском же языке нейтральное *кино* не имеет каких-либо обиходно-разговорных синонимов, но зато существует слово формального регистра *кинотеатр*, которому, в свою очередь, нет соответствующего по прагматическому значению эквивалента в английском языке. Нет в русском языке и соответствий в прагматическом плане для английских обиходно-разговорных названий денежных единиц: *buck доллар*, *bob шиллинг*, *quid фунт* и др.

¹ Правда, эти слова скорее относятся к лексикону русской поэзии XIX века, нежели современной.

115

Как и у референциальных значений, разница в прагматических значениях словарных единиц двух языков особенно ярко выступает при сопоставлении не двух изолированных слов, а целых групп слов или «синонимических рядов». Возьмем для примера следующий синонимический ряд: *враг* — *противник* — *неприятель* — *недруг*. Все эти слова, за исключением *недруг*, имеют два референциальных значения: 1) 'человек, враждебно относящийся к кому- или чему-нибудь'; 2) 'войска противоположной стороны'; слово *недруг* имеет только первое значение, а у слова *противник* есть еще значение 'участник спортивного состязания с кем-нибудь'. Что касается прагматических значений, то у всех этих слов они различны: *враг* слово нейтральное по стилистической характеристике, регистру и эмоциональной окраске (такие «нейтральные во всех отношениях» и поэтому наиболее употребительные члены синонимической группы называются иногда «доминантами»); *противник* — также нейтральное слово, но кроме того, в значении 'войска противоположной стороны', является специальным военным термином (в языке военных уставов, приказов и пр. может употребляться только *противник*, но не *враг* или *неприятель*); *неприятель* употребляется преимущественно в книжно-письменной речи, а *недруг* — как поэтизм и слово возвышенного регистра.

Вышеперечисленной группе слов соответствует в английском языке синонимический ряд *enemy*, *adversary*, *opponent*, *foe*. По своим референциальным значениям они близки к приведенным выше русским словам: все они, кроме *opponent*, имеют значения: 1) 'человек, враждебно относящийся к кому- или чему-нибудь' и 2) 'войска противоположной стороны'; *opponent*, кроме первого значения, имеет также значение 'участник спортивного состязания', а *adversary* имеет все три значения. В отношении же прагматических значений эти слова расходятся, причем их расхождение не всегда соответствует тем отношениям, которые наблюдаются внутри приведенной выше русской синонимической группы: так, *enemy* является не только нейтральной «доминантой» своего синонимического ряда, но и военным термином, то есть, как и русское *противник*, употребляется в языке официальных военных документов; *adversary* — слово книжное, как и *opponent* (в устной речи они могут употребляться лишь в официальном регистре, для которого вообще характерно широкое применение книжно-письменной лексики); наконец, *foe* является поэтизмом и принале-

116

жит к возвышенному регистру, но может также употребляться в газетных заголовках (где оно предпочтительнее *enemy* ввиду своей краткости), а выражение *friend or foe* принадлежит к нейтральному стилю. Итак, сравним оба вышеприведенных синонимических ряда — русский и английский, применяя следующие условные обозначения: 1, 2, 3 значения — 'человек, враждебно относящийся к чему-л.', 'войска противоположной стороны' и 'участник спортивного состязания' соответственно; 'нейтр.' - нейтральное; 'кн.' - книжное; 'терм.' - терминологическое; 'поэт.' - поэтическое; Р. — референциальные значения; П. — прагматические значения.

	Р.	П.		Р.	П.	
враг	1	нейтр.	<i>enemy</i>	1	нейтр.	
	2			2		терм.
противник	1	нейтр.	<i>adversary</i>	1	кн.	
	2			2		терм.
	3			3		кн.
неприятель	1	кн.	<i>opponent</i>	1	кн.	
	2			3		
недруг	1	поэт.	<i>foe</i>	1	поэт.	
				2		

Нетрудно заметить, что, хотя и русский, и английский синонимические ряды насчитывают четыре члена,¹ конкретные сочетания референциальных и прагматических

значений у русских и у английских слов во всех случаях различны. Поэтому, хотя в принципе любое из приведенных русских слов может быть переведено любым из английских и наоборот, для правильного выбора соответствия в каждом конкретном случае необходим учет не только референциальных, но и прагматических значений слов, определяющих их употребление.

Это расхождение прагматических значений слов ИЯ и ПЯ в процессе перевода нередко ведет к тому, что те или иные из этих значений оказываются при переводе утраченными (вспомним сказанное в первой главе о неизбежности потерь при переводе). Обычно это выражается в замене стилистически или эмоционально «маркированных» слов ИЯ нейтральными словами ПЯ. Вот один из такого рода примеров:

¹ Для простоты описания мы не включили в эти ряды такие редко употребляемые в современном языке слова как русское *супостат*, английское *antagonist* и др.

117

— А Мишка твой **езуит**, а Яшка — **фармазон!** (М. Горький, *Детство*, гл. II)
But that Mikhail of yours is a **hypocrite**, and that Yakov an **infidel!**

В данном случае английские слова *hypocrite* и *infidel* полностью передают референциальные значения русских *езуит* и *фармазон*, но лишены той регистровой и эмоциональной характеристики (фамильярный регистр, отрицательная эмоциональная окраска), которая свойственна этим русским словам, являющимся, к тому же, для современного языка устарелыми (что небезразлично для речевой характеристики произносящего их персонажа — деда Горького).

Но если потери, вызываемые заменой прагматически маркированной лексики на нейтральную, являются до определенной степени неизбежными (их можно свести до минимума применением так называемой компенсации, о чем речь пойдет ниже), то совершенно недопустимо обратное — замена нейтральной лексики на прагматически маркированную, то есть не нейтральную по своим стилистическим, регистровым и эмоциональным характеристикам. Так, английское *endless* имеет то же самое референциальное значение, что в русском *бесконечный*, что создает «соблазн» использовать в переводе для передачи английского слова. Однако по своей эмоциональной окрашенности они расходятся: русское *бесконечный*, если оно не является математическим или физическим термином (как в выражениях типа *материя бесконечна*), обычно несет на себе отрицательную эмоциональную окраску; ср. хотя бы следующий пример: «На этих бесконечных собраниях они, прибегая к самым грубым методам..., пытались заручиться поддержкой делегатов, чтобы прикрыть свою обструкционистскую линию...» («Правда», 9.1.1973). Английское же *endless* эмоционально нейтрально; поэтому, если в словосочетании *the endless resolutions received by the National Peace Committee*¹ слово *endless* перевести как *бесконечные*, то это грубо исказит действительные политические симпатии автора статьи, приписав ему отрицательное отношение к движению сторонников мира. Очевидно, в данном случае необходимо употребить русское прилагательное *многочисленные* или даже *бесчисленные*—

¹ Пример взят из работы Т.Р. Левицкой и Л.М. Фитерман «Теория и практика перевода с английского языка на русский», М., Изд-во лит. на иностр. яз., 1963, с. 92—93.

118

Вот пример подобного рода ошибки, допущенной переводчицей повести Горького «Детство» М. Уэтлин:

...— Берите гусяного сала, чистейшего, столовую ложку, чайную **сулемы**, три капли веских ртути, (гл. V)

"...take a tablespoon of goose fat — the very purest — a teaspoon of **bichloride of mercury**, and three drops of mercury..."

Референциальное значение английского *bichloride of mercury* то же, что и русского *сулема*; однако последнее по стилистической характеристике является нейтральным, в то время как *bichloride of mercury* — специальный научный термин, совершенно неуместный в устах необразованной женщины — бабушки Горького. Здесь следовало бы употребить менее специальное *sublimate*; да и *mercury* — слово тоже достаточно книжное — можно было бы заменить на *quicksilver*.

Использование в переводе прагматически «маркированной» лексики вместо нейтральной допустимо лишь как прием так называемой компенсации, который играет немаловажную роль в передаче прагматических значений при переводе. Дело в том, что эти значения качественно отличаются от значений референциальных еще в одном отношении: эти последние принадлежат именно данной лексической единице, в то время как значения прагматические, хотя они и выражаются в тех или иных лексических единицах, характеризуют, по сути дела, не столько эти сами единицы, сколько весь текст, в котором данные единицы употребляются. Такие значения, как «стилистическая характеристика», «регистр» и «эмоциональная окраска», свойственны не тем или иным изолированным словам и выражениям в составе текста, но всему данному тексту, всему речевому произведению в целом. Поэтому в структуре текста на ПЯ они могут быть выражены иными средствами и в других местах текста, нежели в тексте на ИЯ. Ср. также сказанное в § 4, 3 первой главы. В этом и заключается сущность приема компенсации, о котором идет речь.

Чтобы пояснить это положение, рассмотрим следующий пример:

It cost him **damn** near four thousand **bucks**. He's got a lot of **dough**, now. (J. Salinger, *The Catcher in the Rye*, I)

Выложил за нее чуть ли не четыре тысячи. Денег у него теперь **куча**.

119

И английский текст, и его русский перевод стилистически маркированы как обиходно-разговорные, принадлежащие к фамильярному регистру. Однако конкретные показатели этого в тексте на ИЯ и тексте на ПЯ не совпадают — стилистическая и регистровая характеристика английского текста выражена в словах *damn*, *bucks*, *dough*, в то время как в тексте перевода она содержится не в эквивалентах этих английских слов (по референциальным значениям), а совсем в других словах — *выложил*, *куча*. Существенно, стало быть, не то, что переводчик выражает прагматические значения, присущие тем или иным изолированным элементам исходного текста (этого часто и нельзя добиться), а то, что им сохранена общая стилистическая, регистровая и эмоциональная характеристика всего данного текста в целом. Это еще раз подтверждает положение, высказанное в главе 1, согласно которому переводчик имеет дело не с отдельными языковыми единицами, а с конкретными речевыми произведениями и стремится не к эквивалентности тех или иных лексических (или грамматических) единиц, взятых в отрыве от контекста всего произведения, а к эквивалентности всего текста на ПЯ всему тексту на ИЯ, как единому целому.

Подробнее о приеме компенсации при переводе см. ниже, в главе 5.

Другим способом передачи прагматических значений в тех случаях, когда исходная лексика не имеет прямых прагматических соответствий в ПЯ, является (как и при передаче значений референциальных) применение описательного перевода. Он основан на том, что и любом языке существуют слова, обозначающие по своему лексическому значению эмоциональное отношение говорящего к тем или иным предметам или явлениям — положительное или отрицательное. Про такие слова можно сказать, что они имеют только прагматическое (эмоционально-оценочное) значение и не имеют значения референциального. Сюда относятся такие слова английского языка, как *darling*, *dear* и др., имеющие значение положительной эмоциональной оценки и, с другой стороны, *damned*, *bloody* и др., выражающие отрицательное эмоциональное отношение к

тому или иному предмету или лицу. Ср., например, следующее предложение из той же повести Дж. Сэлинджера: "...you could hear his **goddam** footsteps coming right towards the room" (Ch. 6), где определение **goddam** не передает, конечно, никаких качеств или признаков, реально свойственных самому обозначаемому

120

словом **footsteps** денотату, а лишь выражает отрицательное отношение говорящего к лицу, которому принадлежат эти **footsteps** (в русском переводе мы читаем: «...*Было слышно, как он, мерзавец, подходит к нашей комнате*»; и видим, что та же самая эмоциональная окраска содержится в другом слове — существительном *мерзавец*). Наличие в английском языке подобных слов дает возможность выразить описательно эмоциональные значения, придаваемые словам русского языка так называемыми «ласкательными» и «уничижительными» суффиксами (в русской грамматической традиции они называются «суффиксами субъективной оценки»). Ср. следующий пример:

Любовь Андреевна: ...**Шкафик** мой родной... **Столик** мой. (А. Чехов, *Вишневый сад*, I)

My **darling** old cupboard! My **dear little** table! (*Plays*, by A. Chekhov, N.Y., 1935)

Разумеется, этим приемом, как и другими, следует пользоваться осмотрительно; так, вряд ли можно признать удачной передачу в том же переводе чеховской пьесы русского *мужичок* как *little peasant*. Правда, такое употребление *little* для передачи эмоциональной окраски русских слов, содержащих «ласкательные» суффиксы, стало уже традицией; однако передача русских слов *батюшка* и *матушка*, характерных для разговорной речи XVIII — XIX вв., как *little father* и *little mother* для англичан, не знающих русского языка, звучит комично.

Описательным переводом можно пользоваться и для передачи других прагматических значений. Так, регистровую характеристику русского глагола *дряхнуть* на английский язык можно передать при помощи выражения *to sleep like a log*, где добавление к нейтральному глаголу *sleep* оборота *like a log* переводит все словосочетание в фамильярный регистр.

§ 30. С рассматриваемой проблемой передачи прагматических значений тесно связан вопрос о передаче при переводе **метафорических** значений слов. Как известно, эти значения часто возникают в результате метафорического переноса названия с одного предмета на другой, основанного на эмоционально-оценочной характеристике данного слова. Исходным пунктом такого переноса нередко служат эмоционально окрашенные **сравнительные обороты**, такие, как русские *хитер как лиса*, *глуп как осел*, *труслив как*

121

заяц и пр. Такого рода обороты возникают на основе свойственного всем народам приписывания животным (и неодушевленным предметам) человеческих черт и качеств, которые затем как бы «обратно» переносятся на человека.

Следует, однако, иметь в виду, что не у всех народов одним и тем же животным приписываются одинаковые качества; в этой связи «внутренняя форма» такого рода сравнений в разных языках может быть различной. Так, приведенным выше русским сравнениям в английском языке соответствуют аналогичные по «внутренней форме» выражения *sly as a fox*, *stupid as an ass*, *timid as a hare (rabbit)*. Но русское выражение *упрям как осел* переводится как *obstinate as a mule*, поскольку для англичанина «символом» упрямства является не осел, а мул (животное, в России малоизвестное). Ср. также: *глуп как пробка* — *stupid as an ass*, *пьян как сапожник* — *drunk as a fiddler (as a lord)*, *спать как убитый* - *to sleep like a rock (a log)*, *слепой как крот* — *blind as a bat (as a beetle)* и т.д. В ряде случаев для названий некоторых качеств в одном из сопоставляемых языков вообще нет сравнительных оборотов, в то время как в другом языке такие

существуют. Так, в английском языке есть устойчивые сравнения *busy as a bee* (*beaver*), *bold as brass*, *dead as a doornail*; в русском же языке соответствующие прилагательные *занятой*, *наглый*, *мертвый* в сравнительных оборотах не употребляются.

В этих случаях могут возникнуть затруднения при переводе, особенно тогда, когда признак, по которому проводится сравнение, в современном языке уже не ощущается (то есть мотивированность сравнения потеряна). Напомним в этой связи известное место в «Рождественской песне» Ч. Диккенса:

Old Marley was as dead as a doornail. Mind! I don't mean to say that I know, of my own knowledge, what there is particularly dead about a doornail. I might have been inclined, myself, to regard a coffin-nail as the deadest piece of ironmongery in the trade.

В русском переводе (Т. Озерской) мы читаем: *Старик Марли был мертв, как гвоздь в притолоке*. Но такой поговорки в русском языке нет, и у читателя остается чувство непонимания. В данном случае такая потеря неизбежна.

Следующим этапом метафоризации значения слова является употребление второго компонента сравнительного оборота (существительного) вне этого оборота для обозначения

122

самого лица или предмета, в котором усматривается сходство с данным компонентом. Так, хитрого человека можно назвать *лисой*, глупого — *ослом*, а трусливого — *зайцем*. В этом случае на основе эмоционально-оценочного значения слова происходит сдвиг в его референциальном значении — название переносится на другой предмет и у слова возникает метафорическое значение.

Опять-таки не во всех языках такие метафорические значения слов совпадают. Так, английское *rat* означает 'труса', русское же *крыса* метафорически не употребляется. Русское *жук* означает нечестного человека, жулика; *гусь* — ненадежного, плутоватого человека; *паук* — кровопийцу-эксплуататора. В английском же языке соответствующие существительные *beetle*, *goose*, *spider* метафорических значений вообще не имеют (русское выражение *Хорош гусь!* переводится на английский как *There's a good one!*). В других языках те же самые существительные могут иметь иные метафорические значения; так, для узбеков *паук* — символ хитрости (в узбекском фольклоре паук выступает в роли хитреца). В русском языке *свинья* обозначает нечистоплотного, неопрятного человека (или же употребляется как бранное слово с общей отрицательной эмоциональной окрашенностью), в китайском же языке соответствующее слово обозначает порочного, похотливого человека¹ и т. д. Все эти моменты должны обязательно учитываться при переводе.

§ 31. К прагматическому значению слова примыкает также то, что принято называть его коннотацией. Под коннотацией имеются в виду те дополнительные ассоциации, которые слово вызывает в сознании носителей данного языка. Коннотацию, видимо, не следует считать в собственном смысле компонентом семантической структуры слова (то есть частью его значения); тем не менее ее роль в эмоционально окрашенной речи, особенно в таком жанре, как лирическая поэзия, иногда весьма велика.

Слова с одним и тем же референциальным значением нередко имеют неодинаковую коннотацию в разных языках, то есть вызывают у членов разных языковых коллективе различные ассоциации (или не вызывают никаких ассоциаций). Так, слово *черемуха* вызывает у русского человека воспоминание о весне, природе и пр., в то время как английское *bird cherry*, имеющее то же самое референциальное зна-

¹См. С. Д. Кацнельсон. Указ, соч., с. 73.

123

чение, для англичанина или американца остается только названием малоизвестного растения и не вызывает никаких эмоций (черемуха, как известно, часто упоминается в

русской поэзии, но не играет никакой роли в поэзии англоязычной). Напротив, для русского *остролист* и *омела* – всего лишь экзотические ботанические термины; для англичанина же их эквиваленты *holly* и *mistletoe* — символы рождества поскольку в этот день принято украшать комнаты ветвями этих растений (подобно тому, как для нас *елка* – символ новогоднего, а некогда — рождественского праздника). Поэтому для русского читателя остается непонятной аллюзия, содержащаяся в той же «Рождественской песне» Диккенса:

"If I could work my will," said Scrooge indignantly, "every idiot who goes about with 'Merry Christmas' on his lips should be boiled with his own pudding, and buried with a stake of holly through his heart!"

В русском переводе к словам *я бы такого олуха... сварил бы живьем вместе с начинкой для святочного пудинга, а в могилу ему вогнал кол из остролиста* пришлось дать сноску и разъяснить в комментарии, что *остролист* стал в Англии символом рождества. Обратим также внимание, что к слову *пудинг* пришлось добавить определение *святочный*, так как не всякому русскому читателю известно, что в Англии на рождество принято готовить пудинг.

Не всегда коннотация носит эмоционально-образный характер. Часто она выражается в «причислении» одного и того же понятия к разным классам явлений в силу неодинаковой функции, которую данные понятия выполняют в жизни и быту разных народов. Так, для русского *отруби* – корм для скота, для англичанина же *bran* – блюдо, которое принято подавать на завтрак. Русское *драчена* – блюдо народной кухни и ассоциируется с крестьянским бытом, в то время как идентичное ему английское *custard* – широко распространенный вид десерта, столь же обычный, как и наш *комлот*, или *кисель* (для этого последнего в английской кухне и, соответственно, в английском языке вообще нет эквивалента). Для нас *сметана* — повседневный продукт питания и почти обязательная добавка ко многим видам супов, для англичанина же *sour cream* — это *скисшие сливки*, то есть, по сути дела, испорченный продукт и т. п.

Рассмотрение проблемы коннотации вплотную подводит нас к вопросу о прагматическом аспекте перевода в широком смысле слова, к которому мы и переходим.

124

3. Прагматический аспект перевода

§ 32. Выше (см. § 27) было отмечено, что понятие прагматики не сводится исключительно к понятию прагматического значения языковых единиц — оно гораздо шире и включает в себя все вопросы, связанные с различной степенью понимания участниками коммуникативного процесса тех или иных знаков или сообщений и с различной их трактовкой в зависимости от лингвистического и экстралингвистического опыта участников коммуникации. В §§ 7-8 указывалось, что экстралингвистический опыт (то, что иногда называется «фоновыми знаниями»—*background knowledge*) участников коммуникативного акта в значительной мере определяет собой понимание ими языковых и речевых единиц, чему были даны конкретные примеры. В настоящем разделе мы рассмотрим вопрос о том, как эти факторы влияют на процесс перевода и на выбор переводческого соответствия тем или иным единицам ИЯ.

Как было сказано в отмеченном разделе главы 1, вполне обычной является ситуация, при которой экстралингвистическая информация, имеющаяся в распоряжении носителей ИЯ и ПЯ, не совпадает — то есть «фоновые знания» людей, говорящих на ИЯ и на ПЯ, оказываются различными. В результате этого многое, понятное и очевидное для носителей ИЯ, оказывается малопонятным или вообще непонятным для носителей ПЯ (и наоборот). Переводчик, естественно, не может не учитывать этого в своей деятельности — даже самый «точный» перевод не достигает цели, если он остается непонятным для тех,

кому он предназначен. Поэтому учет прагматического фактора является необходимым условием достижения полной переводческой адекватности.

При этом необходимо иметь в виду и то обстоятельство, что не все виды переводимых материалов в одинаковой степени требуют учета прагматического фактора. Так, известный теоретик перевода А. Нойберт¹ делит все виды переводимых материалов на четыре группы в зависимости от того, какую роль играют в них прагматические моменты: 1) научная литература, которая в одинаковой степени ориентирована на носителей как ИЯ, так и ПЯ, — степень понимания её одинакова, в целом, у людей, говорящих на разных языках, так как она рассчитана на специалистов, сведущих

¹ См. А. Neubert. *Pragmatische Aspekte der Übersetzung*. Beihefte zur Zeitschrift, "Fremdsprachen", II, Leipzig, 1968, SS. 30-31.

125

в данной области знаний; 2) материалы местной прессы и некоторые другие тексты, рассчитанные на «внутреннего потребителя»; хотя их содержание не всегда легко доступно для понимания иноязычного читателя, практически они переводятся на другие языки крайне редко и проблемы учёта при их переводе прагматического фактора, как правило не возникает; 3) художественная литература, предназначенная, в первую очередь, людям, которым данный язык является родным, однако она часто переводится на иностранные языки и поэтому представляет собой для переводчика особые трудности в прагматическом плане; 4) материалы внешнеполитической пропаганды и реклама товаров, идущих на экспорт, — при их переводе учет прагматического фактора играет решающую роль.

§ 33. В целом, отвлекаясь от конкретных видов переводимого материала, следует отметить, что наиболее важен учет прагматического аспекта при передаче тех разрядов лексики, которые чаще всего относятся к числу безэквивалентных (см. § 24), а именно, имен собственных, географических наименований и названий разного рода культурно-бытовых реалий. Так, переводя на русский язык географические названия типа американских Massachusetts, Oklahoma, Virginia, канадских Alberta, Manitoba или английских Middlesex, Surrey и пр., следует, как правило, добавлять *штат Массачусетс, Оклахома, Вирджиния (или Виргиния), провинция Альберта, Манитоба, графство Миддлсекс, Саррей* и пр.,¹ поскольку русскому читателю в большинстве случаев неизвестно, что именно обозначают эти наименования. Таким образом, информация, содержащаяся в исходном тексте имплицитно (то есть известная носителю ИЯ как часть его «фоновых знаний»), в тексте перевода будет выражена эксплицитно. Ср.:

"Where you girls from?" I asked her again... "Seattle, **Washington**..." (J. Salinger, *The Catcher in the Rye*, 10)

— Откуда вы приехали? — Из Сиэтла, **штат Вашингтон**.

Ср. также при переводе с русского на английский:

Более доходной статьёй, чем ветошничество, было воровство дров и теса в лесных складах по берегу **Оки** или на Песках. (М. Горький, *Детство*, гл. XIII)

¹ См. А.Д. Швейцер. Перевод и лингвистика, с. 245

126

But I found that the profits from junk dealing were less than from stealing boards from the lumberyards on the bank of the **Oka River** or on the Sands.

Любому русскому читателю хорошо известно, что *Ока* — это название реки; однако эта информация не предполагается обязательно известной для англоязычного читателя, поэтому в тексте перевода добавлено слово *river*.

Вообще добавления, несущие в себе такого рода информацию, которая предполагается известной носителям ИЯ, но не ПЯ, являются обычным приемом перевода, цель которого — добиться максимально полного понимания переведенного текста носителями ПЯ. Интересный и показательный пример такого рода добавления дает В.Н. Комиссаров в своей работе «Слово о переводе» (с. 150):

It was Friday and soon they'd go out and get drunk. (J. Brain, *Room at the Top*)
Была пятница, день получки, вскоре эти люди выйдут на улицу и напьются,
(пер. Т. Кудрявцевой и Т. Озерской)

Слова, добавленные в переводе, оказалось необходимым ввести туда потому, что русскому читателю, как правило, неизвестно то, что знает каждый англичанин: зарплата в Англии выдается еженедельно, по пятницам (накануне «уикенда»).

Приведем еще два примера таких добавлений, необходимость которых обусловлена прагматическими факторами:

...for dessert you got Brown Betty, which nobody ate... (J. Salinger, *The Catcher in the Rye*, Ch. 5)

...на сладкое — «рыжую Бетти», **пудинг с патокой**, только его никто не ел...

Г а е в : Я человек восьмидесятых годов (А. Чехов, *Вишневый сад*)
I'm a **good Liberal**, a man of the eighties.

В первом примере добавление раскрывает смысл непонятого для русского читателя названия *рыжая Бетти*. Во втором оно необходимо для характеристики Гаева — человека эпохи, когда процветал прекраснородушный либерализм, мирно уживавшийся с жесточайшей политической реакцией (коннотация, хорошо известная русскому зрителю — современнику Чехова).

127

В других случаях, напротив, учет прагматического фактора выражается в опущении тех или иных слов в переводе. Ср. следующий пример:

...There were pills and medicine all over the place and everything smelled like Vicks' Nose Drops. (J. Salinger, *The Catcher in the Rye*, Ch. 2)

...Везде стояли какие-то пузырьки, пилюли, все пахло каплями от насморка.

Здесь в переводе опущено Vicks — фирменное название капель, ничего не говорящее русскому читателю. Хотя это и ведет к незначительной потере информации, для данного контекста эта информация несущественна и ею вполне можно пренебречь.

Пожалуй, еще чаще, чем добавления и опущения, в практике перевода применяются з а м е н ы как средство сообщения читателю, владеющему ПЯ, той или иной информации, непосредственно не выраженной в подлиннике, но, тем не менее, понятной читателю — носителю ПЯ. Возьмем для примера следующий отрывок из книги американского историка и журналиста У. Ширера "The Rise and Fall of the Third Reich":

...The jubilant Prime Minister faced a large crowd that pressed into Downing Street. After listening to shouts of 'Good old Neville'..., Chamberlain spoke a few words from a second-storey window in **Number 10**. (Ch. 12)

Любому англичанину хорошо известно, что именно помещается в доме № 10 по улице Даунинг-стрит в Лондоне. Русский читатель, однако, этого может не знать; поэтому в русском переводе следует сказать: *Чемберлен произнес несколько слов из окна на втором этаже своей резиденции'*

Аналогичную замену произвели переводчики АПН, переводя на английский язык предложение *Он ушёл в армию 22 июня 1941 года* как *On the day when Germany attacked Russia, he joined the army.*¹ Дата, памятная для каждого советского человека, может ничего не сказать, англоязычному читателю и требует раскрытия в переводе, поскольку в

¹ Пример взят из канд. дисс. Л.Л. Черняховской «Перестройка речевой структуры для передачи компонентов смыслового членения высказывания при переводе с русского языка на английский». (М., 1971), где широко использованы материалы переводов, выполненных в АПН.

128

данном случае важно подчеркнуть, что человек, о котором идет речь, ушел в армию в первый же день войны.

Часто такого рода замена носит характер генерализации, то есть замены слова с конкретным значением словом с более общим, но зато более понятным для носителя ИЯ значением. Ср. нижеследующий пример:

Сядем на вокзале обедать и она требует самое дорогое и на чай лакеям дает **по рублю**. (А. Чехов, *Вишневый сад*, I)

We sit down to dinner at a station and she orders, insists on the most expensive things and gives the waiters **double tips**. (tr. by S. Young)

Английскому или американскому зрителю или читателю может быть неизвестна, какова реальная стоимость русского рубля, поэтому в переводе вместо указания конкретной суммы (что в данном случае не играет роли) отмечается непомерно щедрый характер чаевых, которые давала Раневская. (В другом переводе той же пьесы стоит: gives the waiters **a florin** each, что вполне приемлемо, учитывая, что речь идет о пребывании Раневских за границей.)

Вот примеры генерализации при переводе с английского языка на русский:

...a 'swept' yard that was never swept — where **johnson grass and rabbit-tobacco** grew in abundance. (H. Lee, *To Kill a Mockingbird*, I)

...«чистый» двор, который никогда не подметался и весь зарос **сорной травой**. (пер. Н. Галь и Р. Облонской)

The temperature was **an easy ninety**, he said, (ib., 18)

Жара невыносимая, сказал он.

В первом примере в подлиннике даны названия сорняков, известные жителям южных штатов, где происходит действие повести. Русскому читателю, однако, вряд ли известны такие растения, как «джонсонова трава» и «кроличий табак», поэтому переводчики прибегают здесь к генерализации, тем более, что существенным в данном контексте является не то, какими именно растениями зарос двор, а то, что он зарос сорняками, то есть что за ним никто не ухаживал. В другом контексте (напр., в тексте пособия по ботанике) такого рода генерализация была бы недопустимой и ненужной.

Во втором примере ninety значит 'девяносто градусов Фаренгейту'. Однако система Фаренгейта в нашей стране малоизвестна. Заменить ее в данном случае на систему

129

Цельсия нельзя, так как эта система неупотребительна в США, где происходит действие повести. Переводчики и здесь прибегли к приему генерализации, ибо, опять-таки в данном контексте важно не точное указание температуры, а то, что стояла сильная жара.

Генерализация часто выражается в замене имени собственного (нередко фирменного названия) именем нарицательным, дающим родовое название для данного предмета, Сравните:

I could see my mother going in **Spaulding's**... (J. Salinger, *The Catcher in the Rye*,

7)

Я представил себе, как мама пошла в **спортивный магазин**...

I lit a cigarette and got all dressed and then I packed these two **Gladstones** I have,
(ib., 7)

Я закурил, оделся, потом сложил оба свои **чемодана**.

Вы, матушка, в **Печёры**, к Асафу-схимнику сходите..., (М. Горький,
Детство, V)

You'd better go to Asaf-the-Recluse at the **abbey**, my good woman.

Наряду с генерализацией, учет прагматического фактора в переводе иногда выражается в применении прямо противоположного приема, а именно конкретизации, то есть замены слова с общим значением словом или словами с более узким, конкретным значением, раскрывающими суть данного явления. Рассмотрим следующий пример:

The British people are still profoundly divided on the issue of joining **Europe**. (*из газет*)

Русскому читателю может быть неясным, в каком смысле здесь употреблено слово Europe; жителю Великобритании, однако, знакомому с политической обстановкой в своей стране в канун 1973 г., смысл выражения joining Europe понятен без разъяснений. Учитывая это, данное предложение следует переводить на русский язык:

В английском народе до сих пор существуют глубокие разногласия по вопросу о вступлении Англии в **европейский «Общий рынок»**.

Наконец, в ряде случаев для разъяснения тех или иных явлений, реалий и пр., понятных читателю на ИЯ, но малоизвестных или неизвестных читателю на ПЯ, переводчик вынужден прибегать к помощи комментария. Так, в пьесе

130

Чехова «Вишневый сад» Епиходов спрашивает своего собеседника: «Вы читали Бокля?». В английском переводе к данному месту текста сделана сноска, в которой сказано: "Buckle's 'History of Civilization' is better known in Russia than here. To have read it is a sort of cachet of popular erudition...". Ср. также пример из Диккенса, приведенный выше, в § 31.

Как можно судить по приведенным нами примерам, учет прагматического фактора при переводе требует от переводчика хорошего знания самих предметов и ситуаций, описываемых в исходном тексте, то есть глубоких экстралингвистических знаний. Это лишний раз свидетельствует в пользу того, что осуществление перевода в принципе невозможно без участия экстралингвистических факторов.

С другой стороны, применение указанных выше переводческих приемов требует от переводчика «чувства меры», так как злоупотребление разного рода заменами в процессе перевода может привести к смысловому или стилистическому искажению подлинника. Переводчик должен разъяснить читателю непонятные или незнакомые ему явления и понятия, но он ни в коем случае не должен подменять их знакомыми, привычными читателю на ПЯ явлениями и понятиями. В противном случае перевод может вылиться в сознательное или бессознательное искажение подлинника, выражающееся в «перенесении» описываемых в нем ситуаций в привычную для носителей ПЯ обстановку – то, что в истории русского перевода XVIII-XIX вв. называлось «склонением на русский лад».

В такую ошибку часто впадал известный переводчик середины XIX в. Иринарх Введенский, который в своих переводах Диккенса и Теккерея заменял английские реалии русскими (в его переводах изобилуют такие «русизмы», как *извозчик*, *приказчик*, *бекеша*,

писарь, ямщик и пр.).¹ В данном случае мы имеем дело с прямой противоположностью тому злоупотреблению переводческой транскрипцией, о котором шла речь в § 25; однако это другая крайность, которой следует избегать в переводе, так как понятность перевода не должна достигаться ценой его вульгаризации. В такую же ошибку впадали и многочисленные переводчики «Слова о полку Игореве» на современный русский язык, которые, стремясь «приблизить» это произведение к совре-

¹ См. К. Чуковский. Высокое искусство. М., «Искусство», 1964, с. 119.

131

менному читателю, всячески «модернизировали» его, в результате чего «каждый переводчик вносил в свою версию именно те элементы, которые составляли основу актуальной в то время эстетики» и «всякий новый перевод... представлял собой новое искажение подлинника, обусловленное вкусами того социального слоя, к которому адресовался переводчик».¹

Любопытный пример такого рода «модернизации» текста, обусловленной прагматической установкой, приводят американские теоретики перевода Ю. Найдя и Ч. Табер в своей монографии «Теория и практика перевода».² Речь идет о переводе Библии на современный английский язык, в тексте которого переводчик в ряде случаев допускает отклонения от подлинника, вызванные прагматическими факторами, стремлением «приблизить» библейский текст к современному читателю. Вот два таких места в сравнении с более ранним переводом, точнее сохраняющим текст подлинника:

Старый перевод	Новый перевод
<p>...a woman... who had an evil spirit in her that had kept her sick for eighteen years. (Luke, 13:11) Then Satan went into Judas. (Luke, 22:3)</p>	<p>...a woman who for eighteen years had been ill from some psychological cause. Then a diabolical plan came into the mind of Judas.</p>

Необходимо иметь в виду, что для современных переводчиков Библия — это не собрание древних мифов, а, прежде всего, орудие идеологического влияния на верующих; поэтому они нередко идут на смысловые искажения с тем, чтобы сделать библейский текст более современным для читателя, что явствует из приводимых примеров. С точки зрения теории перевода, здесь налицо случаи предпочтения, отдаваемого прагматике по сравнению с семантикой. Понятие адекватности перевода, то есть требование эквивалентности текста на ПЯ тексту на ИЯ, предполагает, однако, равный учет как прагматических, так и семантических фак-

¹ Там же, с. 260.

² E. Nida and Ch. Taber. The Theory and Practice of Translation. Leiden, 1969, p. 134.

132

торов — вторые не должны в нормальных условиях приноситься в жертву первым. Максимум того, что может допустить в данном случае переводчик — это небольшая потеря информации, несущественной для данного контекста, примеры чего были даны выше (ср., в особенности, прием так называемой генерализации, ведущий, как правило, к незначительным смысловым «жертвам»).

4. Передача внутрилингвистических значений

§ 34. Под внутрилингвистическим значением, как оно было определено в § 14 главы 2, имеется в виду отношение данного языкового знака к другим знакам той же языковой системы. Эти отношения, существующие между единицами самого языка, многосторонни и разнообразны. К их числу относятся отношения звукового сходства между словами (рифма, аллитерация, ассонанс и пр.), отношения сходства морфемной структуры слов («словообразовательные гнезда»), отношения семантического сходства

(принадлежность слов к одному синонимическому ряду или лексико-семантическому полю) или несходства (антонимия), отношения сочетаемости слов друг с другом в строе предложения («валентность» или «коллокабельность» слов) и пр. (Опять-таки эти отношения существуют не только между словами, но и между любыми другими единицами языка — морфемами, сочетаниями слов, предложениями и пр.; однако в настоящем разделе мы для наглядности будем оперировать примерами отношений между словами, как это было сделано в разделах о передаче референциальных и прагматических значений при переводе.)

Выше (§ 15) было также отмечено, что в процессе перевода внутрилингвистические значения поддаются передаче лишь в самой минимальной степени — как правило, они при переводе вообще не сохраняются, ибо каждый язык имеет свою, сугубо специфическую систему внутрилингвистических значений входящих в него единиц. Тем не менее ^в определенных случаях в пределах того или иного контекста существенными оказываются именно внутрилингвистические значения тех или иных единиц ИЯ, поэтому возникает необходимость их передачи в переводе. Нередко (как можно убедиться из нижеприведенных примеров) передача внутрилингвистических значений языковых единиц требует «принесения в жертву» даже их референциальных значений,

133

хотя, как было отмечено, нормальной и обычной является как раз обратная ситуация.

Так, самоочевидно, что передача внутрилингвистических значений единиц ИЯ (а порой даже их фонетического или графического облика) является необходимой во всех тех случаях, когда сами единицы языка становятся предметом высказывания, то есть в исходном тексте речь идет не о тех или иных предметах явлениях и понятиях объективной действительности, обозначаемых при помощи языковых средств, а о самих этих средствах. Это имеет место, во-первых, тогда, когда тот или иной конкретный язык становится предметом научного описания; в этих случаях перевод, по сути дела, невозможен и не нужен. Так, ясно, что английское предложение *The Past Tense of some verbs is formed by changing the root vowel, i.e.; write — wrote* можно перевести на русский язык лишь при условии, что сами глагольные формы *write — wrote* останутся непереуведенными, иначе данное высказывание не имело бы смысла. Однако следует иметь в виду, что единицы языка (в частности, слова) могут стать предметом высказывания не только в научной, например, грамматической литературе, но и в текстах других жанров, в том числе в текстах литературно-художественных. В этом случае проблема передачи внутрилингвистических значений этих единиц в переводе приобретает особый практический и теоретический интерес.

Очень показательный пример в этом отношении приведен в книге Я.И. Рецкера «Теория перевода и переводческая практика».¹ Речь идет о переводе на русский язык одной из пьес Дж. Голсуорси, в которой рассказывается о подделке банковского чека. Вот этот отрывок:

James: Give me the cheque-book. What's this ninety?

Walter: But look here, father, it's nine I drew a cheque for. (J. Galsworthy, *Justice*, I)

Джеймс: Дай мне чековую книжку. Что это за восемьдесят фунтов?

Уолтер: Но послушай, отец, я выписал чек на восемь фунтов. (Дж. Голсуорси. Собр. соч., т. 14, с. 21)

¹ Я. И. Рецкер. Теория перевода и переводческая практика. М., «Международные отношения», 1974, с. 53.

134

Оказывается, что банковский служащий подделал чек, приписав к английскому слову *nine* две буквы *ty*, и присвоил себе разницу. Вся ситуация здесь построена на

отношении *nine* — *ninety*. Но русское слово *девять* невозможно переделать на *девяносто*, не сделав в нем подчистки, что было бы сразу обнаружено; поэтому переводчикам пришлось заменить *девять* на *восемь*, а *девяносто* на *восемьдесят*. Пример этот показателен тем, что ярко демонстрирует необходимость в определенных случаях жертвовать референциальным значением слова (притом такого слова, как числительное, которое, как правило, имеет в другом языке полное и постоянное соответствие) ради передачи его внутринлингвистического значения, то есть отношения к другим словам языка — в данном случае оба числительных связаны друг с другом отношением производности, то есть единством корневой морфемы. С другой стороны, этот пример опять-таки подтверждает важность учета характера переводимого текста при выборе переводческого соответствия — в художественном тексте потеря информации при замене *nine* на *восемь* и *ninety* на *восемьдесят* оказывается несущественной, так как важна не конкретная сумма денег, а сам факт подделки чека; но при переводе, например, научного или технического текста такого рода замена, конечно, недопустима, поскольку в этих текстах количественные показатели весьма важны. Приведем еще один пример — на этот раз из русского художественного текста, в котором в качестве предмета высказывания выступает сама языковая единица, то есть слово (в данном случае уже не в письменной, а в устной форме):¹

Ты откуда **пришла**? — спросил я ее.

- Сверху, из Нижнего, да не **пришла**, а **приехала**. По воде-то не ходят, шиш.
...— А отчего я шиш?

- Оттого, что шумишь, — сказала она, тоже смеясь. (М. Горький, *Детство*, I)

"Did you have to **walk** far to get here?" I asked her.

"I didn't **walk**, I **rode**. You don't walk on the water, you fig," she answered...

"Why do you call me a fig?"

"Because you're so big," was her laughing retort.

¹ Этот пример (без перевода на английский язык) приведен в упомянутой выше работе Дж. Кэтфорда "A Linguistic Theory of Translation", p. 97.

Русские глаголы движения требуют обязательного уточнения способа, которым осуществляется движение: *прийти* (пешком) — *приехать* (сухопутным или водным транспортом) — *приплыть* (водным путем) — *прилететь* (по воздуху). Мальчик ошибочно употребляет глагол *прийти*, так что бабушка вынуждена его поправить — *не пришла, а приехала*. В английском языке здесь следовало бы употребить глагол *come*, но он, в отличие от русских глаголов движения, не уточняет способа передвижения. Поэтому переводчица (М. Уэтлин) вынуждена употребить здесь глагол *walk*, но это требует изменения характера задаваемого вопроса. Конечно, референциальное значение английского вопросительного предложения *Did you have to walk far to get here?* иное, чем у русского *Ты откуда пришла?*, но это смысловое «искажение» здесь неизбежно, так как в данном контексте существенно лингвистическое противопоставление *прийти* — *приехать*.

Этот пример также иллюстрирует и другой аспект рассматриваемой проблемы, а именно, передачу рифмы. В русском подлиннике шутливый тон разговора, который бабушка ведет со своим внуком, поддерживается рифмовкой *шиш* — *шумишь*. В переводе *оттого, что шумишь* передано как *because you're so big*, что, безусловно, имеет совсем другое референциальное значение, но зато дает возможность сохранить существенную здесь рифмовку, хотя, разумеется, в ином звуковом обличий.

Вот еще один пример из той же повести Горького:

(Горький вспоминает, как на похоронах отца в могилу залезли лягушки.)

Я спросил бабушку.— А лягушки не вылезут? ;

— Нет, уж не вылезут, — ответила она. — **Бог с ними!**

Ни отец, ни мать **не произносили так часто и родственно имя божие.** (I)

"Won't the frogs get out?" I asked.

"No, they won't, **God bless them,** she answered.

Neither my mother nor father had ever spoken the name of God so frequently and with such familiarity.

Прагматическое значение русского выражения *бог ними* и английского *God bless them* различно. Однако в данном тексте речь идет о том, что бабушка часто употребляла речи и мя бога, то есть определенную языковую единицу; поэтому внутренняя форма выражения *бог с ними* здесь

136

существенна. Отсюда и выбор английского эквивалента. Любопытно, что немного ниже синонимичное *господь с ними* переведено совершенно иначе:

- Эх, брат, ничего ты еще не понимаешь! — сказал он. — Лягушек жалеть не надо, **господь с ними!** Мать пожалей...

"Ah, sonny, it's not much you understand yet!" he said. "It's not the frogs are to be pitied — **the devil with them** — it's your mother."

В данном случае эти слова произносит простой, грубоватый матрос, в устах которого совершенно необязательно сохранять упоминание «имени божьего»; отсюда и выбор иного варианта перевода.

Выше мы уже упомянули такую проблему, как передача рифмы в переводе. Не приходится разяснять, какую важную роль играет эта передача при переводе поэтических произведений, построенных на рифме. Следует иметь в виду, однако, что рифма — лишь один из возможных и реально существующих типов связи слов по звуковому сходству, используемых в речи как выразительное средство. Наряду с рифмой существуют и иные виды звукового сходства слов, среди которых особо выделяется аллитерация — тождество начальных согласных в рядом стоящих словах (в более широком смысле — тождество согласных в любом слоге рядом стоящих слов). Аллитерация особенно характерна для английского языка, и притом не только для поэзии (где она восходит еще к древнегерманскому аллитерирующему стихосложению), но и для языка других стилевых жанров, в частности для языка газеты и публицистики. Например:

Mr Callaghen said it (North Vietnam) was a country of "**bicycles, buffaloes and bent backs,**" and their efforts in reconstruction had to be seen, to be believed. ("Morning Star," 12.III.73)

На аллитерации построено большое количество фразеологических единиц английского языка, как например, *safe and sound, a pig in a poke, fit as a fiddle, dead as a doornail, bold as brass, cold comfort, with might and main* и т.д.

С другой стороны, русскому языку аллитерация, в целом, чужда. В тех случаях, когда она встречается в поэзии или прозе, ее функции — совершенно иные, чем в аналогичных жанрах в английском языке. Ср. следующие строки из «Евгения Онегина»:

137

Какое низкое коварство
Полуживого забавлять,
Ему подушки поправлять,
Печально подносить лекарство...

Здесь многократное повторение слов, начинающихся с буквы п, создает ощущение монотонности, скуки и однообразия, гармонирующее с настроением героя. Такого рода

аллитерацию мы даже не замечаем, ее эффект скорее подсознательный, тогда как в английском языке аллитерация каждый раз воспринимается как осознанный художественный прием.

Таким образом, переводчик с английского языка оказывается перед лицом сложной ситуации — с одной стороны, желательно воспроизвести в тексте перевода эффект, создаваемый в подлиннике аллитерацией, с другой, попытка перенести аллитерацию на русский текст, как правило, не приводит к цели. Наилучший выход здесь, как и во многих других случаях,— прибегнуть к приему компенсации, заменив аллитерацию рифмой или подбором слов с аналогичной ритмической структурой. Так, заглавие одного из критических очерков О. Уайльда "Pen, Pencil and Poison" было переведено на русский язык как «Кисть, перо и отравка»; аллитерация, имеющаяся в подлиннике, здесь не сохранена, но ее утрата компенсируется ритмическим построением всего словосочетания (три ударных слога, разделенные нарастающим количеством безударных).¹

Пожалуй, не менее, если не более сложную задачу перед переводчиком ставит передача так называемой игры слов. Этот прием, построенный на внешнем сходстве слов, иногда очень далеких по значению, целиком и полностью базируется на внутриязыковых отношениях, существующих между словами данного языка, но в большинстве случаев отсутствующих в системе другого языка. Переводчикам далеко не всегда удается решить эту трудную задачу — нередко им приходится довольствоваться беспомощной сноской и пояснением: «непереводимая игра слов». Однако имеются и примеры блестящего решения этой труднейшей задачи. Вот один из них:

After a dreary conversation in our living-room one night about his **entailment**... I asked Jem what **entail-**

¹ См. Я. Рецкер. Следует ли передавать аллитерацию в публицистическом переводе? «Тетради переводчика», вып. 3, М., 1966, с. 73—77.

138

ment was, and Jem described it as a condition of having your **tail** in a crack... (H. Lee, *To Kill a Mockingbird*, I, 2)

Однажды вечером они долго и скучно толковали в гостиной про **ущемление** прав... Я спросила Джима, что такое **ущемление**, он объяснил — когда тебе **прищемят** хвост...

Здесь игра слов построена на том, что мальчика вводит в заблуждение кажущееся сходство морфемного состава слов tail — en-tail-ment (ср. en-slave-ment и пр.). В русском переводе аналогичный эффект достигается сопоставлением слов *ущемление* — *прищемить*. Конечно, референциальное значение английского entailment ('порядок наследования без права отчуждения') иное, чем у русского 'ущемление прав'; однако ценой незначительной потери информации, несущественной для данного контекста, переводчицы (Н. Галь и Р. Облонская) достигают эквивалентности в передаче игры слов, что в данном случае гораздо более существенно (помимо этого, важно и то, что прагматическое значение, то есть стилистическая характеристика английского и русского слов одинакова — это специальные юридические термины, чем и обусловлено их непонимание детьми, от лица которых ведется повествование).

К игре слов близко примыкает и другой литературный прием — использование в художественном произведении так называемых «значимых фамилий», таких как *Держиморда*, *Скотинин*, *Молчалин*, *Пришибеев*, *Червяков* и пр. Такие фамилии содержат в себе как бы характеристику определенных свойств и качеств данного лица; поэтому отказ от передачи, хотя бы приблизительной, значения этих фамилий (особенно часто встречающихся в юмористических и сатирических произведениях) приводит, без сомнения, к известной потере информации, содержащейся в тексте на ИЯ. С другой стороны, замена фамилий, характерных для ИЯ, на фамилии иноязычные также

недопустима (нельзя русскую фамилию *Червяков* передать на английский язык Как Worm). Практика перевода говорит о том, что и эта трудная задача также в принципе разрешима. Так, в русском переводе известного сатирического произведения «Закон Паркинсона» встречаются следующие случаи передачи английских «значимых фамилий»¹: McNab — *Мактяп*, McNash — *Макляп*, McPhail (cp. fail) — *Макпромах*,

¹ См. Н.Галь. Указ, соч., с. 133—134.

139

McFission — *Мактрах*, Waverley — *Ваи де Хаи*, Woodworm — *Сгрызли* и пр., а название нефтяного треста The Trickle and Dried Up Oil Corporation передано как «Тек Ойл да Вытек». Такого рода передача требует от переводчика большой изобретательности, но отказ от нее, несомненно, намного обеднил бы перевод.

С другой стороны, и здесь необходимо «чувство меры»; так, вряд ли можно согласиться с известной переводчицей Н. Галь, когда она предлагает передавать на русском языке фамилию известной героини Теккерей Бекки Шарп как *Бекки Востр*.¹ И дело не только в том, что в данном случае уже существует прочная традиция, нельзя не учитывать и того факта, что в общей структуре романа Теккерей «значимые имена» играют несравненно меньшую роль, чем в упомянутом «Законе Паркинсона», где они несут несравненно большую функциональную нагрузку.²

Особо важную роль передача внутрilingвистических значений играет при переводе такого рода текстов, где формальные особенности превалируют и подчиняют себе референциальное содержание языковых единиц и всего речевого произведения в целом. Сюда относятся такие жанры, как всякого рода каламбуры, акrostихи, «перевертыши», скороговорки и пр. Так, приведенное в «Очерках бирсы» Помяловского русское предложение *Я иду с мечем судия*, примечательное тем, что его можно читать как слева направо, так и справа налево, невозможно перевести на другой язык, пытаясь сохранить референциальное значение входящих в него слов, которое здесь почти что иррелевантно; необходимо подыскать какое-либо иное по референциальному значению предложение на ПЯ, характеризующее тем же формальным свойством (напр. "Tis Ivan on a visit"). Следует отметить, что в литературе известны попытки использовать это явление как поэтическое средство; так, поэма В. Хлебникова «Степан Разин» примечательна тем, что ее строфы можно читать как слева направо, так и справа налево.

Наконец, крайним случаем здесь являются речевые про-

¹ Там же, с. 131.

² В случае невозможности передачи «значимых имен» переводчики иногда прибегают к сноскам; так, в переводе пьесы Л. Н. Островского «Бесприданница» (пер. J.L. Seymour and G.R. Noyes) фамилии *Милашин* дана сноска *Prettyman*, к фамилии *Доброворский* — *Benefactor* и т.д.

140

изведения, полностью лишены всякого референциального значения — так называемая «заумь». Использование «зауми» как в фольклоре, так и в художественной литературе (поэзии) имеет давнюю историю. Мы ограничимся одним примером «зауми», который содержится в следующем отрывке из повести Горького «Детство». (Автор вспоминает стихотворение, которое его заставляли учить в детстве):

«Стихи говорили:

Большая дорога, прямая дорога,
Простора немало взяла ты у бога.
Тебя не ровняли топор и лопата,
Мягка ты копыту и пылью богата.

...Я возненавидел эти неуловимые строки и стал, со зла, нарочно коверкать их, нелепо подбирая в ряд однозвучные слова; мне очень нравилось, когда заколдованные стихи лишались всякого смысла...

**- Дорога, двурога, творог, недорога,
Копыто, попы-то, корыто...**

Вот как это выглядит в английском переводе:

Here is the first verse I had to learn:

A winding road, an endless road,
A road past fields and man's abode,
No pick or spade the path has laid,
But countless hoofs the bed have made.

...I came to hate these illusive lines, and began to distort them for spite, thinking up a whole series of words in alliteration, which gave me the greatest pleasure the less sense they made...

**A road was sowed and blowed with toad,
No pixies, twixies, fixed the mixies...**

В английском переводе «заумные» стихи не содержат ни одного слова (кроме важного здесь *дорога* — road), семантически совпадающего, хотя бы частично, со словами подлинника. Но этого и не требуется — здесь существенными оказываются только формальные характеристики русского текста (ритм и рифма), которые и передаются в переводе.

В заключение этого раздела еще раз подчеркнем, что в процессе перевода передача внутрилингвистических значений играет, в целом, подчиненную роль. Лишь в пределах

141

определенных жанров речи, в особенности в поэзии и, реже, в художественной прозе внутрилингвистические значения приобретают большую функциональную нагрузку, и их передача при переводе становится необходимой. Однако переводчик должен всегда иметь в виду, что «жизнь сложнее любой схемы» и что в своей практике он может столкнуться с необходимостью передачи определенных формальных свойств подлинника даже при переводе текстов таких жанров, как официальные документы или научная литература. С такой необходимостью столкнулись, в частности переводчики на русский язык книги американского лингвиста Н. Хомского «Аспекты теории синтаксиса». Н. Хомский неоднократно употребляет (вразрез с существующей в английском языке орфографической традицией) написания типа Subject-of the Sentence, Main Verb-of the Predicate в пр., используя сочетания Subject-of, Main Verb-of и им подобные как своего рода сложные слова. (Это оказалось необходимым для того, чтобы подчеркнуть функциональный характер данных синтаксических категорий — субъект есть всегда субъект чего-то, какого-то предложения, его свойство «быть субъектом» всегда реализуется лишь через его отношение к той структуре, субъектом которой он является). В русском переводе мы читаем: «Субъект-при Предложении», «Главный Глагол-при Предикате» и т.п. (см. с. 67 и далее). Конечно, это есть нарушение грамматически норм русского языка, согласно которым здесь должна употребляться конструкция не с предлогом **при**, а с родительным падежом существительного - «субъект предложения», «главный глагол предиката» и пр.; но такое нарушение здесь оказалось необходимым для передачи содержания, выраженного в подлиннике определенным формальным способом.

Пример этот, весьма показателен — он еще раз подтверждает, что в теории перевода нет никаких незыблемых правил «на все случаи жизни». Даже такое, казалось бы, непреложное правило, как соблюдение грамматических норм языка, на который делается перевод, приходится иногда нарушать для полной передачи информации, содержащейся в тексте — притом, как мы видим, даже в таком жанре, как научная литература.¹

¹ Другой случай, когда необходимо идти на нарушение норм ПЯ, — это передача так называемой «контаминированной речи»; см. Я. Рецкер. Передача контаминированной речи в переводе. "Тетради переводчика», вып. 5, 1968. с. 92-113.

5. Грамматические значения в переводе

§ 35. В предыдущих разделах, говоря о передаче в процессе перевода значений референциальных, прагматических и внутрилингвистических, мы использовали в качестве примеров лексические единицы — слова и словосочетания; однако, как мы отмечали выше, было бы неправильным сводить понятие языкового знака исключительно к единицам словаря. Второй стороной языковой системы, не менее важной, чем лексикон, является грамматический строй. Элементы грамматического строя — аффиксы, формы словоизменения и синтаксические конструкции — также относятся к числу языковых знаков и также, как и лексические единицы, являются носителями референциальных, прагматических и внутрилингвистических значений.

В языкознании принято говорить о «лексических» и «грамматических» значениях. При этом иногда создается впечатление, что эти два типа значений отличаются друг от друга по самой своей природе, по своему содержанию. На самом деле, это не так; как правильно подчеркивал в свое время А. И. Смирницкий¹, значения лексические и грамматические отличаются друг от друга прежде всего способом выражения. «Очень важной характерной чертой каждого языка», — писал он, — «является именно то, какие значения отношений выражаются в нем конкретными словами как таковыми, а какие — несловарными средствами». Из этого вытекают важные для теории перевода следствия, а именно: значения, являющиеся лексическими в одном языке (то есть выражаемые в нем через словарные единицы), в другом языке могут быть грамматическими (то есть выражаться «несловарными средствами») и наоборот. (Да и в пределах одного и того же языка одинаковое значение может в ряде случаев быть выражено как лексическими, так и грамматическими средствами.) В результате отсутствие тех или иных грамматических (равно как и лексических) средств в одном из языков отнюдь не создает непреодолимых препятствий при переводе, примеры чего будут приведены ниже.

¹ См. А. И. Смирницкий. Синтаксис английского языка, с. 46

§ 36. С другой стороны, не следует и недооценивать те объективные трудности, которые возникают перед переводчиком в результате расхождений в грамматическом строе языков. Как и в области словарного состава, в отношениях между грамматическими системами двух языков мы лишь в редких случаях наблюдаем полное совпадение. В частности, несмотря на то, что между русским и английским языками существует значительное грамматическое сходство, это сходство является лишь частичным и не должно скрывать от переводчика (как и от любого изучающего иностранный язык) существенных расхождений между этими двумя языками в области их грамматического строя. Даже грамматические категории, казалось бы, идентичные в обоих языках, на самом деле по объему своих значений, функциям и охвату лексического материала никогда не совпадают полностью. Так, например, как в русском так и в английском языке существительные имеют формы двух чисел — единственного и множественного; однако даже между этими столь, казалось бы, сходными грамматическими формами полного семантического и функционального совпадения нет — существует немало случаев, когда форме единственного числа в русском соответствует форма множественного числа в английском, ср. *овес* — *oats*, *лук* — *onions*, *картофель* — *potatoes*, *окраина* (города) — *outskirts* и пр.; и наоборот, русской форме множественного числа нередко соответствует английская форма единственного числа, например, *деньги* — *money*, *чернила* — *ink*, *новости* — *news*, *сведения* — *information* и др. Отсюда необходимость замены форм числа:

This party, compelled for a time to stand virtually alone in its **struggles**... ("Daily World", 30.XII.72)

«Наша партия, которая долгое время вела **борьбу** в одиночку...»

...**Вишню** сушили, мочили, мариновали, варенье варили... (А. Чехов, *Вишневый сад*, I)

...They used to dry the **cherries** and soak 'em and pickle 'em, and make jam of 'em...

Синтаксическое употребление форм числа существительных в обоих языках также не совпадает полностью; так, в русском языке правила употребления форм числа существительных, определяемых числительными, иные, чем в английском и т. д.

Эти расхождения между грамматическими формами двух языков являются еще более глубокими в тех случаях, когда

144

той или иной форме одного из языков вообще нет прямого соответствия в другом языке. Так, в русском языке глагол характеризуется наличием двух форм — совершенного и несовершенного вида, причем подавляющее большинство глаголов имеет обе эти формы, то есть при употреблении глагола обязательно должна быть выражена завершенность или незавершенность действия. В английском же языке противопоставления форм совершенного и несовершенного вида в глагольной системе не существует (то, что в грамматиках английского языка носит название «вид» - Aspect,— лишь отчасти сходно с видовыми формами русского языка¹). Поэтому при употреблении английского глагола характер протекания действия в плане противопоставления его завершенности — незавершенности далеко не всегда получает формальное выражение. Правда, в большинстве случаев соответствующая информация может быть извлечена из широкого или узкого контекста, так что при переводе с английского на русский затруднений в выборе форм вида обычно не возникает. Так, в предложении *Every Saturday he went to the cinema* форма *went* должна передаваться формой несовершенного вида: *Каждую субботу он ходил в кино*, в то время как в предложении *When he had finished his work last night, he went to the cinema* та же самая форма *went* должна передаваться формой совершенного вида: *Вчера вечером, окончив работу, он пошел в кино*. В этих примерах информация о характере протекания действия содержится в английских предложениях не в форме самого глагола, а в определяющих глагол обстоятельствах — в первом предложении *every Saturday* обозначает повторность действия, в то время как во втором предложении придаточное обстоятельство *When he had finished his work last night* обозначает один определенный момент в прошлом; поэтому в русском переводе в первом случае может быть употреблена только форма несовершенного вида, одним из значений которой является значение повторного, многократного действия (нельзя сказать *каждую субботу он пошёл в кино*), а во втором — только совершенного вида. Такого рода случаи весьма обычны и не представляют трудностей для перевода.

Встречаются, однако, и такие контексты, которые не содержат в себе никаких указаний на характер протекания

¹ См. А. И. Смирницкий. Морфология английского языка, с. 323-325.

145

действия; в этом случае переводчик на русский язык оказывается в затруднительном положении, поскольку в данном случае может быть использована форма как одного, так и другого вида, причем это сопряжено с семантической разницей, хотя в исходном тексте нет данных для той или иной семантической интерпретации. В качестве примера такого рода приведем следующее предложение из рассказа английского писателя С. Моэма (описывается встреча двух влюбленных):

...As is the way with lovers in Seville, they talked for hours under their breath, with the iron gate between them... When he **asked** Rosalia if she loved him, she **answered** with a little amorous sigh. (S. Maugham, *Mother*)

Здесь во втором предложении не содержится никаких указаний относительно характера протекания действий, обозначенных глагольными формами *asked* и *answered*, - неизвестно, были ли эти действия однократными или многократными, повторными. Поэтому при переводе данного отрывка на русский язык мы с равным основанием можем употребить форму как совершенного, так и несовершенной вида. В первом случае получаем: *Когда он спросил Розалию, любит ли она его, она лишь томно вздохнула в ответ*; во втором случае перевод будет иным: *Когда он спрашивал Розалию, любит ли она его, она лишь томно вздыхала в ответ*. Таким образом, одному и тому же английскому предложению соответствуют два русских, причем значение обоих русских эквивалентов не вполне одинаково — в русском предложении выражается характер протекания действия (в данном случае, однократность или многократность), который остается неуточненным в исходном английском предложении.

Это не значит, что средствами английского языка нельзя выразить разницу в характере протекании действия. Английский язык располагает для этого целым рядом средств; так, неоднократность, повторность действия может быть выражена посредством союзного наречия *whenever* (ср. **whenever** he asked Rosalia...), однократность — при помощи наречия времени *once* и пр.; однако все это относится к лексическим (или лексико-грамматическим) средствам выражения значений. Между тем, разница между значениями, выражаемыми грамматически, и значениями, выражаемыми лексически, заключается, помимо прочего, в том,

146

что первые не могут не быть выраженными, то есть обязательно выражаются при наличии слов того или иного разряда — так, в форме глагола русского языка не может не быть выражено значение вида, в форме русского и английского существительного обязательно выражается значение числа и пр. Лексические же значения выражаются, так сказать, факультативно, то есть могут оставаться невыраженными, неуточненными, поскольку в строе предложения говорящий (и пишущий) всегда имеет возможность более или менее свободного выбора лексических элементов (слов). Приведенный нами пример как раз иллюстрирует ту ситуацию, при которой грамматический строй русского языка «вынуждает» нас выразить информацию, которая в английском языке может оставаться невыраженной. Это еще раз говорит о том, что разница между языками заключается не в их способности выражать те или иные значения, а в необходимости выражать в одном языке значения, которые в другом могут не выражаться¹. Приведем еще один пример, а именно, рассмотрим роль категории рода в русском и английском языках и ее отражение в переводе. Категория рода в русском языке, как известно, выражается гораздо более четко, чем в английском: показатели рода в русском языке имеются у существительных (флективные окончания), у согласуемых с ними слов (прилагательных, причастий, форм прошедшего времени глаголов и пр.), у местоимений. В английском же языке четкие родовые различия имеются лишь у личных, притяжательных и возвратных местоимений третьего лица единственного числа. Ср., например:

I once met a Bulgarian artist. **She** was tall, stout and already middle-aged.
("Morning Star")

Я как-то познакомился с одной болгарской артисткой. Она была высокая, полная и уже немолодая.

Пол лица, обозначенного словом *artist*, в английском предложении выражен только одним местоимением *she*, в то время как в его русском эквиваленте он выражен флективными показателями (выделенными в примере жирным шрифтом) в формах восьми слов. Обратим внимание также на то, что пол лица, обозначенного местоимением *I*, в английском предложении вообще никак не выражен, в то

¹ Об этом см. в упомянутой выше статье Р. Якобсона в сборнике "On Translation", p. 236.

время как в русском он обозначен формой глагола-сказуемого *познакомился*.

В силу этого встречаются случаи, когда те или иные родовые значения в английском тексте остаются невыраженными, но требуют обязательного уточнения в русских эквивалентах соответствующих предложений. Так, английское предложение *A friend of mine has told me about it* может быть переведено на русский язык двумя способами: *Об этом мне рассказал один мой знакомый* и *Об этом мне рассказала одна моя знакомая*. Если пол существа, обозначенного словом *friend*, не может быть уточнен из широкого контекста или ситуации, то выбор русского соответствия будет в значительной мере произвольным и будет определяться исключительно «интуицией» самого переводчика. И здесь, как мы видим, грамматический строй ПЯ вынуждает нас передавать в переводе семантическую информацию, которую не содержит текст на ИЯ. Аналогичная картина наблюдается и у целого ряда других существительных: ср. *teacher* – *учитель, учительница*; *student* — *студент, студентка*; *writer* — *писатель, писательница*; *cook* — *повар, кухарка* и т.п. Во всех этих случаях уточнение пола того или иного лица в английском тексте, как правило, возможно лишь при наличии соответствующего данному существительному местоимения третьего лица единственного числа (*he* — *his* – *him* — *himself* или *she* — *her* — *herself*).

Факты говорят о том, что подобного рода явления нередко имеют место при переводе с английского языка на русский. Так, в английском тексте повести Х. Ли «Убить пересмешника...» повествование ведется от лица девочки, но, поскольку весь текст дан в первом лице, это становится ясным для читателя оригинала лишь на двенадцатой странице текста, в конце первой главы (где впервые появляется слово *sister*). Для читателя русского перевода, однако, это становится ясным уже с первых же строк, как только появляется глагольная форма *я говорила* (в шестом по счету предложении текста). Для общего восприятия читателем семантической структуры художественного текста это обстоятельство, разумеется, отнюдь небезразлично.

Еще более серьезные затруднения возникают в тех случаях, когда контекст — притом самый широкий — вообще не содержит никаких указаний на родовые значения. В качестве примеров такого рода текстов можно привести сонеты Шекспира, доставляющие много «неприятностей» и литературоведам, и переводчикам. Известно, что большинство

этих сонетов построено таким образом, что из них остается неясным, обращается ли автор к мужчине или к женщине. Возьмем для примера два сонета — 40 и 58:

Take all my loves, my love, yea, take them all;
What hast thou then more than thou hadst before?
No love, my love, that thou mayst true love call;
All mine was thine before thou hadst this more.

Then if for my love thou my love receivest,
I cannot blame thee for my love thou usest;
But yet be blam'd, if thou thyself deceivest
By wilful taste of what thyself refuseth.

I do forgive thy robbery, gentle thief,
Although thou steal thee all my poverty;
And yet, love knows, it is a greater grief
To bear love's wrong than hate's known injury.

Lascivious grace, in whom all ill well shows,
Kill me with spites; yet we must not be foes.

That god forbid, that made me first your slave,
I should in thought control your times of pleasure,
Or at your hand the account of hours to crave,
Being your vassal bound to stay your leisure!

O, let me suffer, being at your beck,
The imprison'd absence of your liberty,
And patience, tame to sufferance, bide* each check
Without accusing you of injury.

Be where you list, your charter is so strong
That you yourself may privilege your time
To what you will; to you it doth belong
Yourself to pardon of self-doing crime.

I am to wait, though waiting so be hell;
Not blame your pleasure, be it ill or well.

Даже самый тщательный анализ этих сонетов не дает никаких указаний на то, к кому они обращены — к мужчи-

149

не или к женщине. (Видимо, это не случайно: сонеты Шекспира имеют общечеловеческое, философское звучание и написаны они нарочито таким образом, чтобы их можно было отнести к человеку вообще.) Посмотрим теперь, как перевел эти сонеты С. Я. Маршак:

Все страсти, все любви мои возьми —
От этого приобретешь ты мало.
Все, что любовью названо людьми,
И без того тебе принадлежало.

Тебе, мой друг, не ставлю я в вину,
Что ты владеешь тем, чем я владею.
Нет, я в одном тебя лишь упрекну,
Что **пренебрег** любовью ты моею.

Ты нищего **лишил** его сумы,
Но я простил **пленительного вора**.
Любви обиды переносим мы
Трудней, чем яд открытого раздора.

О ты, чье зло мне кажется добром,
Убей меня, но мне не будь врагом!

Избави бог, меня лишивший воли,
Чтоб я посмел твой проверять досуг,
Считать часы и спрашивать: доколе?
В дела господ не посвящают слуг.

Зови меня, когда тебе угодно,
А до того я буду терпелив.

Удел мой — ждать, пока ты не **свободна**,
И сдерживать упрек или порыв.

Ты предаешься ль делу, иль забаве, -
Сама ты госпожа своей судьбе.
И, провинившись пред собой, ты вправе
Свою вину прощать **самой** себе.

В часы твоих забот иль наслажденья
Я жду тебя в тоске, без осужденья...

150

В русском тексте, как мы видим, картина совершенно иная — из первого сонета ясно, что автор обращается в нем к мужчине, из второго — к женщине (соответствующие русские словоформы, выражающие родовые различия, выделены нами жирным шрифтом). Объясняется это не произволом переводчика, а тем, что грамматический строй русского языка попросту вынуждает его выражать такую семантическую информацию, которая в исходном тексте не выражена. В данном случае переводчику нелегко обосновать выбор формы того или иного рода при переводе, поскольку исходный английский текст не дает никаких данных для однозначного решения, оставляя родовые различия невыраженными. Неудивительно поэтому, что одни и те же сонеты Шекспира по-разному трактуются разными переводчиками. Сравним, например, оригинал первой строфы 57 сонета и его переводы, принадлежащие В. Брюсову и С. Маршаку:

Being your slave, what should I do but tend
Upon the hours and times of your desire?
I have no precious time at all to spend,
Nor services to do, till you require.

В переводе В. Брюсова эти стихи гласят:

Твой верный раб, я все минуты дня
Тебе, о мой владыка, посвящаю.
Когда к себе ты требуешь меня,
Я лучшего служения не знаю.

Здесь *мой владыка* свидетельствует о том, что поэт обращается к мужчине. А в переводе Маршака мы читаем:

Для верных слуг нет ничего другого,
Как ожидать у двери госпожу.
Так, прихотям твоим служить готовый,
Я в ожиданье время провожу.

Здесь *госпожа* указывает, что речь идет о женщине. Было бы бесполезным пытаться установить, кто же, в конце концов, прав — Брюсов или Маршак. Оба они по-своему правы или, наоборот, неправы: у Шекспира этот сонет, как и многие другие, вообще оставляет неясным вопрос о поле любимого существа — идет ли речь о друге поэта или о его возлюбленной. Но в русском переводе оставить эту неясность не удастся именно благодаря особенностям грамматического строя самого русского языка, широкому применению в нем родовых окончаний.

151

Конечно, из сказанного вовсе не вытекает, что грамматический строй русского языка в целом является более дифференцированным и несет в себе больше информации,

чем строй английского языка. Существуют и обратные примеры — та или иная грамматическая категория английского языка не имеет прямого эквивалента в русском и соответствующая семантическая информация, обязательно выражаемая в английском языке, в русском тексте может оставаться неуточненной. Так, в английском языке существительное, как правило, должно определяться артиклем (или еще каким-нибудь функционально однородным словом, например, указательным или притяжательным местоимением), который выражает определенность или неопределенность обозначаемого существительного. В русском языке артикля нет, и наличие перед существительным указателя его определенности или неопределенности необязательно: по-русски можно сказать не только *Дай мне эту книгу* или *Дай мне какую-нибудь книгу*, но и просто *Дай мне книгу*, не уточняя словесно, идет ли речь о какой-либо определенной, конкретной книге или же о книге вообще, о любой книге (*книгу, а не тетрадь* и пр.). В английском же языке такое уточнение при существительном обязательно: можно сказать либо *Give me a book*, либо *Give me the book*; так что русское *Дай мне книгу* можно на английский язык перевести лишь с учетом широкого контекста или неязыковой ситуации.

Нет в русском языке и такой категории, как «временная отнесенность» (термин А. И. Смирницкого), выражаемая в английском языке противопоставлением перфектных и не-перфектных форм. В частности, в пределах прошедшего времени русский язык не проводит различия между так называемым «простым прошедшим» (Past Indefinite) и «давно прошедшим» (Past Perfect). Поэтому не всегда в предложениях русского языка можно провести разграничение между действием в прошлом, одновременным с описываемым моментом, и действием, предшествовавшим ему, — то, что не может не быть выражено в английском предложении. Так, в одном из романов И.С. Тургенева встречается фраза: *Его отец служил чиновником в Петербурге*; здесь ни из данного предложения, ни из широкого контекста нельзя уточнить, идет ли речь о периоде, описываемом в романе, или же в предшествующем периоде, то есть неясно, был ли отец героя чиновником в то время, о котором идет речь, или прежде, во времена детства или юности героя. Между тем, в английском языке такая «неопределенность» невозможна в

152

силу того, что глагол должен быть в одной из двух форм — либо Past Indefinite ("His father **was** a civil servant"), либо Past Perfect ("His father **had been** a civil servant"). И в этом случае, как в вышеприведенных примерах, переводчик оказывается в затруднительном положении, не имея в своем распоряжении информации, достаточной для того, чтобы однозначным образом определить выбор эквивалента в данном конкретном случае.

§ 37. Трудности, связанные с расхождением грамматических систем ИЯ и ПЯ, ни в коем случае нельзя преувеличивать. Уже указывалось, что информация, выражаемая в одном языке грамматическим способом, в другом может быть выражена лексически. Поэтому вовсе необязательно выражать то, что на ПЯ выражено грамматически, грамматическими же средствами в ПЯ. Напротив, в процессе перевода нормальной и обычной является ситуация, когда значения, выраженные в ИЯ грамматически, в ПЯ выражаются лексическими средствами и наоборот, то, что выражено в тексте на ИЯ лексическим путем, в тексте перевода может быть выражено грамматически. Собственно говоря, этот факт, подтверждаемый практикой перевода, и является лучшим доказательством того, что разница между значениями грамматическими и лексическими заключается не в их «природе», а в способах их выражения, которые в разных языках могут быть разными.

Так, говоря об упомянутой категории «временной отнесенности», свойственной английскому языку и чуждой грамматическому строю русского, следует отметить, что передача выражаемых ею значений на русский язык, как правило, не сопряжена с какими-нибудь существенными затруднениями в связи с тем, что в русском языке

соответствующие значения могут без труда быть выражены лексическим путем. В первой главе нами уже были приведены соответствующие примеры; напомним их еще раз:

He'd always **been** so spruce and smart; he **was** shabby and unwashed and wild-eyed. (S. Maugham, *A Casual Affair*)

Прежде он был таким щеголем, таким элегантным. **А теперь** бродил по улицам Сингапура грязный, в лохмотьях, с одичалым взглядом.

Mr. Raymond **sat** up against the tree-trunk. He **had been lying** on the grass. (H. Lee, *To Kill a Mockingbird*, Ch. 20)

153

Мистер Реймонд сел и прислонился к дубу. **Раньше** он лежал на траве.

Здесь, как мы видим, в тексте перевода употребляются слова, которым нет лексических соответствий в подлиннике: *прежде, а теперь, раньше*. Присутствие этих слов, однако, в русском тексте совершенно необходимо — если в порядке эксперимента попробовать их устранить, то русский текст станет по смыслу абсурдным. Необходимость этих слов в русском тексте определяется тем, что они передают лексическим путем ту информацию, которая в английском тексте выражена грамматически — при помощи форм «временной отнесенности» глаголов (had) been — was; sat — had been lying. Отсутствие в русском языке грамматических форм «временной отнесенности» приводит к необходимости прибегнуть здесь к лексическим добавлениям (см в гл. 5 раздел «Добавления»).

Такой способ передачи в русском языке значений, выражаемых в английском при помощи противопоставления форм Past Indefinite и Past Perfect, является вполне обычным и распространенным. Ср. аналогичный пример из того же рассказа С. Моэма:

I had been roughing it for some time and I **was** glad enough to have a rest, (ib.)

Перед тем я некоторое время путешествовал в самых примитивных условиях и **теперь** был рад отдохнуть.

С другой стороны, при переводе предложения ...except the imposing stone house in which the Governor **had once lived** (там же) никаких добавлений не потребовалось, поскольку в самом английском тексте уже имеется наречие времени *once*: ...*кроме внушительного каменного дома, где прежде обитал губернатор*. Иначе говоря, не только в разных языках, но и в пределах одного и того же языка (в данном случае, английского) то или иное значение (в нашем примере — значение предшествования действия) может выражаться как лексическим (наречие *once*), так и грамматическим (форма Past Perfect) путем. Именно это обстоятельство — наличие в языке различных способов выражения идентичных значений — и делает возможным перевод с одного языка на другой, несмотря на расхождения в системе грамматических форм и категорий, существующие между этими языками.

154

Приведем еще один пример того же явления. В романе Диккенса «Посмертные записки Пиквикского клуба» встречается такое предложение (описывается сцена погони за Джинглем): Out came the chaise — in went the horses — on sprang the boys — in got the travellers. В русском переводе этого произведения, выполненном Е. Ланном, это место переведено следующим образом: *Карету выкатили, лошади впрягли, фореиторы вскочили на них, путешественники влезли в карету*. По поводу этого перевода И. А. Кашкин в цитированной выше статье замечает: «Английский текст передан технологически точно, по беда в том, что лошади кажутся деревянными, фореиторы манекенами, карета игрушечной... Но переводчик ... не видит того, что стоит за английской фразой¹ и что ощутил Иринарх Введенский. В одном издании его перевода

находим: «...*Дружно выкатили карету, мигом впрягли лошадей, бойко вскочили возницы на козлы, и путники поспешно уселись на свои места*». ... Он... играет на глагольных формах, на четырех введенных им наречиях *дружно, мигом, бойко, поспешно* и, передав самую функцию диккенсовской инверсии, вызывает у читателя нужное ощущение напряженной спешки».²

И. Л. Кашкин, безусловно, прав, подчеркивая преимущество перевода И. Введенского перед переводом Е. Ланна, инверсия в английском предложении здесь передает определенное семантическое содержание, а именно, привносит значение порывистого, стремительного или неожиданного действия.³ Поскольку это значение не может быть выражено в русском языке при помощи инверсии или какого-либо иного грамматического средства, его нужно передать лексическим путем, что и делает И. Введенский. Разумеется, можно найти и иные лексические единицы для выражения того же значения⁴, важно только, чтобы оно не осталось

¹ Здесь И.А. Кашкин неправ — значение, о котором идет речь, не "стоит за английской фразой», а выражается в ней определённым формальным способом (инверсией). Выражение «стоит за фразой» в данном случае отражает концепцию И.А. Кашкина о "заглядывании за текст» и «прорыве сквозь слово».

² И.А. Кашкин. Указ, соч., с. 31.

³ См. Л.С. Бархударов, Д.А. Штелинг. Грамматика английского языка, Изд. 4-е, М., «Высшая школа», 1973, с. 342.

⁴ См., напр., В.Н. Комиссаров, Я.И. Рецкер, В.И. Тархов. Пособие по переводу с английского языка на русский. Ч. II, М., «Высшая школа», 1965, с. 33.

155

совершенно непередаваемым в русском тексте, как это случилось в переводе Е. Ланна.

Из приведенных примеров вытекает, казалось бы, несколько парадоксальное следствие — трудности при передаче грамматических значений имеют место, прежде всего, не в тех случаях, когда той или иной категории ИЯ нет в ПЯ, а когда, наоборот, той или иной категории ПЯ нет в ИЯ (то есть, когда ПЯ как бы «богаче» ИЯ в отношении тех или иных грамматических форм и значений). Парадокс этот, однако, лишь кажущийся — мы уже видели, что отсутствие той или иной грамматической формы в ПЯ нетрудно компенсировать лексическими средствами, в то время как ее отсутствие в ИЯ при необходимости выразить данное значение в ПЯ часто ведет к «немотивированности» выбора той или иной формы при переводе, то есть к увеличению объема передаваемой информации (большей конкретизации) в тексте перевода по сравнению с подлинником. Это опять возвращает нас к известной формулировке Р. Якобсона: языки различаются не тем, что они могут выразить, а тем, что они не могут не выразить.

§ 38. В связи с рассматриваемой проблемой необходимо уяснить одно важное обстоятельство: в какой мере грамматические значения вообще необходимо передавать при переводе. Иначе говоря, нужно дать ответ на вопрос: всегда ли грамматические формы и категории выражают, как и лексические единицы, референциальные (или прагматические) значения или же их значения могут быть чисто внутриязыковыми, то есть употребление данных форм диктуется только внутриязыковыми отношениями и не отражает никаких явлений, лежащих вне языка и обусловленных факторами самой объективной действительности? И если да, то каким образом определить, является ли данное грамматическое значение референциальным (или прагматическим) или же сугубо внутриязыковым и, тем самым, почти всегда иррелевантным для перевода?

Представляется, что для ответа на данный вопрос принципиально важно различать два случая употребления грамматических форм, которые можно назвать **свободным** и **связанным** употреблением. При **свободном** употреблении та или иная грамматическая форма используется в речи по усмотрению самого говорящего (или пишущего), то есть говорящий имеет свободу выбора одной из возможных форм в пределах данной категории. В этих случаях

156

выбор той или иной грамматической формы определяется не какими-либо внутриязыковыми правилами, а обуславливается двумя возможными факторами:

а) Самой описываемой ситуацией, то есть грамматическая форма в этом случае имеет референциальное значение. Так, в русском языке (и многих других) в пределах категории числа существительного говорящий имеет возможность свободного выбора формы числа — единственного или множественного (имея в виду, конечно, что у данного существительного есть формы обоих чисел); ср. *Он увидел дом — Он увидел дома; Я купил книгу — Я купил книги* и т.д. В этом случае использование той или иной формы числа определяется исключительно различиями в самой описываемой ситуации (один предмет или более, чем один), то есть форма числа существительного, имеет референциальное значение.

б) Прагматическим фактором, то есть различным отношением участников коммуникации к высказываниям (при идентичности референциальных значений самих высказываний). Так, в русском (и английском) языке говорящий имеет свободу выбора активной или пассивной формы залога глагола и, соответственно, активной или пассивной конструкции предложения, причем референциальное значение предложения остается тем же: *Рабочие построили дом — Дом был построен рабочими*. Здесь выбор формы глагола и, соответственно, конструкции всего предложения определяется таким прагматическим фактором, как «коммуникативная нагрузка» элементов предложения (что является «данным» и что «новым», см. выше, § 28). Таким же образом в русском языке (и других) говорящий имеет свободу выбора полной (неэллиптической) или неполной (эллиптической) конструкции предложения. Сравним, например: *Я! буду там в половине девятого — Буду там в половине девятого*. Здесь выбор конструкции определяется таким прагматическим фактором, как регистр речи (нейтральный или формальный в первом случае, непринужденный во втором). Выбор формы местоимения второго лица при обращении к собеседнику в русском языке также определяется прагматическим фактором — регистром высказывания: *ты* — в непринужденном и в возвышенном, *вы* — в официальном регистре. Поскольку во всех этих случаях описываемая ситуация остается одной и той же, различия в референциальном значении этих высказываний нет и, стало быть, грамматические формы различают здесь прагматические значения.

157

При **связанном** же употреблении грамматических форм использование той или иной формы определяется не описываемой ситуацией или выбором говорящего, но исключительно внутриязыковыми факторами. Это имеет место, в основном, в следующих трех случаях:

а) У данной лексемы имеется только одна словоформа, принадлежащая к той или иной категории: так, русские существительные *тушь* и *борщ* имеют только словоформу единственного числа и не имеют формы множественного числа, а существительные *чернила* и *щи* имеют, наоборот, только словоформу множественного числа и не имеют единственного, так что о выборе форм числа не может быть и речи.

б) Выбор той или иной формы предписывается синтаксической структурой, в которой употребляется данная форма; например, в русском языке в позиции прямого объекта при переходном глаголе (в утвердительной конструкции) может употребляться только форма винительного падежа: *Он читает книгу¹* (но не *книга*, *книге*, *книгой* и пр.).

в) Выбор какой-либо грамматической формы определяется наличием в ее окружении тех или иных лексических единиц. Так, при наличии в предложении наречия времени *вчера* выбор формы глагола-сказуемого не является свободным. Если отвлечься от стилистически обусловленных случаев типа «исторического настоящего», в сочетании с *вчера* может употребляться только форма прошедшего времени. (Ср. *Я видел*

этот фильм вчера при невозможности Я вижу этот фильм вчера или Я увижу этот фильм вчера.) Подобным же образом употребление в предложении наречия *часто* предопределяет выбор вида глагола: возможна только форма несовершенного вида (напр., *Он часто ходил в кино*), но невозможна форма вида совершенного (предложения *Он часто сходил в кино* или *Он часто пошел в кино* являются грамматически неправильными). Очевидно, выбор именно этой, а не другой формы здесь определяется необходимостью

¹ Вообще говоря, поскольку глагол *читать* двувалентен, в зависимом положении при нем может употребляться форма не только винительного, но и дательного падежа: *Он читает отцу книгу*; это, однако, не меняет дела, поскольку выбор обоих падежных форм остается синтаксически обусловленным (невозможно сказать *Он читает отца книге*. *Он читает отцом книгой* и пр.). Синтаксически обусловленным является и адвербиальное употребление творительного падежа: *Он читает громким голосом*.

158

согласованности между грамматическим значением формы и лексическим значением слова, определяющего выбор данной формы; но такая «согласованность» далеко не всегда является обязательной — так, в английском языке в конструкциях типа *many a day*, *many a man* и пр. слово *many* своим лексическим значением выражает множественность, в то время как грамматическая форма существительного имеет, напротив, значение единственности. Однако это сложный вопрос, выходящий за рамки нашего исследования.

Очевидно, во всех тех случаях, когда нет свободы выбора грамматической формы, то есть в случаях связанного употребления грамматических форм, их значение является чисто внутрилингвистическим, иными словами, определяется исключительно взаимоотношениями, существующими в пределах самой языковой системы. Это полностью согласуется с известным положением теории информации, согласно которому в случаях полной «предсказуемости» употребления того или иного сигнала, то есть при отсутствии свободы его выбора, передаваемая данным сигналом информация равна нулю.¹

Существуют, по-видимому, грамматические категории, всегда употребляемые только связано; например, в русском языке род, число и падеж прилагательных всегда определяются синтаксическими правилами согласования прилагательного с определяемым им существительным. Чаще всего, однако, одна и та же грамматическая категория выступает в одних случаях в свободном, в других — в связанном употреблении. Так, в русском языке (как и в английском) формы числа существительных чаще всего употребляются свободно, то есть говорящий имеет возможность выбора одной из двух форм — единственного или множественного числа — в зависимости от референциального значения данной формы; выбор формы в этом случае определяется экстралингвистическими, иначе говоря, ситуационными факторами. (Ср. *Я купил книгу* — *Я купил книги*; *Мой друг живет в Москве*

¹ Известный американский лингвист Г. Глисон формулирует это положение следующим образом: "Nothing which is required by the structure can signal any meaning" (H. Gleason. An Introduction to Descriptive Linguistics, p. 157). Под *meaning* Глисон имеет в виду, очевидно, референциальное значение, то есть экстралингвистически мотивированную семантическую информацию.

159

- *Мои друзья живут в Москве*¹ и пр.) Здесь выбор формы числа существительного является способом обозначения различий, наличных в самой описываемой ситуации (один предмет или более чем один). Однако, если существительное определяется числительным, то выбор формы числа существительного уже не является свободным, а предписывается формальными правилами русского синтаксиса: при числительном *один* и всех оканчивающихся на *один* (*двадцать один*, *сто тридцать один* и пр.) существительное употребляется в форме именительного падежа единственного числа — *один дом*, *двадцать один дом*, *сто тридцать один дом* и пр.; при числительных *два*, *три*, *четыре* и всех оканчивающихся на эти числительные (*двадцать два*, *сто тридцать три* и пр.) существительное употребляется в форме родительного падежа множественного числа - *два дома*, *двадцать два дома*, *сто тридцать три дома* и пр.; при всех прочих

числительных существительное употребляется в форме родительного падежа множественного числа — *пять домов, сто шесть домов, двести сорок восемь домов, две тысячи домов* и пр. (Если само числительное употребляется в форме не именительного, а косвенного падежа, или если существительное имеет при себе определение прилагательное, то применяются несколько иные правила, но это не меняет существа дела.) Во всех этих случаях употребление формы числа (и падежа) существительного является связанным, иными словами, диктуется формальными правилами русской грамматики и не передает никакой экстралингвистической информации. *Дом* в конструкции *двадцать один дом* также обозначает не один, а множество домов, как и *домов* в *двадцать пять домов*. Действительно, при наличии числительного, которое своим собственным лексическим значением уже передает информацию о количестве предметов, форма числа самого существительного оказывается избыточной и поэтому лишенной какого-либо референциального значения; она имеет лишь внутрилингвистическое значение.²

¹ Формы числа слов, согласуемых с существительным (в нашем примере местоимений *мой* — *мои*, глаголов *живет* — *живут*), употребляются во всех случаях связано, то есть в зависимости от формы числа определяемого ими существительного. «Согласование» вообще есть самый яркий пример связанного употребления грамматических форм.

² Показательно, что во многих языках при наличии в субстантивном словосочетании числительного, выражающего множественность (типа *два, три, четыре* и больше), существительное употребляется в форме не множественного, а единственного числа.

160

Точно так же связанным является, как было отмечено выше, и употребление формы числа у тех существительных, у которых есть только одна словоформа числа, то есть, опять-таки, отсутствует свобода выбора формы числа; ср. такие русские слова, как *чернила, щипцы, ворота, сани, брюки, шипцы* и др., имеющие только форму множественного числа. И в этих случаях форма числа существительного не имеет никакого референциального значения — *чернила* не более "множественны", чем *тушь, щипцы* — не более, чем *борщ, шипцы* также обозначают один предмет, как и *пинцет*. (Для выражения реальной разницы в количестве предметов в данном случае применяются лексические средства: ср. *несколько саней, две пары брюк* и т.п.) Здесь употребление словоформ числа существительных, опять-таки, определяется нормами русского языка, а не различиями в самой реальной ситуации — форма числа здесь имеет только внутрилингвистическое значение.

Возвращаясь к вопросу о переводе, следует отметить, что в процессе перевода с одного языка на другой передаются, как правило, лишь значения свободно употребляемых грамматических форм, ибо только в случаях свободного употребления, как мы видели, эти формы имеют определенное референциальное (или, реже, прагматическое) значение. Что касается грамматических форм, выступающих в связанном употреблении, то выражаемые ими значения, будучи исключительно внутрилингвистическими, при переводе, как правило, не передаются. Случаи кажущейся передачи такого рода грамматических значений при переводе являются иллюзорными. Так, в конструкциях типа Он *идет* — He *goes* форма лица и числа глагола в английском языке совпадает с русской (третье лицо единственного числа), но это определяется не требованиями передачи «смысла» русского предложения, а формальными правилами самого английского языка, где, как и в русском, глагол-сказуемое согласуется с подлежащим в лице и числе, то есть при местоимении третьего лица единственного числа глагол должен быть в соответствующей форме.

Вернемся к рассмотренной выше категории числа имени существительного. Формы числа существительного при переводе с английского языка на русский или с русского на английский должны передаваться в том случае, когда они употребляются свободно, как например, в следующих предложениях:

161

Я купил **книгу**. — I bought a **book**.
Я купил **книги**. — I bought (some) **books**.
Мой друг живет в Москве. — **My friend** lives in Moscow.
Мои друзья живут в Москве. — **My friends** live in Moscow.

В случаях же связанного употребления форм числа существительных их грамматические значения, не отражающие никаких реальных отношений объективной действительности и определяемые чисто внутрилингвистическими отношениями, при переводе не передаются и, по самой сути дела не могут передаваться (за исключением редких случаев, когда сама языковая форма становится предметом высказывания, о чем шла речь в § 34). В этом случае выбор формы числа существительного в ПЯ определяется уже не формой числа в ИЯ, но исключительно внутрилингвистическими правилами самого ПЯ/ Так, независимо от того, в какой форме употребляется существительное в конструкциях с числительными в русском языке (*один дом, два дома, пять домов, двадцать один дом* и т. д.), в английском тексте соответствующее существительное будет всегда употреблено в форме множественного числа, за исключением конструкции с *one*, в которой употребляется форма единственного числа: *one house*, но *two houses, five houses, twenty-one houses* пр., ибо этого требуют грамматические нормы английского языка. Точно также русские существительные, имеющие только форму множественного числа (так называемые *Pluralia Tantum*), на английский язык передаются существительными в той форме числа, которая требуется грамматическими нормами английского языка, независимо от формы числа русского существительного (ср. английские соответствия приведенным выше русским существительным группы *Pluralia Tantum*: *ink, cabbage soup, gate, sledge, trousers, tongs* и т. д.). Приведем еще один пример: в английском языке формы времени глагола в простом предложении и в главном предложении сложноподчиненного употребляются, как правило, свободно, то есть в соответствии со своим референциальным значением (время протекания действия). Например: *He lives in London — He lived in London; He can play the piano — He could play the piano* и т.д. В такого рода случаях при переводе на русский язык необходимо передать грамматические значения, выраженные английской временной формой: *Он живет в Лондоне — Он жил в Лондоне; Он умеет играть на рояле — Он умел играть на рояле* и пр. Однако в

162

придаточных предложениях дополнительных в английском языке, если глагол-сказуемое главного предложения употреблен в форме прошедшего времени, выбор формы глагола уже не свободный, а определяется правилом так называемого «согласования времен» — глагол в придаточном предложении также должен быть в форме прошедшего времени: Ср.

He says he **lives** in London. - He says he **can** play the piano.
He said he **lived** in London. - He said he **could** play the piano.

С другой стороны, в придаточных предложениях такого рода в английском языке свободным является употребление форм «временной отнесенности» (неперфект — перфект) глагола-сказуемого, выражающих одновременность или предшествование действия придаточного предложения относительно главного; ср. *He said he lived in London — He said he had lived in London*.

Поскольку употребление форм прошедшего времени в английском языке в данном случае является связанным, то есть определяется внутрилингвистическими правилами английского языка и не содержит никакого референциального значения, постольку форма прошедшего времени глагола английского предложения при переводе на русский заменяется, согласно правилам русского синтаксиса, формой настоящего, если обозначается одновременность двух действий, или прошедшего, если обозначается предшествование действия придаточного предложения действию главного¹:

Он *говорит*, что **живет** в Лондоне - Он *говорит*, что умеет играть на рояле.
Он *сказал*, что **живет** в Лондоне - Он *сказал*, что **умеет** играть на рояле.

Но: «Он *сказал*, что (когда-то прежде) жил в Лондоне». При этом необходимо иметь в виду, что явление так называемого «согласования времен» распространяется в англий-

¹ То есть формы настоящего-прошедшего времени в русском языке в данном синтаксическом употреблении функционально тождественны английским формам временной отнесенности (неперфект-перфект).

163

ском языке и на те случаи, когда глагол-сказуемое в главном предложении вводит не только последующее придаточное предложение, но и остальные идущие за ним предложения того же контекста, даже если они формально являются «независимыми» предложениями. Так, например, в следующем отрывке:

Mr. Marquand *said* a lot of different proposals **had been** put forward during the discussion. But he **believed** that most **would** agree that some form of government intervention **was** necessary. ("Morning Star", 13.III.67)

Во втором предложении, формально независимом от первого, все глаголы имеют форму прошедшего времени; но необходимо иметь в виду, что здесь употребление этой формы вызвано тем же самым явлением «согласования времен» — глагол *said*, вводящий придаточное предложение дополнительное (косвенную речь), относится и ко всем последующим предложениям, также представляющим собой, косвенную речь. Поэтому и здесь мы встречаемся со случаем не свободного, а связанного употребления формы прошедшего времени. Поэтому в русском переводе все глаголы-сказуемые во втором предложении должны быть употреблены, согласно правилам русского синтаксиса, в форме настоящего времени, а не прошедшего (что нередко допускают неопытные переводчики):

Г-н Марканд *заявил*, что во время дискуссии **было** выдвинуто много различных предложений. Однако он **полагает**, что почти все **согласятся** с тем, что вмешательство правительства в той или иной форме **является** необходимым.

Употребление формы прошедшего времени в конструкции *было выдвинуто* обусловлено наличием в исходном английском тексте формы перфекта *had been*, выражающей предшествование; прочие же глагольные формы (*полагает, согласятся, является*) относятся к формам настоящего и будущего времени, то есть «непрошедшего»¹, а не к формам прошедшего времени, как в английском, ибо в этом последнем употреблении форм прошедшего здесь обусловлено пра-

¹ О трактовке форм настоящего и будущего времени, представляющих единую категорию «непрошедшего», см. в моей статье «Русско-английские языковые параллели», очерк третий: «Глагол», «Русский язык за рубежом», 1973, № 2, с. 55.

164

вилом «согласования времен», иначе говоря, является связанным.

Таким образом, вопрос о передаче грамматических значений при переводе не может быть решен однозначно — в каждом конкретном случае необходимо учитывать характер употребления той или иной формы, ее функциональную нагрузку и в соответствии с этим находить ей то или иное соответствие в языке перевода или же оставлять эту форму (в случае, если она несет чисто внутрилингвистическое значение) вообще «непереведённой».

§ 39. Мы завершим этот раздел рассмотрением еще одного важного вопроса, а именно, о передаче в процессе перевода синтаксических значений. Вопрос этот

упирается в коренные проблемы общей теории синтаксиса и его решение представляет интерес не только для теории перевода, но и для языкознания в целом, в первую очередь, в плане решения «извечной» проблемы отношения грамматических (синтаксических) и логико-семантических категорий.

В современной грамматической теории широкое распространение получила точка зрения, согласно которой в предложении следует различать два типа синтаксической структуры — **поверхностную** (surface structure) и **глубинную** (deep structure). Эта концепция приобрела особо важную роль в порождающей грамматике, в частности, в трудах Н. Хомского¹ и его последователей. Сам Хомский определяет глубинную структуру предложения как структуру, детерминирующую семантическую интерпретацию предложения, в то время как его поверхностная структура детерминирует фонетическую интерпретацию того же предложения. Иными словами, глубинная структура предложения это, прежде всего, совокупность выражаемых в нем семантических или смысловых («логических») отношений, а его поверхностная структура — это та его конкретная форма, которую предложение приобретает в речи, в процессе коммуникации.

¹ См. Н. Хомский. Аспекты теории синтаксиса. М., Изд-во МГУ, с. 20 и далее. Несколько иную концепцию глубинной структуры (называемой им «семантической структурой») развивает У. Чейф; см. W. Chafe. Meaning and the Structure of Language. Chicago. 1970. Вообще литература по вопросу о глубинной и поверхностной структуре весьма обширна; см., например, «Тезисы научной конференции «Глубинные и поверхностные структуры в языке», МГПИИЯ им. М. Тореца, М., 1972, где имеются ссылки на другие работы в этой области.

165

При этом, что особенно важно (и играет принципиальную роль для перевода), одна и та же глубинная структура может быть реализована в различных поверхностных структурах (и наоборот, за одинаковой поверхностной структурой могут скрываться различные глубинные). Так в конструкциях *студент сдал экзамен; экзамен был сдан студентом; сдача экзамена студентом; студент, сдавший экзамен; экзамен, сданный студентом; сдав экзамен, студент...* и т. п. поверхностная синтаксическая структура различна, в то время как их глубинная структура одинакова в том смысле, что во всех них представлены одни и те же логико-семантические отношения: «деятель — действие — объект действия».

Из этого примера нетрудно сделать вывод, что характер синтаксических отношений в поверхностной и глубинной структуре принципиально различен. В поверхностном синтаксисе принято различать такие типы связи, как подчинение, сочинение и предикативную связь; при дальнейшей детализации указанные типы связи могут подвергаться уточнению, например, подчинительная связь может подразделяться на управление, согласование и примыкание, сочинительная — на союзную и бессоюзную и пр. Руководящим критерием при определении того или иного типа и подтипа синтаксической связи в поверхностной структуре является, прежде всего, формальный способ выражения данной связи.

Что касается глубинных синтаксических отношений, то они характеризуются, в первую очередь, не формами своего выражения, а своей семантикой, своей содержательной характеристикой. Можно предполагать, что эти отношения являются одинаковыми для всех языков, хотя их формальное выражение в поверхностной структуре предложения разнится от языка к языку. К числу глубинных синтаксических связей, по нашему мнению, следует отнести такие, как «действие — деятель» (*студент читает*), «действие — объект действия» (*студент читает книгу*), «действие — адресат действия» (*студент дал брату книгу*), «определятельную» связь в самом широком смысле слова, то есть связь «субстанции» и ее признака (*студент умен, умный студент; громко говорит, громкий разговор* и пр.) и др. Внутри этих основных типов глубинной синтаксической связи можно также выделить определенные подтипы; например, внутри

«определяющей» связи можно выделить связь темпоральную, локальную, причинно-следственную и пр.

166

Напомним еще раз, что один и тот же тип глубинной синтаксической связи может быть представлен в различных поверхностных структурах. Так, английские предложения *John gave Mary a book*, *A book was given Mary by John* и *Mary was given a book by John* имеют различную поверхностную структуру, но выражаемые в них глубинные синтаксические отношения одни и те же: «действие — деятель — объект действия — адресат действия». Точно таким же образом русские предложения *Студент, сдавший экзамен, ушел* и *Студент, который сдал экзамен, ушел* имеют одинаковую глубинную структуру при неодинаковой поверхностной; это же относится к предложениям *То, что он опоздал, меня возмутило* и *Его опоздание меня возмутило* и пр. (явление, известное в традиционной грамматике под названием «синтаксической синонимии»).

Из приведенного определения глубинных синтаксических отношений явствует, что они выражают собой референциальные значения, то есть отражают связи, объективно присутствующие в самой описываемой ситуации. Из этого вытекает, что в процессе перевода **глубинные** синтаксические отношения должны оставаться **неизменными**. Что касается поверхностной структуры предложения, то, как мы видели, даже в пределах одного и того же языка глубинная структура может быть выражена в нескольких различных («синонимичных») поверхностных. Тем более это справедливо в отношении разных языков, поверхностная структура предложений в которых, при одной и той же глубинной, нередко не совпадает. Отсюда следует, что в процессе перевода нет никакой необходимости (а часто и возможности) сохранять в неизменном виде поверхностную структуру предложения.

Для иллюстрации этого положения приведем, пока что, только один пример:

He had never had his Uncle Swithin's taste in precious stones, and **the abandonment by Irene when she left his house in 1889 of all the glittering things he had given her** had disgusted him with this form of investment. (J. Galsworthy, *In Chancery*, II, XI)

Он никогда не страдал пристрастием своего дяди Суизина к драгоценным камням, и **когда Ирен в 1889 году, покинув его, оставила все безделушки, которые он ей подарил**, это навсегда отбило у него охоту к такого рода помещению денег, (пер. М. Богословской)

167

Как мы видим, английская именная группа *the abandonment by Irene of all the glittering things* в русском переводе дается как придаточное предложение *Ирэн оставила все безделушки*, придаточное же предложение *when she left his house* передается как деепричастный оборот *покинув его*. (Да и придаточное определяющее *he had given her* можно было бы перевести при помощи причастного оборота *подаренные им*, что ни в коей мере не нарушило бы переводческой эквивалентности.) Если, несмотря на все эти синтактико-морфологические трансформации, значение английского и русского предложений все же остается тождественным (то есть перевод оказывается вполне эквивалентным подлиннику), то это возможно лишь благодаря тому, что выражаемые в них глубинные синтаксические отношения («действие — деятель — объект действия» и пр.) остаются одни и те же. Иначе говоря, в процессе перевода изменению подвергается лишь поверхностная структура предложения, а его глубинная структура остается неизменной. Важно подчеркнуть, что это явление не единично. Как мы увидим далее, такого рода «поверхностно-синтаксические трансформации» при переводе носят вполне закономерный характер.

Из сказанного отнюдь не следует, что поверхностная структура предложения не несет в себе абсолютно никакой существенной для перевода информации. Различные

поверхностные реализации одной и той же глубинной структуры, не различаясь в отношении референциальных значений, во многих случаях оказываются различными по выражаемому ими прагматическим значениям — стилистической характеристике (напр., пассивная конструкция предложения более распространена в книжно-письменном стиле, нежели в разговорном языке), регистру (напр., эллиптические конструкции более типичны для фамильярного и непринужденного регистров, чем для нейтрального и, в особенности, формального) или, что весьма существенно для перевода, «коммуникативному членению», о чем речь пойдет ниже.

Подробнее вопрос о перестройке поверхностной структуры предложения при переводе будет рассмотрен нами в главе 5, посвященной описанию так называемых переводческих трансформаций.

168

6. Контекст и ситуация при переводе

§ 40. В ходе предыдущего изложения нам неоднократно приходилось делать ссылки на понятие **контекста**, отмечая, что выбор того или иного соответствия при переводе во многом определяется контекстом, в котором употреблена та или иная языковая единица. В настоящем разделе мы дадим определение контекста и попытаемся выделить основные типы контекстов, существенные, с точки зрения характеристики переводческого процесса.

Под контекстом принято понимать языковое окружение, в котором употребляется та или иная лингвистическая единица. Так, контекстом слова является совокупность слов, грамматических форм и конструкций, в окружении которых встречается данное слово. Еще раз подчеркнем, что слово — далеко не единственная единица языка; другие лингвистические (и речевые) единицы, такие как фонемы, морфемы, словосочетания и предложения также встречаются не в изолированном употреблении, а в определенном языковом окружении, так что есть все основания говорить и о контексте фонемы, и о контексте морфемы, и о контексте словосочетания и даже предложения (совокупность других предложений, в окружении которых встречается данное предложение). Тем не менее для простоты изложения мы в дальнейшем (как это делалось и при рассмотрении других вопросов) будем оперировать примерами только на уровне слов.

В пределах общего понятия контекста различается **узкий контекст** (или «микрконтекст») и **широкий контекст** (или «макрконтекст»). Под узким контекстом имеется в виду контекст предложения, то есть лингвистические единицы, составляющие окружение данной единицы в пределах предложения. Под широким контекстом имеется в виду языковое окружение данной единицы, выходящее за рамки предложения; это — текстовый контекст, то есть совокупность языковых единиц, окружающих данную единицу в пределах, лежащих вне данного предложения, иными словами, в смежных с ним предложениях. Точные рамки широкого контекста указать нельзя — это может быть контекст группы предложений, абзаца, главы или даже всего произведения (напр., рассказа или романа) в целом.

Узкий контекст, в свою очередь, можно разделить на контекст **синтаксический** и **лексический**. (Применительно к

169

фонеме и морфеме можно выделить также контекст фонологический и морфологический; однако эти виды контекста лежат вне пределов настоящего исследования.) Синтаксический контекст — это та синтаксическая конструкция, в которой употребляется данное слово, словосочетание или (придаточное) предложение. Лексический контекст — это совокупность конкретных лексических единиц, слов и устойчивых словосочетаний, в окружении которых встречается данная единица.

Наиболее существенную роль контекст играет в разрешении многозначности лингвистических единиц. Не считая случаев нарочитой или случайной (непреднамеренной) двусмысленности, контекст служит тем средством, которое как бы «снимает» у той или иной многозначной единицы все ее значения, кроме одного. Тем самым контекст придает той или иной единице языка однозначность и делает возможным выбор одного из нескольких потенциально существующих эквивалентов данной единицы в ПЯ. Конечно, роль контекста далеко не ограничивается разрешением многозначности слов и других лингвистических единиц; однако важнейшая его функция заключается именно в этом.

В процессе перевода для разрешения многозначности и определения выбора эквивалента иногда достаточно учета синтаксического контекста той или иной единицы, в частности, слова. Так, глагол *burn* может переводиться на русский язык как *гореть* и как *жечь*, причем выбор соответствия целиком определяется синтаксическим контекстом, в котором употреблено английское слово: в непереходной конструкции (при отсутствии прямого дополнения) *burn* переводится как *гореть*, в переходной (при наличии прямого дополнения или в форме страдательного залога) — как *жечь*. Ср. *The candle burns* — *Свеча горит*, но *He burned the papers* — *Он сжег бумаги*. Для английского языка это весьма распространенный случай. Ср. *sink* — *тонуть* (неперех.), *тонить* (перех.); *drive* — *ехать* (неперех.), *звать*, *вести* (перех.) и пр.

Чаще, однако, выбор эквивалента определяется лишь с учетом лексического контекста данной единицы, однозначность которой устанавливается в пределах определенного лексического окружения. Так, английское *look* в сочетании с прилагательным *angry* означает *взгляд*, а с прилагательным *European* — *вид* (напр., *The town has a European look*); английское *way* в сочетании с *to the town*

170

означает *дорога*, а в сочетании с *of doing it* — *способ* или *метод* и т. д. Можно привести огромное множество такого рода примеров. Для иллюстрации роли узкого лексического контекста при выборе переводческого соответствия приведем следующие английские предложения, содержащие многозначное существительное *attitude*:

He has a friendly **attitude** towards all.

Он ко всем **относится** по-дружески.

There is no sign of any change in the **attitudes** of the two sides.

В **позициях**, занимаемых обеими сторонами, не видно никаких перемен.

He stood there in a threatening **attitude**.

Он стоял в угрожающей **позе**.

He is known for his anti-Soviet **attitudes**.

Он известен своими антисоветскими **взглядами**.

Число подобного рода примеров легко увеличить.

Иногда, однако, для определения значения исходного слова и выбора однозначного переводческого эквивалента учёт узкого контекста оказывается недостаточным и приходится прибегать к показаниям, содержащимся в широком контексте. В качестве примера приведем следующее предложение из повести Дж. Сэлинджера «Над пропастью во ржи»:

Then I got this book I was reading and sat down in my **chair**. (Ch. 3)

Английскому *chair*, как было отмечено (см. § 20), в русском языке соответствуют как *стул*, так и *кресло*. В данном вложении, однако, не содержится никаких указаний, которыми мог бы руководствоваться переводчик при выборе русского эквивалента. Поэтому здесь необходимо обращение к широкому контексту.

Спустя два предложения, в том же абзаце мы читаем:

The **arms** were in sad shape, because everybody was always sitting on them, but they were pretty comfortable **chairs**.

Указание на **arms** дает нам ключ к переводу: *Потом я взял книгу, которую читал, и сел в кресло*.

Следует иметь в виду, что в данном примере (как и в других, приводимых нами) речь идет об определении и передаче референциальных значений языковых единиц. Если же

171

говорить о передаче прагматических значений, то, как было указано выше, решающая роль в их установлении и выборе способов их передачи принадлежит именно широкому контексту. Это относится не только к стилистической характеристике, регистру и эмоциональной окрашенности текста но, в значительной мере, также и к «коммуникативному членению» предложения, которое во многом определяется факторами широкого контекста (напр., наличием предварительного упоминания того или иного элемента предложения в предшествующих предложениях). Еще раз напомним, что объектом перевода являются не изолированные языковые единицы, а весь текст в целом как единое речевое произведение. Поэтому роль широкого контекста в процессе перевода ни в коей мере нельзя недооценивать.

§ 41. Наряду с этим нередко имеют место случаи, когда даже максимально широкий контекст не содержит в себе никаких указаний относительно того, в каком именно значении употребляется в данном случае та или иная полисемантическая единица и, стало быть, какой эквивалент должен быть выбран в данном случае при переводе. В этих случаях для получения требуемой информации необходим выход за пределы языкового контекста и обращение к **экстралингвистической ситуации**¹. Под «ситуацией» имеется в виду, во-первых, **ситуация общения**, то есть та обстановка, в которой совершается коммуникативный акт; во-вторых, **предмет сообщения**, то есть обстановка (совокупность фактов), описываемая в тексте; в-третьих, **участники коммуникации**, то есть говорящий (пишущий) и слушающий (читающий)-

О том, какую роль играют эти три экстралингвистических фактора для понимания речевого произведения участниками коммуникативного процесса, речь уже шла выше (см. § 7 гл. 1). Сейчас нам важно подчеркнуть, что учет этих факторов во многих случаях является необходимым условием для правильного выбора соответствия той или иной единице ИЯ в процессе перевода. Яркий пример такого случая дает Я.И. Рецкер в книге «Теория перевода переводческая практика» (с. 32).

¹ Иногда в этом случае говорят в «внеязыковом (экстралингвистическом) контексте» или о «контексте ситуации» (термин Дж. Ферса). Мы предпочитаем применять термин «контекст» лишь при обозначении языкового окружения той или иной лингвистической единицы, пользуясь для обозначения экстралингвистических факторов термином «ситуация».

172

В одной из газетных статей член парламента С. Силвермен был охарактеризован как "the oldest abolitionist in the House of Commons". «Большой англо-русский словарь» под ред. И.Р. Гальперина дает для слова abolitionist два соответствия: 1. сторонник отмены, упразднения (закона и т.п.); 2. (амер. ист.) аболиционист, сторонник аболиционизма. Второе значение (сторонник аболиционизма, то есть отмены рабства негров) здесь явно не подходит. Остается первое значение: очевидно, С. Силвермен является сторонником отмены какого-то закона или института, но для перевода необходимо уточнить, чего именно. Поскольку в данном тексте нет никаких указаний относительно этого, то правильный перевод возможен лишь при знании реальной обстановки в политической жизни Англии 1963 г. (когда была написана данная статья). В тот период в парламенте и вне его оживленно дебатировался вопрос к отмене смертной казни. Стало быть, здесь abolitionist следует переводить как 'сторонник отмены смертной казни'. С другой стороны,

если бы речь шла об Америке 20-х — начала 30-х годов этого столетия, тогда то же слово нужно было бы переводить как 'сторонник отмены сухого закона'. Пример этот убедительно говорит о важности учета экстралингвистических факторов при переводе, на что уже неоднократно обращалось внимание в ходе предыдущего изложения. (Ср. также пример с выражением joining Europe в § 33.)

Итак, в процессе перевода «снятие» многозначности языковых единиц и определение выбора переводческого эквивалента обусловливается рядом факторов, как то: узким контекстом, широким контекстом и экстралингвистической ситуацией. Без учета всех этих факторов в их взаимодействии понимание речевого произведения и, тем самым, его перевод называются невозможными. Именно по этой причине лингвистический базой теории перевода, как было отмечено, должны служить, во-первых, лингвистика текста, во-вторых, макролингвистическое описание языка с учетом функционирования его системы во взаимодействии с экстралингвистическими явлениями, определяющими предмет, построение и условия существования объекта перевода — речевого произведения.

173

Глава четвертая

ПРОБЛЕМА ЕДИНИЦЫ ПЕРЕВОДА

§ 42. В первой главе мы определили перевод как процесс преобразования речевого произведения (текста) на одном языке в речевое произведение на другом языке при сохранении неизменного плана содержания. Это значит, что при переводе происходит замена единиц плана выражения, то есть единиц языка, но сохраняется неизменным (точнее, относительно неизменным) план содержания, то есть передаваемая текстом информация. Отсюда вытекает, что важнейшей задачей, стоящей перед переводчиком-практиком в процессе осуществления перевода и перед теоретиком перевода при описании («моделировании») этого процесса, является отыскание в исходном тексте минимальной единицы, подлежащей переводу, или, как ее принято называть, **единицы перевода** (unit of translation).¹

Проблема единицы перевода — одна из сложнейших в теории перевода; существуют самые различные точки зрения на этот счет, вплоть до полного отрицания самой возможности существования такой единицы. Неясно также, каким критерием пользоваться при установлении единицы перевода и из чего при этом исходить — из единиц ИЯ или единиц ПЯ, из элементов языковой формы (структуры) или из элементов содержания («смысловых единиц») и т.д. Обзор различных точек зрения по этому вопросу можно найти в упоминавшейся выше работе В. Н. Комиссарова².

¹ З.Е. Роганова называет такую единицу «транслемой»; см. З.Е. Роганова. Перевод с русского языка на немецкий. М., «Высшая школа», 1971, с. 30. Следует иметь в виду, что термин «единица перевода» во многом условен; точнее было бы говорить о единице переводческой эквивалентности (единице ИЯ, имеющей эквивалент в тексте перевода).

² В.Н. Комиссаров. Слово о переводе, с. 185—190.

174

в настоящем исследовании мы ограничимся лишь тем, что изложим собственную позицию по данной проблеме.

Под единицей перевода мы имеем в виду **такую единицу в исходном тексте, которой может быть подыскано соответствие в тексте перевода**, по составные части которой по отдельности не имеют соответствий в тексте перевода. Иначе говоря, единица перевода — это **наименьшая** (минимальная) языковая единица в тексте на ИЯ, которая имеет соответствие в тексте на ПЯ; она, как мы увидим дальше, может обладать сложным строением, то есть состоять из еще меньших единиц ИЯ, но части ее, по отдельности взятые, «непереводимы», то есть в тексте перевода им никаких соответствий установить

нельзя, даже если в ИЯ они обладают своим собственным, относительно самостоятельным значением.

В языкознании принято считать, что минимальной значимой единицей является морфема. Это действительно так; однако, как мы увидим из дальнейшего изложения, морфема лишь в крайне редких случаях выступает в качестве единицы перевода. Дело в том, что, во-первых, весьма многочисленны случаи, когда единым, нечленимым значением обладает не морфема, а языковая единица более высокого уровня — слово, словосочетание или даже предложение; во-вторых, даже тогда, когда эти единицы более высокого порядка — слова, словосочетания, предложения — являются семантически членимыми, то есть когда их части (в том числе морфемы) обладают своим относительно самостоятельным значением, нередко в ПЯ им соответствует одна нечленимая единица, в составе которой нельзя найти соответствий частям единицы исходного текста. В таких случаях единицей перевода оказывается, опять-таки, не морфема (а часто даже и не слово и не словосочетание), а вся более "высокая» единица ИЯ-

По сути дела **единицей перевода может быть единица любого языкового уровня**. Поэтому необходимо, прежде всего, выяснить, какие уровни языковых единиц выделяются в структуре языка вообще.

В современном языкознании принято различать следующие уровни языковой иерархии:

- уровень **фонем** (для письменной речи — **графем**);
 - уровень **морфем**;
 - уровень **слов**;
 - уровень **словосочетаний**;
- 175
- уровень **предложений**;
 - уровень **текста**.¹

В зависимости от того, к какому уровню относится единица перевода (то есть минимальная единица в ИЯ, которой может быть найдено соответствие в тексте на ПЯ), мы будем различать соответственно: перевод² на уровне фонем (графем), на уровне морфем, на уровне слов, на уровне словосочетаний, на уровне предложений, на уровне текста. Рассмотрим теперь несколько подробнее эти случаи перевода на различных уровнях языковой иерархии.

§ 43. Перевод на уровне фонем (графем). Фонема (которой в письменной речи соответствует графема или буквенный символ), как известно, не является носителем самостоятельного значения, она играет в языке лишь смысловоразличительную роль. Тем не менее в практике перевода имеют место случаи, когда единицами перевода оказываются именно фонемы (или графемы), то есть фонемы ИЯ заменяются наиболее близкими к ним по артикуляции и акустическим свойствам фонемами в ПЯ (или же графемы ИЯ заменяются передающими сходные звуки графемами в ПЯ). Так, чтобы передать на русский язык английскую фамилию Heath [hi:ʔ], нужно каждой фонеме в составе английского слова подобрать наиболее близкую по артикуляции и звучанию фонему русского языка: [h] заменяется русской фонемой [x'], [i:] — русской гласной [и], а спирант [ʔ] - русским смычным согласным [т]. Таким образом, английская фамилия Heath на русский язык передается как *Хит*, то есть каждой фонеме исходного слова найдено соответствие в фонемном составе русского слова; иными словами, здесь в качестве единицы перевода выступает фонема. Такой вид перевода, при котором соответствие между единицами ИЯ и ПЯ устанавливается на уровне фонем, носит название **переводческой (или практической) транскрипции** (ср. выше, § 25 предыдущей главы).

В случае же, если соответствие устанавливается на уровне графем, то есть передается не звуковой облик, а написание (графическая форма) исходного слова, налицо **перевод-**

¹ Отнесение текста к числу единиц языка является спорным; однако, как мы знаем, перевод имеет дело не с языком как системой, а с речью, с конкретными речевыми произведениями или текстами, поэтому для теории перевода выделение уровня текста является оправданным и необходимым.

² Опять-таки точнее было бы говорить не о переводе, а о «переводческом эквиваленте».

176

ческая транслитерация.¹ Так, передавая английское имя собственное Lincoln как *Линкольн*, мы заменяем английские графемы русскими, передавая тем самым графический облик слова, то есть транслитерируем его. (При использовании переводческой транскрипции это имя должно было бы передаваться как *Линкен*, поскольку фонетическое звучание его в английском языке [ˈlɪŋkən])

Следует, однако, отметить, что строгое разграничение транскрипции и транслитерации на практике проводится редко; обычно имеет место сочетание обоих приемов. Так, традиционная передача на русский язык английской фамилии Newton как *Ньютон* есть смешение транскрипции и транслитерации: последовательная транскрипция была бы "Ньютен", а последовательная транслитерация — *Невтон* (именно так эта фамилия передавалась в XVIII веке).

Перевод на уровне фонем (графем) принципиально отличается от всех других видов перевода тем, что, как было указано, фонемы (также как и графемы) сами по себе не являются носителями каких-либо значений. Поэтому естественно, что этот вид перевода может применяться лишь в весьма ограниченных масштабах. Более или менее регулярно он встречается лишь при передаче собственных имен и географических названий, напр., англ. Churchill — русск. *Черчилль*, англ. Liverpool — русск. *Ливерпуль* и пр. Однако и здесь имеют место исключения. Так, английским именам George, Charles, William, James обычно соответствуют русские транскрипции *Джордж*, *Чарльз* (или *Чарлз*), *Вильям* (или *Уильям*), *Джеймс*, за исключением тех случаев, когда эти имена обозначают английских (или других) королей; и тогда они передаются на русский язык как *Георг*, *Карл*, *Вильгельм* и *Яков* соответственно. (Ср. George VI — *Георг VI*, Charles I — *Карл I*, William the Conqueror — *Вильгельм Завоеватель*, James Stuart — *Яков Стюарт* и т. д.) Английские имена Abraham, Isaac, Moses передаются на Русский язык как *Абрахам*, *Айзек*, *Мозес* соответственно, но в тех случаях, когда они обозначают библейских персонажей, они должны переводиться иначе: *Авраам*, *Исаак*, *Моисей* и т. д. Таким образом, даже в пределах имен собственных прием транскрипции и транслитерации используется с определенными ограничениями.

Другой случай применения того же вида перевода -

¹ Добавление прилагательного «переводческий» необходимо для того, чтобы отличать транскрипцию и транслитерацию как прием перевода от их применения в лингвистическом исследовании.

177

это передача разного рода политических и культурно-бытовых реалий, например, brain drain — *брейн-дрейн*, shop steward — *шопстюард*, office — *оффис*, speaker — *спикер* (в Палате общин) и пр. (Подробнее см. выше, в разделе, посвященном вопросу о путях передачи так называемой безэквивалентной лексики.)

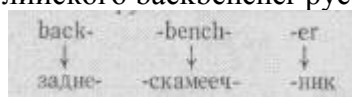
Говоря о случаях типа speaker — *спикер*, dancing (hall) - *дансинг*, lady — *леди* и пр., мы можем сомневаться, правомерно ли говорить здесь о переводе на уровне фонем. Действительно, поскольку слова типа *спикер*, *дансинг*, *леди* и пр. вошли в состав лексикона русского языка (то есть, являются узуральными эквивалентами соответствующих английских слов), с точки зрения переводчика, здесь выбор соответствия происходит на уровне слов: переводчик подбирает единицам английского текста словарные эквиваленты вне зависимости от того, передают они или нет произношение (или написание) исходного английского слова. Лишь тогда, когда переводчик, в силу отсутствия «готового» соответствия, вынужден сам создавать «окациональный переводческий эквивалент» и прибегать к транскрипции, подыскивая русские соответствия каждой фонеме исходного слова, единицей перевода для него выступает именно фонема. Однако необходимо иметь в виду, во-первых то

обстоятельство, что между эквивалентами «узуальными» и «оказиональными» (то есть языковыми и речевыми) нет строгой и определенной границы; во-вторых, что понятие «процесс перевода» мы трактуем исключительно в лингвистическом смысле (см. § 1): как определенное межъязыковое преобразование или трансформацию текста на ИЯ в текст на ПЯ, безотносительно к психолингвистической стороне этого процесса, то есть к деятельности самого переводчика. Поэтому в случаях типа *speaker* — *спикер*, *lady* — *леди* и пр., где для переводчика эквивалентность устанавливается фактически на уровне слов, лингвистическая теория перевода усматривает отношение между единицами ИЯ и ПЯ на уровне фонем, поскольку каждой фонеме исходной формы может быть найдено соответствие в форме ПЯ, стало быть, согласно нашему определению единицы перевода, таковой здесь является именно фонема. Сказанное относится к аналогичным случаям и на других уровнях языковой иерархии: так, перевод *backbencher* как *заднескамеечник* или *the Mouse of Commons* как *палата общин* мы трактуем, соответственно, как перевод на уровне морфем и слов, хотя для переводчика, если

178

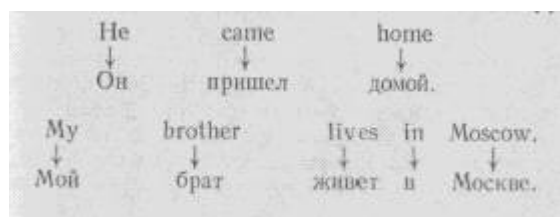
он пользуется готовыми соответствиями, в первом случае единицей перевода оказывается слово, а во втором – словосочетание. Конечно, переводчику отнюдь не безразлично, как он переводит те или иные единицы исходного текста — используя уже имеющиеся в его распоряжении готовые языковые соответствия или же создавая их заново для данного конкретного случая; однако для последующей оценки характера переводческой эквивалентности это не играет существенной роли.

§ 44. Перевод на уровне морфем. В некоторых случаях единицей перевода оказывается морфема, то есть каждой морфеме исходного слова соответствует определенная морфема в соответствующем слове ПЯ. Например, такие поморфемные соответствия можно установить для пары английского *tables* — русского *столы*, где корню исходного слова *table-* соответствует корень русского *стол-*, а морфеме множественного числа *-s* — морфема *-ы*. (Правда, русское окончание *-ы*, в отличие от английского *-s*, выражает значение не только числа, но и падежа, но это не нарушает самого принципа поморфемного соответствия.) Такое же поморфемное соответствие наблюдается и при переводе английского *backbencher* русским *заднескамеечник*:

В этих случаях можно говорить о переводе на уровне морфем. Такой перевод — явление еще более редкое, чем (перевод на уровне фонем или графем: морфологическая структура семантически эквивалентных слов в разных языках обычно не совпадает, в особенности, в части грамматических (словоизменяемых и словообразовательных) морфем, набор которых в разных языках различен.

§ 45. Перевод на уровне слов. Гораздо чаще в качестве единицы перевода выступает слово. Вот несколько примеров перевода на уровне слов с английского языка на русский:

179

I	looked	at	her.
↓	↓	↓	↓
Я	посмотрел	на	нее.
Who	told	you	this?
↓	↓	↓	↓
Кто	сказал	вам	это?

В этих и им подобных примерах соответствия устанавливаются на уровне слов, то есть слова выступают в качестве единиц перевода, в то время как поморфемных (и, тем более, фонемных) соответствий здесь установить в целом нельзя (ср. англ. *same*—русск. *при-ше-л*; англ. *home* — русск. *дом-ой* и пр.).

Необходимо иметь в виду, что, говоря о единице перевода, мы имеем в виду **единицы исходного языка**. Поэтому мы говорим о переводе на уровне слов и в тех случаях, когда слову в ИЯ соответствует не одно, а несколько слов (или целое словосочетание) в ПЯ. Ср., например:

...Jane and her mother were sort of **snubbing** her. (J. Salinger, *The Catcher in the Rye*, 11)

...Джейн и ее мать **относятся** к ней **свысока**.

Английскому глаголу *snub* соответствует русское словосочетание *относиться свысока*; однако мы рассматриваем это как случай перевода на уровне слов, поскольку единицей исходного языка, которой может быть найдено соответствие в тексте на ПЯ, является здесь слово. В такого рода случаях (которые встречаются нередко) можно говорить о **разноуровневых соответствиях**, имея в виду, что единица перевода в ИЯ передается в ПЯ единицей, относящейся к иному (обычно более высокому, хотя возможен и обратный случай) уровню. В тех же случаях, когда единица перевода в ИЯ и ее эквивалент в ПЯ лежат на одном и том же уровне языковой иерархии, можно говорить об **одноуровневых соответствиях** (напр., морфеме в ИЯ соответствует морфема в ПЯ, слову в ИЯ — слово в ПЯ и т. д.).

Перевод на уровне слов («пословный») встречается гораздо чаще, чем перевод фонемный и поморфемный, однако и он ограничен в сфере применения. Как правило, в предложении лишь часть слов получает при переводе пословные соответствия, в то время как остальные слова таких соответствий не имеют, и перевод остальной части предложения осуществляется на более высоком уровне — на уровне

180

словосочетаний. Лишь в немногочисленных случаях все предложение в целом переводится на уровне слов; обычно это крайне простые и элементарные по структуре предложения вроде приведенных выше. Редкий пример пословного перевода относительно сложного по структуре предложения приводится в книге Т.Р. Левицкой и А.М. Фитерман «Теория и практика перевода с английского языка на русский» (с. 17):

The Soviet proposal is an endeavour to create an atmosphere which will lead to further negotiations between the former allies and between the two German Governments.

Советское предложение является попыткой создать атмосферу, которая приведет к дальнейшим переговорам между бывшими союзниками и между обоими германскими правительствами.

Однако и здесь в русском предложении, в соответствии с грамматической структурой русского языка, нет эквивалентов английским артиклям, а такие служебные слова, как показатель инфинитива *to* и вспомогательный глагол *will*, передаются в русском тексте не словами, а морфемами (формы инфинитива и будущего времени).

Как правило, при переводе предложений более или менее сложной структуры разного рода грамматические и лексические факторы делают перевод на уровне слов невозможным или сводят его применение к минимуму.

§ 46. Перевод на уровне словосочетаний. Наиболее ярким примером такого перевода является перевод идиоматических или устойчивых (фразеологических) словосочетаний. Их значение, как известно, не равняется сумме значений их компонентов, то есть слов, в силу чего пословный перевод таких словосочетаний оказывается в большинстве случаев невозможным, и в качестве единицы перевода выступает все словосочетание в целом. Напр., англ. to catch fire – русск. *загореться*; англ. first night — русск. *преьера*; англ. to come to the wrong shop — русск. *обратиться не по адресу*; англ. to spill the beans — русск. *выдать секрет* или *проболтаться* и пр. Пословный перевод таких сочетаний возможен лишь в тех случаях, когда их «внутренняя форма» в ИЯ и в ПЯ по тем или иным причинам совпадает (ср. англ. to play with fire — русск. *играть с огнем* и т. п.).

181

Не следует, думать, однако, что единицей перевода на уровне словосочетаний могут быть лишь устойчивые или фразеологические сочетания. Нередко такой единицей оказывается словосочетание свободное, значение которого в ИЯ целиком и полностью слагается из суммы значений входящих в него слов. Ср. англ. to come late — русск. *опоздать*; англ. to get dressed — русск. *одеться*; англ. book parcel – русск. *бандероль* и пр. В этих примерах, хотя в составе английского словосочетания каждое слово сохраняет свое основное словарное значение, при переводе на русский язык в качестве единицы перевода выступает все словосочетание в целом. Вот несколько аналогичных примеров из перевода повести Дж. Сэлинджера «Над пропастью во ржи».

I improved her game immensely, though. (11)

Но я ее здорово **натренировал**.

The one with the glasses **made me give back** to her. (15)

Та, что в очках, **отняла** чек у меня.

He always shaved himself twice, **to look gorgeous.** (4)

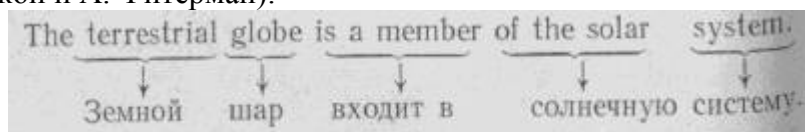
Он всегда бреется по второму разу, **красоту наводит**.

"He's got this superior attitude all the time", Ackley said (3).

- Он всегда **задирает нос**, — говорит Экли.

В этих примерах английские словосочетания (выделенные жирным шрифтом) выступают в качестве единиц перевода, поскольку входящие в них слова, кроме структурно необходимых местоимений в первом и втором примерах, не имеют каких-либо соответствий в русском тексте – соответствие устанавливается на уровне всего словосочетания в целом.

Перевод на уровне словосочетаний — весьма распространенный вид перевода. Как было указано, при переводе чаще всего встречается такой вид соответствий, при котором некоторые слова в исходном предложении передаются пословно, то есть данная часть предложения переводится на уровне слов, а остальная часть — на уровне словосочетаний. Ср., например, следующий случай (пример взят нами из упомянутой выше работы Т. Левицкой и А. Фитерман):

Здесь на уровне слов устанавливаются следующие соответствия: terrestrial — *земной*; globe — *шар*; solar — *сол-*

182

нечную; system — систему. Оборот is a member of переводится на уровне всего словосочетания в целом: *входит в*.

§ 47. Перевод на уровне предложений. В некоторых случаях оказывается, что даже словосочетания не могут служить единицами перевода и что переводческое соответствие может быть установлено только на уровне всего предложения в целом. Опять-таки это часто имеет место тогда, когда переводимые предложения по своему значению являются идиоматическими, то есть их значение не равно сумме значений входящих в них слов и словосочетаний. К числу такого рода предложений относятся пословицы¹; ср. например:

Every dark cloud has a silver lining.

Нет худа без добра.

Birds of a feather flock together.

Рыбак рыбака видит издалека.

Too many cooks spoil the broth.

У семи нянек дитя без глаза.

Как видно из примеров, при такого рода переводе единицей перевода выступает все предложение в целом — значение русского предложения совпадает со значением английского, но внутри самих этих предложений соответствий между словами или словосочетаниями установить нельзя. Таким же путем переводятся, как правило, и другие типы устойчивых «клише» или «формул» — разного рода надписи, сигнальные знаки, дорожные указатели, формулы вежливости и пр., ср., например:

Keep off the grass. — По газонам не ходить.

Wet paint. — Осторожно, окрашено.

Slow, men at work. - Тихий ход, дорожные работы.

Many happy returns of the day. — Поздравляю с днем рождения.

There's a good boy. — Вот умница, (или Вот паинька.)

Приведем несколько примеров перевода на уровне предложения из упомянутой повести Дж. Сэлинджера:

I have to admit it. (3)

Тут ничего не скажешь.

¹ См. главу о переводе пословиц в книге Ю. Катцера и А. Кунина «Письменный перевод с русского языка на английский», М., "Высшая школа», 1964, с. 103—109.

183

Don't even mention them to me. (I)

Терпеть не могу.

...But outside of that I don't care much. (5)

...Но в общем это ерунда.

Обратим внимание, что в исходных английских предложениях нет ничего идиоматического — их значение вполне соответствует сумме значений входящих в них слов; тем не менее, перевод в данном случае осуществляется на уровне всего предложения в целом, которое выступает как одна неделимая единица перевода.

§ 48. Перевод на уровне текста. Наконец, имеют место и такие случаи, когда даже предложения не могут служить единицами перевода и когда такой единицей оказывается весь переводимый текст в целом, то есть вся группа самостоятельных предложений, объединенных в пределах одного речевого отрезка. Такое явление в прозе, видимо, является редким исключением; однако в таком специфическом виде перевода как перевод поэзии оно является вполне обычным. Приведем только один пример — сравним 49 сонет

Шекспира в подлиннике и в переводе С. Маршака:

Against that time, if ever that time come,
When I shall see thee frown on my defects,
When as thy love hath cast his utmost sum,
Call'd to that audit by advis'd respects;
Against that time when thou shalt strangely pass
And scarcely greet me with that sun, thine eye,
When love, converted from the thing it was,
Shall reasons find of settled gravity –
Against that time do I ensconce me here
Within the knowledge of mine own desert,
And this my hand against myself uprear,
To guard the lawful reasons on thy part:

To leave poor me thou hast the strength of laws,
Since why to love I can allege no cause.

В тот черный день (пусть он минует нас!),
Когда увидишь все мои пороки,
Когда терпенья истощишь запас
И мне объявишь приговор жестокий,
184

Когда, со мной сойдясь в толпе людской,
Меня едва подаришь взглядом ясным,
И я увижу холод и покой
В твоём лице, по-прежнему прекрасном,

В тот день поможет горю моему
Сознание, что я тебя не стою,
И руку я в присяге подниму,
Все оправдав своей неправотою.

Меня оставить вправе ты, мой друг,
А у меня для счастья нет заслуг.

Здесь между исходным текстом и текстом перевода нельзя установить соответствий ни на уровне отдельных слов (за исключением, разве, *defects* — *пороки*, *hand* — *руку* и *leave* — *оставить*), ни на уровне словосочетаний, ни даже на уровне предложений, ибо ни одно предложение русского текста, взятое изолированно, вне данного контекста не может считаться эквивалентным по значению предложениям английского текста. Единицей перевода здесь является весь переводимый текст в целом: несмотря на отсутствие соответствий между их частями, русское стихотворение в целом может считаться эквивалентным английскому, ибо оба они передают, в основном, одну и ту же смысловую и художественную информацию.¹

Итак, мы видим, что единицей перевода может быть, по сути дела, единица любого языкового уровня — от фонемы до текста в целом. При этом особенно важно подчеркнуть, что на протяжении одного и того же текста единица перевода, как правило, постоянно меняется — ею оказывается то слово, то словосочетание, то целое предложение и пр. Одна из основных трудностей перевода заключается именно в умении в каждом

конкретном случае отыскать единицу перевода, которая может лежать на любом уровне языковой иерархии.

§ 49. Понятие «уровня перевода» может быть, по нашему мнению, связано с распространенными в теории перевода понятиями «эквивалентного» (иначе — «адекватного»), «бук-

¹ Здесь мы воздерживаемся от оценочных суждений в отношении качества перевода и его близости подлиннику.

185

вального» и «вольного» перевода. Вообще говоря, понятие переводческой эквивалентности («адекватности»), также как и буквализма и переводческой вольности, не сводится, видимо, исключительно к вопросу о выборе надлежащей единицы перевода на том или ином языковом уровне; однако для качественной характеристики перевода решающее значение, очевидно, имеет правильный выбор этой единицы в каждом конкретном случае на требуемом уровне языковой иерархии.

а) Перевод, осуществляемый на уровне, необходимом и достаточном для передачи неизменного плана содержания при соблюдении норм ПЯ, является переводом **эквивалентным**. Все приведенные выше примеры перевода на разных языковых уровнях были примерами эквивалентного перевода — единица перевода во всех этих случаях была выбрана на уровне, необходимом и достаточном для полной передачи всей информации, заключенной в тексте подлинника (отвлекаясь от возможных потерь, вызванных причинами, неустранимыми по своему существу, о чем речь шла выше), при условии соблюдения всех грамматических, лексических и стилистико-прагматических норм переводящего языка.

б) Перевод, осуществляемый на более низком уровне, чем тот, который необходим для передачи неизменного плана содержания при соблюдении норм ПЯ, оказывается переводом **буквальным**. Так, если английское словосочетание *is a member* (в приведенном выше предложении *The terrestrial globe is a member of the solar system*) перевести как *является членом*, то такой перевод будет буквальным, ибо для правильной передачи значения этого словосочетания, при соблюдении лексических норм русского языка, требуется перевод на более высоком уровне — на уровне словосочетания (*входит в*). Точно также, если английское предложение (предупредительную надпись) *Keep off the grass* перевести как *Держитесь прочь от травы*, то это и будет буквальным переводом — единицей перевода оказываются здесь слова, в то время как для правильной передачи смысла при соблюдении норм русского языка здесь необходим перевод на уровне предложения: *По газонам не ходить*.

Следует подчеркнуть, что буквальный перевод недопустим, ибо, как вытекает из его определения, при такого вида переводе либо искажается содержащаяся в исходном тексте информация, либо нарушаются нормы ПЯ, либо, наконец, имеет место и то и другое. По-

186

этому случаи буквального перевода, встречающиеся в переводческой практике, следует рассматривать как ошибку переводчика (сколь бы «типичной», распространенной ни была такая ошибка). Приведем несколько примеров:

...Не может быть ничего опаснее, чем нарушение «**деликатного баланса сил**», на котором держится мир в Европе. («Правда», 27.XI.72; цитата из английской газеты «Дейли телеграф»).

Здесь английское выражение *a delicate balance* переведено как *деликатный баланс*. Перевод здесь осуществлен на уровне слов, в то время как требуется перевод на уровне словосочетания — *неустойчивое равновесие*, что по смыслу точно совпадает с исходным английским выражением.

Такой же буквалистской ошибкой является широко распространенный перевод английского cold-blooded murder как *хладнокровное убийство* — такой перевод является поморфемным: cold- *хладно-*, -blood *кров-*, -ed — *н-*, в то время как для правильной передачи значения этого слова требуется перевод на уровне всего слова в целом, а не его морфем — *зверское убийство*.

В упоминавшейся нами статье «Ложный принцип и неприемлемые результаты» И.А. Кашкип приводит большое количество примеров буквального перевода, которыми изобиловали русские переводы Диккенса, выполненные в 30-е годы под руководством Е. Ланна. Так, английское sweet pea в этих переводах передано как *сладкий горошек*; это - типичный буквализм, так как здесь на уровне слов переводится словосочетание идиоматического характера, значение которого не равно сумме значений составляющих его слов. Правильный перевод здесь должен быть — *душистый горошек*, то есть единицей перевода должно выступать все слово-сочетание в целом. Другой такой пример: a regular ass переводчики передают как *регулярный осел*, то есть, опять-таки, переводят на уровне слов, тогда как эквивалентный перевод должен осуществляться на уровне словосочетания: *круглый дурак*.¹

в) Перевод, осуществленный на более высоком уровне, чем тот, который достаточен для передачи неизменного плана содержания при соблюдении норм ПЯ, явля-

¹ Другие примеры буквализмов в переводе произведений английской художественной литературы см. в упомянутой книге Н. Галь «Слово живое и мертвое», с. 32—33.

187

ется **вольным**. Вот несколько примеров такого рода перевода из повести Дж. Сэлинджера «Над пропастью во ржи» в переводе Р. Райт-Ковалевой.

Some things are hard to remember. (6)

Бывает, что нипочем не можешь вспомнить, как все было.

I was too depressed to care whether I had a good view or not. (9)

Когда настроение скверное, не все ли равно, что там за окошком.

I'm not kidding, some of these very stupid girls can really knock you out on a dance floor. (10)

Знаете, иногда она — дура, а танцует, как бог.

"I'm lonesome as hell." (19)

Меня тоска заела.

Примерами вольного перевода изобилует выполненный Н. Галь и Р. Облонской перевод повести Х. Ли «Убить пересмешника...». Ср.:

He was difficult to live with, inconsistent, moody. His appetite was appalling, and he told me so many times to stop pestering him. (12)

С ним стало трудно ужиться, то он злился, то дулся, настроение у него менялось пятнадцать раз на день. Ел он много и жадно, даже смотреть было страшно, и все огрызался — не приставай ко мне.

Во всех приведенных случаях перевод осуществляется на уровне предложений, то есть исходные английские предложения передаются как неделимые единицы, тогда как их вполне можно было бы перевести, как говорят, «ближе и тексту», то есть на уровне словосочетаний и даже отдельных слов.

Нетрудно заметить, что вольный перевод в целом более приемлем, чем буквальный — при вольном переводе, как правило, не имеют места ни смысловые искажения, ни нарушения норм ПЯ. Недостатком вольного перевода, однако, является то, что при нем значение исходного текста передается не вполне точно — происходит слишком большая потеря информации ввиду того, что исходный текст подвергается слишком глубоким преобразованиям там, где их можно было избежать. При этом всегда есть опасность

перейти ту неуловимую грань, где вольный перевод перерастет в «отсебятину». Даже в вышеприведенных переводах, выпол-

188

ненных опытными мастерами, имеет место некоторое изменение передаваемого смысла по сравнению с исходным текстом; например, во втором примере в подлиннике речь идет лишь о душевном состоянии автора повествования, в то время как в русском переводе получается обобщение (сказанное относится не только к герою повести, но и к любому лицу вообще). У менее опытных переводчиков подобные смысловые отклонения при вольном переводе еще более заметны.

Разумеется, тезис о предпочтительности вольного перевода буквальному не является абсолютным — следует также принимать во внимание и жанровую характеристику подлинника. Если при переводе художественной литературы вольный перевод вполне терпим и встречается нередко, то при переводе текстов официальных, юридических и дипломатических вольный перевод совершенно недопустим.

В любом случае при переводе текстов всех типов и жанров тем видом перевода, к которому должен стремиться переводчик, является перевод эквивалентный. На практике, однако, квалификация того или иного перевода как «эквивалентного» или «неэквивалентного» (если иметь в виду перевод достаточно длинных отрезков текста) вряд ли может быть осуществлена с прямолинейной категоричностью. Правильнее будет говорить о разной степени эквивалентности перевода, о большем или меньшем его приближении к «полностью эквивалентному», который фактически оказывается скорее неким идеалом, чем реальностью.

Вопросу о путях и способах достижения эквивалентности перевода посвящена следующая глава нашего исследования.

189

Глава пятая

ПЕРЕВОДЧЕСКИЕ ТРАНСФОРМАЦИИ

§ 50. Предыдущие главы были посвящены преимущественно описанию расхождений между системами двух языков (ИЯ и ПЯ) и их влияний на процесс перевода. Между тем мы подчеркивали неоднократно, что объектом перевода является не система языка как некая абстракция, а конкретное речевое произведение (текст подлинника), на основе которого создается другое речевое произведение на другом языке (текст перевода). Достижение переводческой эквивалентности («адекватности перевода»), вопреки расхождениям в формальных и семантических системах двух языков, требует от переводчика прежде всего умения произвести многочисленные и качественно разнообразные межъязыковые преобразования — так называемые **переводческие трансформации** — с тем, чтобы текст перевода с максимально возможной полнотой передавал всю информацию, заключенную в исходном тексте, при строгом соблюдении норм ПЯ. О том, в каком смысле следует понимать термин «преобразование» или «трансформация», мы уже говорили в самом начале нашего исследования (§ 1).

В целях удобства описания все виды преобразований или трансформаций, осуществляемых в процессе перевода, можно свести к четырем элементарным типам, а именно:

1. **перестановки;**
2. **замены;**
3. **добавления;**
4. **опущения.**

С самого начала следует подчеркнуть, что такого рода деление является в значительной мере приблизительным и условным. Во-первых, в целом ряде случаев то или иное преобразование можно с одинаковым успехом трактовать и

как один, и как другой вид элементарной трансформации. Например, типичная в случае перевода с английского языка на русский замена союзной связи предложений бессоюзием может с одинаковым основанием быть охарактеризована и как замена (один вид синтаксической связи заменяется другим), и как опущение (поскольку при этом происходит опущение союза, имеющегося в тексте на ИЯ). Во-вторых, что самое главное, эти четыре типа элементарных переводческих трансформаций на практике «в чистом виде» встречаются редко — обычно они, как будет видно из приводимых ниже примеров, сочетаются друг с другом, принимая характер сложных, «комплексных» трансформаций. С этими оговорками мы приступаем к рассмотрению выделенных нами четырех типов трансформаций, осуществляемых в процессе перевода.

1. Перестановки

§ 51. Перестановка как вид переводческой трансформации — это изменение расположения (порядка следования) языковых элементов в тексте перевода по сравнению с текстом подлинника. Элементами, могущими подвергаться перестановке, являются обычно слова, словосочетания, части сложного предложения (clauses) и самостоятельные предложения в строе текста.

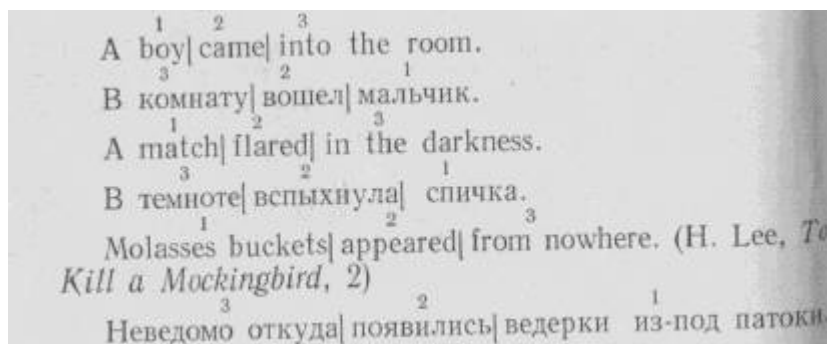
Наиболее обыкновенный случай в процессе перевода — это изменение **порядка слов и словосочетаний в структуре предложения**. Известно, что словопорядок в английском и русском языках неодинаков; это, естественно, не может не сказываться в ходе перевода. Ср. следующий пример:

1	2	3	4
A	suburban	train	was derailed near London last night.
4	3	2	1
Вчера	вечером	вблизи Лондона сошел с рельс пригородный поезд.	

(Цифрами 1, 2, 3, 4 обозначены основные члены предложения — подлежащее, сказуемое, обстоятельство места и обстоятельство времени, соответственно.) В этом примере порядок следования компонентов русского предложения в определенном смысле «прямо противоположен» порядку следования компонентов исходного английского предложения. Явление это, довольно частое при переводе, объясняется тем, что в английском предложении порядок следования его членов определяется правилами синтаксиса — подлежа-

191

щее (в предложениях без инверсии, которая встречается в ограниченном числе предложений и всегда структурно и функционально мотивирована) предшествует сказуемому, обстоятельства же располагаются обычно в конце предложения, после сказуемого (и дополнения, если таковое имеется), причем обстоятельство места обычно предшествует обстоятельству времени (это последнее нередко располагается также в начале предложения, перед подлежащим — **Last night** a suburban train was derailed near London). Что касается русского языка, в нем порядок слов в структуре предложения, как известно, определяется не синтаксической функцией слов (эта последняя достаточно четко обозначается морфологическими показателями), а тем, что известно под названием «коммуникативного членения предложения» (см. выше, § 28). В конце предложения, как правило (при неэмфатической интонации), ставится «новое», то есть слова, несущие в себе впервые сообщаемую в данном предложении информацию (в нашем примере, *сошел с рельс пригородный поезд*). Второстепенные же элементы — обстоятельства, обозначающие время и место действия, — располагаются обычно в начале предложения (за исключением тех случаев, когда они сами оказываются «новым», то есть когда на них приходится смысловой центр сообщения). Ср. другие аналогичные примеры:¹

Коммуникативное членение предложения – отнюдь не единственный фактор, определяющий выбор того или иного порядка слов в предложении при переводе. Изменение словоупорядка в процессе перевода может вызываться и другими причинами. В большинстве случаев оно сопровождается

¹ В английских предложениях «новое» здесь выделено не порядком слов, а неопределенным артиклем (см. Ю. Катцер и В. Кунин, Указ, соч., с. 27).

192

трансформациями и иного характера, в частности, заменами, примеры которых будут даны ниже.

Иногда в процессе перевода наблюдается перестановка того или иного слова из одного предложения в другое, как, например, в нижеследующем случае:

...I put on this hat that I'd bought in New York that morning. It was this **red** hunting hat, with one of those very, very long peaks. (J. Salinger, *The Catcher in the Rye*, 3)

Я... надел **красную** шапку, которую утром купил в Нью-Йорке. Это была охотничья шапка, с очень-очень длинным козырьком.

Возможность такого переноса здесь обуславливается повторением существительного *шапка*, к которому относится переставляемое прилагательное *красная*, в двух смежных предложениях.

При переводе нередко имеет место также **явление изменения порядка следования частей сложного предложения** (clauses) — главного и придаточного предложения. См., например:

If he ever gets married, his own wife'll probably call him "Ackley". (J. Salinger, *The Catcher in the Rye*, 3).

Наверное, и жена будет звать его «Экли» — если только он когда-нибудь женится.

В английском тексте придаточное предложение предшествует главному, в русском же переводе — наоборот, главное предшествует придаточному. Встречаются и противоположные случаи. В следующих двух примерах в английском предложении главное предшествует придаточному, в русском же переводе порядок следования предложений меняется и одновременно сложноподчиненное предложение заменяется на сложносочиненное, то есть перестановка сопровождается характерной для перевода с английского языка на русский заменой типа синтаксической связи (см. ниже в разделе «Замены»):

The silver saucer clattered **when** he replaced the pitcher. (H. Lee, *To Kill a Mockingbird*, 3)

Он быстро поставил кувшин, **даже** серебряная подставка звякнула.

He took another look at my hat **while** he was cleaning them. (J. Salinger, *The Catcher in the Rye*, 3)

Он их чистил, а сам смотрел на мою шапку.

Наконец, как было указано, перестановке могут подвергаться и **самостоятельные предложения в строе текста**. В качестве примера рассмотрим нижеследующий:

"You gain' to court this morning?" asked Jem. We had strolled over. (H. Lee, *To Kill a Mockingbird*, 16)

Мы подошли к ее забору.¹ — Вы в суд пойдете? спросил Джим.

Здесь необходимость перестановки вызвана тем, что форма Past Perfect во втором предложении английского текста выражает значение предшествования данного действия действию, обозначаемому в первом предложении. Поскольку русская форма *подошли* не выражает этого значения, сохранение исходного порядка следования предложений в переводе привело бы к смысловому искажению (действие, обозначаемое глаголом *подошли*, воспринималось бы как последующее, а не предшествующее действию, обозначаемому глаголом *спросил*), отсюда необходимость перестановки предложений. (Ср. иной способ передачи в русском языке грамматического значения английской формы Past Perfect — лексические добавления типа *прежде, раньше* и пр., описанные выше в § 37.)

Перестановки как вид переводческой трансформации встречаются весьма часто, однако, обычно они сочетаются с разного рода грамматическими и лексическими заменами, о которых речь пойдет в следующем разделе.

2. Замены

§ 52. Замены — наиболее распространенный и многообразный вид переводческой трансформации. В процессе перевода замене могут подвергаться как грамматические единицы — формы слов, части речи, члены предложения, типы синтаксической связи и др. — так и лексические, в связи с чем можно говорить о грамматических и лексических заменах. Кроме того, замене могут подвергаться не только отдельные единицы, но и целые конструкции (так называемые комплексные лексико-грамматические замены), примеры чего будут даны ниже.

¹ Здесь передача *strolled over* как *подошли к ее забору* является примером контекстуальной конкретизации, о которой речь пойдёт ниже.

а) Замены форм слова

Примеры замен в процессе перевода грамматических форм слова (словоформ) — числа у существительных, времени у глаголов и др. — были приведены выше (см. §§ 36 и 38, гл. 3).

б) Замены частей речи

Этот тип замены является весьма распространенным. Простейший вид его — так называемая «прономинализация», или замена существительного местоимением, примером чего служит нижеследующий отрывок:

Сначала он висел в комнате деда, но скоро дед изгнал его к нам на чердак, потому что **скворец**, научился дразнить **дедушку...** (М. Горький, *Детство*, VII)

At first the bird hung in my grandfather's room, but soon he outlawed it to our attic, because **it** began to imitate **him...**

Встречается и обратная замена местоимения существительным, как например:

I took possession of his effects after his death', I explained. '**They** were done up in a parcel and I was directed to give them to you.' (S. Maugham, *A Casual Affair*)

- Все, что осталось от него после смерти, отдали мне,— объяснил я. — **Письма и портсигар** были связаны в пакет. На нем было написано: передать **леди Кастеллан**, лично, (пер. М. Литвиновой)

Здесь конкретизация местоимений *they* и *you* осуществляется на основе данных широкого контекста; ср. несколькими страницами выше:

I took the parcel... Inside was another wrapping, and on this, in a neat, well-educated writing: ...Please deliver personally to the Viscountess Kastellan ... The first thing I found was a gold and platinum **cigarette case**... Besides the cigarette-case there was nothing but a bundle of **letters**.

Таким образом, здесь мы имеем еще один пример установления семантической эквивалентности на уровне всего переводимого текста в целом, выражающегося в перераспреде-

195

нии семантических элементов между отдельными предложениями текста на ИЯ и на ПЯ (см. выше § 3, 4).

Весьма типичной заменой при переводе с английского языка на русский является замена отглагольного существительного на глагол в личной форме. Вот примеры такого рода замены:

He had one of those very piercing **whistles** that was practically never in tune... (J. Salinger, *The Catcher in the Rye*, 4)

Свистел он ужасно пронзительно и всегда фальшивое

(Здесь, как и в других последующих примерах, замена существительного глаголом требует также замены прилагательного, определяющего существительное, на наречие: *piercing* — *пронзительно*.)

It is our **hope** that the Human Rights Commission will be able to establish a presence in Guyana. ("The Canadian Tribune", 21.III.73)

Мы **надеемся**, что Комиссия по правам человеку сможет послать своих представителей в Гайану.

(Здесь замена базируется на тождественности глубинной структуры номинализированной группы *our hope* и предложения *мы надеемся*; см. выше, § 39 и приведенный в нем пример замены отглагольного существительного *abandonment* личной формой глагола *оставила*.)

Закономерной и обычной является замена при переводе английского отглагольного существительного — имени деятеля (обычно с суффиксом *-er*) на русскую личную форму глагола.¹ Такого рода примеры встречаются очень часто:

"Oh, I'm no **dancer**, but I like watching her dance." (G. Greene, *The Quiet American*, p. I, Ch. III)

- А я ведь не **танцую**, я только люблю смотреть, как она танцует, (пер. Р. Райт-Ковалевой и С. Митиной)

I'm quite a heavy **smoker**, for one thing... (J. Salinger, *The Catcher In the Rye*, I)

Во-первых, я **курю**, как паровоз...

I'm a very rapid **packer**. (ib., 7)

Я очень быстро **укладываюсь**.

...He's not a terribly good **mixer**. (ib., 8)

¹ См. М. М. Фалькович. Возможные направления сопоставительных лексических исследований. «Иностранные языки в школе», 1973, № 1, с. 19—20.

196

...Он не очень **сходится** с людьми.

I am a very good **golfer**. (ib., 11)

Я очень хорошо **играю в гольф**...

I'm a very light **eater**. (ib., 15)

Я очень мало ем.

The funny part was, though, we were the worst **skaters** on the whole goddam rink.

(ib., 17)

Но самое смешное, что на всем этом проклятом катке мы **катались** хуже всех.

Naturally, I never told him I thought he was a terrific **whistler**. (ib., 17)

Конечно, я ему никогда не говорил, что он замечательно **свистит**.

...He was a pretty heavy **drinker**. (ib., 24)

Он... пил как лошадь.

Встречаются случаи замен и других частей речи. Довольно обычной является замена прилагательного (чаще всего образованного от географического названия) на существительное:

Australian prosperity was followed by a slump.¹

За экономическим процветанием **Австралии** последовал кризис.

Ср. также the **British** Government — *правительство Англии*; the **American** decision — *решение США*; the **Congolese** Embassy — *посольство Конго* и пр. (Замена везде сопровождается, согласно правилам русской грамматики, перестановкой определения из препозиции в постпозицию к определяемому слову.)

Английские прилагательные в форме сравнительной степени могут при переводе на русский язык заменяться отглагольными существительными со значением увеличения или уменьшения объема, размера или степени (типа *увеличение, уменьшение, повышение, понижение, сокращение* и пр.²), например:

The stoppage, which is in support of **higher** pay and **shorter** working hours, began on Monday.

¹ Пример заимствован из пособия Т.Р. Левицкой и А.М. Фитерман «Теория и практика перевода с английского языка на русский», с. 62, где имеются и другие примеры такой замены.

² См. Ю. Катцер, А. Куни н. Указ, соч., с. 73.

197

Забастовка, участники которой требуют **повышения** заработной платы и **сокращения** рабочего дня, началась в понедельник.

Прилагательные при переводе могут также заменяться группой «предлог + существительное», выступающей в атрибутивной функции, как например:

You always got these very **lumpy** mashed potatoes... (J. Salinger, *The Catcher in the Rye*, 5)

К ним всегда подавали картофельное пюре **с комками**.

Прилагательное в предикативной функции (с глаголом-связкой *be* или другим) часто заменяется глаголом: to be glad — *радоваться*, to be angry — *сердиться*, to be silent — *молчать* и пр., например:

...I was really **glad** to see him. (ib., 4)

...Я ему **обрадовался**.

He was too **conceited**, (ib., 4)

Слишком он **воображает**.

При переводе имеют место и другие типы замен частей речи, причем часто они сопровождаются также заменой членов предложения, то есть перестройкой синтаксической структуры предложения.

в) Замены членов предложения
(перестройка синтаксической структуры предложения) -

При замене членов предложения слова и группы слов в тексте перевода употребляются в иных синтаксических функциях, чем их соответствия в тексте подлинника – иначе говоря, происходит перестройка («переструктурирование») синтаксической схемы построения предложения. Причины такого рода перестройки могут быть различными. Чаще всего она вызывается необходимостью передачи «коммуникативного членения» предложения, о котором речь шла в предшествующих разделах.¹ Мы уже отмечали, что в русском предложении порядок слов определяется почти исключительно факторами, связанными с «коммуникативным членением» — «новое», то есть слово или группа слов, несущие впервые сообщаемую информацию, ставятся (в неэмфатической речи) в конце предложения, а «данное» -

¹ Подробно этот вопрос разработан в упомянутой выше диссертационной работе Л.А. Черняховской применительно к переводу с русского языка на английский.

198

слово или группа слов, которые несут информацию уже известную (обычно из предшествующего контекста) — в начале предложения. Что касается английского языка, то в нём порядок слов в предложении, как было сказано, определяется, прежде всего, факторами синтаксическими, то есть функцией того или иного слова как члена предложения: подлежащее в подавляющем большинстве случаев предшествует сказуемому, дополнение же следует за сказуемым.

С другой стороны, в английском предложении господствует, в целом, тот же порядок расположения элементов «коммуникативного членения» (данного и нового), что и в русском, за исключением того случая, когда «новым» является подлежащее-существительное с неопределённым артиклем (примеры чего были даны в § 51), в английском предложении господствует порядок «данное — новое». Это достигается, в основном, приведением синтаксической схемы английского предложения в соответствие с его коммуникативным членением: «данным» в предложении оказывается в подавляющем большинстве случаев подлежащее, а «новым» — «группа сказуемого или какой-нибудь из членов группы сказуемого (напр., дополнение). Это вызывает необходимость синтаксической перестройки предложения при его переводе на русский язык — английское подлежащее заменяется каким-либо второстепенным членом (дополнением или обстоятельством), стоящим (в качестве «данного») на первом месте, а один из второстепенных членов группы сказуемого английского предложения (дополнение или, реже, предикативный член при глаголе-связке) становится подлежащим русского предложения. Часто это требует также и соответствующей замены глагола-сказуемого.

Самый обычный пример такого рода синтаксической перестройки — замена английской пассивной конструкции русской активной, при которой английскому подлежащему в русском предложении соответствует дополнение, стоящее в начале предложения (как «данное»); подлежащим в русском предложении становится слово, соответствующее английскому дополнению с *by* или же подлежащее вообще отсутствует (так называемая «неопределённо-личная» конструкция); форма страдательного залога английского глагола заменяется формой действительного залога русского глагола. Ср., например:

He was met by his sister.

Его встретила сестра.

199

He was given money.

Ему дали денег.

I was offered another post.

Мне предложили новую должность.

Visitors are requested to leave their coats in the cloakroom.

Посетителей просят оставлять верхнюю одежду в гардеробе.

The door was opened by a middle-aged Chinese woman... (S. Maugham, *A Casual Affair*)

Дверь нам отворила немолодая китайка.

Такого рода трансформации («пассив → актив») встречаются весьма часто и описываются во многих грамматиках английского языка, предназначенных для русских.¹ Как и другие трансформации, описываемые в этом разделе, они являются «обратимыми», то есть при переводе с русского языка на английский в соответствующих случаях применяется «противоположно направленная» трансформация «актив" → "пассив».

Довольно обычными (хотя они и не описываются в нормативных грамматиках) являются также случаи, когда подлежащее английского предложения при переводе на русский заменяется обстоятельством. Часто эта трансформация производится при наличии в английском предложении подлежащего-существительного или субстантивного словосочетания со значением времени; в русском предложении оно заменяется обстоятельством времени, а подлежащим становится слово или словосочетание, являющееся эквивалентом дополнения английского предложения. Эта трансформация требует также замены переходного глагола английского предложения непереходным глаголом (или, реже, глаголом в форме страдательного залога) в русском предложении. Ср. следующие примеры:

The last week has seen an intensification of the diplomatic activity...

В течение истекшей недели имела место активизация дипломатической деятельности... (или: На прошлой неделе наблюдалась...)

The eight years from 1963 through 1970 saw the publication of eight relatively full treatments of the subject. ("Language", v. 48, No 4)

¹ См., напр., Л.С. Бархударов и Д.А. Штелинг. Грамматика английского языка, §§ 229, 232—234.

200

За восемь лет, с 1963 по 1970, было опубликовано восемь работ, дающих относительно исчерпывающее освещение этой проблемы.

Такой оборот с глаголом see (лишенным конкретно-лексического значения и обозначающим здесь лишь сам факт наличия, бытия того или иного события или явления) весьма типичен для языка английской прессы; ср.: 1973 saw... - В 1973 г...; The next week will see... — На следующей неделе...; Tonight sees... — Сегодня вечером и т. д. В функции дополнения к глаголу see обычно употребляется существительное отглагольного характера типа publication, beginning, renewal, performance и пр., которое в русском переводе трансформируется в глагол-сказуемое: было опубликовано, началось, возобновилось, было исполнено и пр.

Аналогичная трансформация имеет место и в других случаях, когда английское подлежащее («данное»), стоящее в начале предложения, выражает те или иные обстоятельственные значения. Так, нередко в русском переводе английское подлежащее заменяется на обстоятельство м е с т а :

The little town of Clay Cross today witnessed a massive demonstration... ("Morning Star", 4.XII.72)

Сегодня в небольшом городке Клей-Кросс состоялась массовая демонстрация...

...the room was too damn hot. (J. Salinger, *The Catcher in the Rye*, 3)

В комнате стояла страшная жара...

В последнем примере имеет место также замена частей речи — трансформация прилагательного hot в существительное *жара*.

Аналогичная синтаксическая трансформация наблюдается при переводе на русский язык типичных для английской прессы конструкций образца: The communique says... — *В коммюнике говорится...*; The resolution declares... — *В резолюции сказано...*; The note strongly protests... — *В ноте выражается решительный протест...* и т. п. Ср.:

The memorandum accuses the present government with violations which include the rigging of elections... ("The Canadian Tribune", 21.III.73)

В меморандуме нынешнее правительство обвиняется в ряде нарушений законности, в том числе и подтасовке результатов выборов.

201

Такого же типа обороты часто встречаются в текстах научного жанра, например:

Chapter 8 discusses some general considerations with regard to semantic structure. (W. Chafe, *Meaning and the Structure of Language*)

В главе 8 излагаются некоторые общие соображения касательно семантической структуры.

Fig. 50 shows diagrammatically a single-phase induction wattmeter. (М.А. Беляева и др., *Сборник технических текстов на английском языке*)

На рис. 50 изображена схема однофазного индукционного ваттметра.

(Здесь также имеет место замена частей речи — наречия diagrammatically на существительное *схема*.)

Приведем еще несколько примеров замены английского подлежащего русским обстоятельством, характерной для перевода газетно-информационных текстов:

The careful reconstruction of the last years has unearthed many historic treasures. ("Morning Star", 23.III.73)

В ходе проводимой за последние годы тщательной реставрации были обнаружены многочисленные исторические ценности.

Military operations carried out by them in some cases have involved whole divisions, (ib.)

В проводимых ими военных операциях иногда участвовали целые дивизии.

Нередко русское обстоятельство имеет при этом значение причины, как например:

The crash killed 106 people, (*из газет*)

В результате авиационной катастрофы погибло 106 человек.¹

Разумеется, этот тип синтаксической трансформации также является «обратимым», то есть при переводе с русского языка на английский происходит «противоположная» замена обстоятельства подлежащим, сопровождаемая другими требуемыми заменами. Приведем только один пример (большое

¹ Указанный тип переводческих трансформаций описан в статье О. Мешкова «Об одном типе переводческих соответствий», «Тетради переводчика», вып. 9, 1972. с. 45—50.

количество аналогичных примеров приведено в указанной выше диссертации Л.А. Черняховской):

В сундуках у него лежало множество диковинных нарядов... (М. Горький, *Детство*)

His trunks were full of many extraordinary costumes...

Перестройка синтаксической структуры предложения при переводе может быть обусловлена и другими причинами, помимо необходимости передачи коммуникативного членения предложения. Подробное описание этой переводческой трансформации и причин, ее вызывающих, можно найти в существующих пособиях по переводу.¹

Следует иметь в виду, что во многих случаях такого рода перестройка обуславливается соображениями не грамматического, а стилистического порядка. Так, в нижеследующем примере наблюдается одновременная замена как членов предложения, так и частей речи:

After dinner they talked long and quietly. (S. Maugham, *Before the Party*)

После обеда у них был долгий, душевный разговор, (пер. Е. Калашниковой)

Грамматические нормы русского языка вполне допускает здесь сохранение структуры исходного предложения: *После обеда они долго и душевно разговаривали*; однако стилистически гораздо более приемлемым оказывается первый вариант.

г) Синтаксические замены в сложном предложении

В строе сложного предложения наиболее часто наблюдаются следующие виды синтаксических трансформаций: 1) замена простого предложения сложным; 2) замена сложного предложения простым; 3) замена главного предложения придаточным и наоборот; 4) замена подчинения сочинением и наоборот; 5) замена союзного типа связи бессоюзным и наоборот.

¹ См., напр., следующие пособия: В.Н. Комиссаров, Я.И. Рецкер, В.И. Тархов. Пособие по переводу с английского языка на русский. Ч. II; Т.Р. Левицкая, А.М. Фитерман. Пособие по переводу с английского языка на русский. М., Высшая школа», 1973.

Замена простого предложения сложным

Такого рода замена нередко вызывается грамматическими причинами — структурными расхождениями между предложениями ИЯ и ПЯ. Так, при переводе с английского языка на русский эта трансформация часто является необходимой для передачи английских предикативных или «полупредикативных» конструкций с неличными формами глагола, не имеющих прямых соответствий в русском языке; например:

...I like watching **her dance**. (G. Greene, *The Quiet American*, I, III)

...Я люблю смотреть, **как она танцует**.

...I never even once saw **him brush his teeth**. (J. Salinger, *The Catcher in the Rye*,

3)

...Я не видел, **чтобы он чистил зубы**.

...You could see the **teams bashing each other all over the place**, (ib., 1)

...Видно было... **как обе команды гоняют друг дружку из конца в конец**.

...He really felt pretty lousy about **flunking me**. (ib., 2)

...Ему было здорово не по себе оттого, **что он меня провалил**.

В других случаях такие трансформации вызваны стилистическими причинами. Ср. нижеследующий пример:

They looked sort of poor, (ib., 16)
Видно было, **что они довольно бедные.**

Перевод *Они выглядели довольно бедными* возможен, но стилистически более приемлем первый вариант. Ср. также:

...It was the Saturday **of the football game with Saxon Hall**, (ib., 1)
.. Началось это в субботу, **когда шел футбольный матч с Сэксенхоллом.**

В следующем примере комплексная лексико-грамматическая трансформация также вызывается стилистическими причинами:

204

At that moment the door was opened by the maid. (S. Maugham, *Before the Party*)
Дверь отворилась, и заглянула горничная.

Здесь предложение ИЯ подвергается следующим трансформациям в процессе перевода: 1) простое предложение заменяется сложным; 2) подчинение заменяется сочинением; 3) происходит лексико-грамматическая замена: was opened → *отворилась*; 4) предложное дополнение с by заменяется подлежащим; 5) добавляется слово *заглянула*; 6) опускаются слова at that moment. Попытка сохранить исходную конструкцию привела бы к грамматически допустимой, но стилистически малопримемой фразе: *В это мгновение дверь была открыта горничной.* В русском языке пассивная конструкция употребляется намного реже, чем в английском, и имеет иную стилистическую окраску (в английском языке пассив стилистически нейтрален; хотя и более употребителен в книжно-письменной речи; в русском же языке форма страдательного залога почти исключительно ограничена сферой книжно-письменной речи, преимущественно официального и научного жанра).

Особой разновидностью указанной трансформации является соединение двух простых предложений в одно сложное — так называемое **объединение предложений**, как например:

That was a long time ago. It seemed like fifty years ago. (J. Salinger, *The Catcher in the Rye*, 15)

Это было давно — казалось, что прошло лет пятьдесят.

The only thing that worried me was our front door. It creaks like a bastard, (ib., 20)
Одно меня беспокоило — наша парадная дверь скрипит как оголтелая.

Замена сложного предложения простым

Эта трансформация — обратная по сравнению с предыдущей; в качестве иллюстрации приведем следующие примеры:

...I figured I probably wouldn't see him again **till Christmas vacation started.** (J. Salinger, *The Catcher in the Rye*, 1)

...Я сообразил, что **до начала рождественских каникул** я его не увижу.

205

It was pretty nice to get back to my room, **after I left old Spencer...** (ib., 3)

Приятно было **от старика Спенсера** попасть к себе в комнату...

Even though it was so late, old Ernie's was jam-packed, (ib., 12).

Даже в такой поздний час у Эрни было полным-полно.

It was so dark I couldn't see her. (ib., 23)

Я ее в темноте не мог видеть.

Особым видом данной трансформации является так называемое **членение предложения** — разделение одного сложного (реже — простого) предложения на два или более простых. К такой трансформации часто приходится прибегать при переводе английских газетно-информационных сообщений, для которых характерно употребление (особенно в вводном абзаце) длинных предложений с многочисленными придаточными и/или причастными оборотами. Для стиля русской прессы характерно, напротив, стремление к краткости предложений, содержащих информационные материалы. Ср. следующий пример:

In the pamphlet on Chile published by the Communist Party after the coup last September, the CIA plot against the Allende government was exposed and condemned at a time when The Times was publishing articles by apologists for the Chile junta and the Daily Telegraph was sneering; at "those who will soon be manufacturing ingenious theories of CIA involvement". ("Morning Star", 10.IX.74)

В брошюре о положении в Чили, выпущенной коммунистической партией после переворота в сентябре прошлого года, был разоблачен и осужден заговор ЦРУ против правительства Альенде. В то же время «Таймс» публиковала статьи апологетов чилийской хунты, а «Дейли Телеграф» иронизировала над теми, «кто скоро будет фабриковать хитроумные теории о вмешательстве ЦРУ».

(См. также В. Н. Комиссаров, Я.И. Рецкер, В.И. Тархов, Указ, соч., с. 40; Т.Р. Левицкая, А.М. Фитерман, «Теория и практика перевода с английского языка на русский», с. 40.)

Иногда при переводе приходится одновременно прибегать к членению и к объединению предложений. Так, в нижеследующем примере одно предложение подлинника членится на два, причем часть второй составляющей (clause) английс-

206

кого предложения переносится во второе (самостоятельное) предложение русского текста, то есть объединяется с третьей составляющей. Это необходимо для достижения смыслового и синтаксического «равновесия» двух русских предложений:

You couldn't see the grandstand too hot, but you could hear them all yelling, deep and terrific on the Pencey side, because practically the whole school except me was there... (J. Salinger, *The Catcher in the Rye*, 1)

Трибун я как следует разглядеть не мог, только слышал, как там орут. На нашей стороне орали во всю глотку — там собралась вся школа, кроме меня...

Замена главного предложения придаточным и наоборот

В нижеследующем примере придаточное предложение ИЯ заменяется главным в ПЯ, а главное предложение ИЯ — придаточным в ПЯ:

While I was eating my eggs, these two nuns with suitcases and all... came in. (ib., 15)

Я ел яичницу, когда вошли две монахини с чемоданишками и сумками.

Замена подчинения сочинением

Как в английском, так и в русском языке предложения могут соединяться друг с другом как при помощи сочинительной, так и при помощи подчинительной связи. Однако в целом для русского языка, особенно для устно-разговорной речи, более характерно преобладание сочинительных конструкций, в то время как в английском языке

подчинение если не преобладает, то, во всяком случае, встречается чаще, чем в русском. Поэтому при переводе с английского языка на русский часто происходит замена подчинения предложений сочинением. Ср.:

We had strolled to the front yard **where** Dill stood looking down the street at the dreary face of the Radley Place. (H. Lee, *To Kill a Mockingbird*, 4)

Мы поплелись в палисадник, Дилл выглянул на улицу и уставился на мрачный дом Рэдли.

...He had a new father **whose** picture was enclosed... (ib., 12)

У него новый папа — это он спят па карточке...

I didn't sleep too long, **because** I think it was only around ten o'clock when I woke up. I felt pretty hungry

207

as soon as I had a cigarette. (J. Salinger, *The Catcher in the Rye*, 15)

Спал я недолго, кажется, было часов десять, когда я проснулся. Выкурил сигарету и сразу почувствовал, как я проголодался.

(Обратите внимание, что замена подчинения сочинением в большинстве случаев сочетается с заменой союзной связи бессоюзной.)

В следующем примере замена подчинения сочинением сочетается с трансформацией сложного предложения в простое с однородными сказуемыми:

Stradlater kept whistling 'Song of India' **while** he shaved, (ib., 4)

Стрэдлейтер брился и насвистывал «Индийскую песню».

Замена подчинительной связи сочинением (в том числе бессоюзным) может иметь место и в пределах простого предложения, как например:

...I lived in the Ossenburger Memorial Wing of the new dorms, (ib., 3)

...Я жил в корпусе имени Оссенбергера, в новом общежитии.

(См. также примеры замены подчинения предложений сочинением, приведенные в § 51.)

При переводе с русского языка на английский, напротив, сочинительная связь нередко заменяется подчинительной. Приведем два таких примера:

В столике нашел бумажки листочек, а на бумажке написано... (Ф. Достоевский, *Бедные люди*).

Also, on the table I found a scrap of paper **which** had written on it... ("Poor People", *The Modern Library*, N. Y.)

- Убери его, дьявола, убью! (М. Горький, *Детство*, VII)

"Take that devil out of here **before** I kill it!"

Замена союзной связи бессоюзной

И в английском, и в русском языке сочинительная связь может быть выражена как союзным («синдетическим»), так и бессоюзным («асиндетическим») способом; однако опять-

208

таки, для русского языка, особенно для устно-разговорной речи, бессоюзный способ более характерен, чем для английского. Это находит свое отражение в часто наблюдающейся замене союзного типа связи бессоюзным при переводе с английского языка, как например:

So I opened my suitcases **and** took out a clean shirt, and **then** I went in the bathroom **and** washed **and** changed my shirt. (J. Salinger, *The Catcher in the Rye*, 10)

Я открыл чемодан, вынул чистую рубашку, пошел в ванную, вымылся **и** переоделся.

Здесь в английском подлиннике сочинительный («копулятивный») союз *and* употреблен четыре раза, в русском же переводе — только один, при последнем члене перечисления. Ср. также:

After I made the date with old Sally, I got out of bed **and** got dressed **and** packed my bag. (ib., 15)

Договорился с Салли, потом встал, оделся, сложил чемодан.

В этом английском предложении употреблено три союза *after* и дважды *and*), в русском же — ни одного (союз *after* заменен наречием *потом*). Это весьма типичное явление при переводе с английского языка; вот еще примеры:

It was hot as hell **and** the windows were all steamy, (ib., 4)

Жара была адская, все окна запотели.

All you do is make a lot of dough **and** play golf **and** play bridge **and** buy cars **and** drink martinis **and** look like a hot-shot, (ib., 22)

...Будешь просто гнать деньги, играть в гольф, в бридж, покупать машины, пить сухие коктейли **и** ходить этаким франтом.

При переводе с русского на английский, напротив, бессоюзная связь во многих случаях заменяется союзной, как например:

Фирс: И сушеная вишня тогда была мягкая, сочная, сладкая, душистая... (А. Чехов, *Вишневый сад*, I)

The dried cherries were soft **and** juicy **and** sweet **and** sweet-smelling then.

Ср. также пример из той же пьесы, приведенной в § 36.

209

д) Лексические замены

§ 53. При лексических заменах происходит замена отдельных лексических единиц (слов и устойчивых словосочетаний) ИЯ лексическими единицами ПЯ, которые не являются их словарными эквивалентами, то есть, взятые изолированно, имеют иное референциальное значение, нежели передаваемые ими в переводе единицы ИЯ. Чаще всего здесь встречаются три случая - конкретизация, генерализация и замена, основанная на причинно-следственных отношениях (замена следствия причиной и причины следствием).

Конкретизация

Конкретизацией называется замена слова или словосочетания ИЯ с более широким референциальным значением словом или словосочетанием ПЯ с более узким значением. Конкретизация может быть языковой и контекстуальной (речевой). При языковой конкретизации замена слова с широким значением словом с более узким значением обуславливается расхождением в строе двух языков — либо отсутствием в ПЯ лексической единицы, имеющей столь же широкое значение, что и передаваемая единица ИЯ (см. выше, § 19, о «недифференцированности» слов в одном из языков по сравнению с другим), либо расхождением в их стилистических характеристиках, либо

требованиями грамматического порядка (необходимостью синтаксической трансформации предложения, в частности, замены именного сказуемого глагольным, примеры чего будут даны ниже). Так, английское существительное thing, имеющее очень абстрактное значение, почти местоименное (The Shorter Oxford Dictionary определяет его как "an entity of any kind", "that which is or may be in any way an object of perception, knowledge, or thought") переводится путем конкретизации: *вещь, предмет, дело, факт, случай, обстоятельство, произведение, существо* и пр.

Конкретизируются при переводе на русский язык глаголы движения come и go: они, в отличие от русских глаголов движения, не включают в свою семантику компонента, указывающего на способ передвижения, поэтому come при переводе конкретизируется как *приходить, прибывать, приезжать, подходить, подбегать, приплывать, прилетать* и пр., а go — как *идти, ходить, ехать, отправляться*,

210

сходить, проходить, плыть, лететь и пр. (ср. пример в § 34). Обычной является конкретизация глаголов речи say и tell, которые могут переводиться не только как *говорить* и *(рас)сказать*, но и как *(про)молвить, повторить, заметить, отметить, утверждать, сообщать, высказываться, спросить, возразить, приказать, велеть* и пр.; ср.:

'So what?' I **said**. (J. Salinger, *The Catcher in the Rye*, 6).

- Ну так что же? **спрашиваю я**.

'Hello', I **said** when somebody answered the goddam phone, (ib., 20)

- Алло! — **крикнул я**, когда кто-то подошел к этому треклятому телефону.

She had **said** that she was in bed and ill. (W. Thackeray, *Vanity Fair*, XIX)

Бекки **писала**, что она больна и лежит в постели, (пер. М. Дьяконова)

He told us we should always pray to God... (J. Salinger, *The Catcher in the Rye*, 3)

И нам тоже **советовал** всегда молиться богу...

He told me to come right over, if I felt like it. (ib., 23)

Велел хоть сейчас приходить, если надо.

'Thanks for **telling** me, ' I said, (ib., 23)

- Спасибо, что **предупредила!** — говорю.

Прием конкретизации используется также и при передаче других слов с широким значением. Ср. также:

Dinny waited in a corridor which smelled of **disinfectant**. (J. Galsworthy, *End of Chapter*)

Динни ожидала ее в коридоре, пропахшем **карболкой**. (пер. Ю. Корнеева и П. Майковой)

Английскому disinfectant соответствует русское *дезинфицирующее средство*, однако это выражение стилистически приемлемо лишь в официально-научном жанре; отсюда необходимость конкретизации при переводе художественного текста.

Трансформация русского именного сказуемого в английское глагольное (см. выше § 52, б) обычно требует конкретизации глагола be, например: He **is** at school — *Он учится в школе*; He **is** in the Army — *Он служит в армии*; He was at the ceremony — *Он присутствовал на церемонии*; The concert was on Sunday — *Концерт состоялся в*

211

воскресенье; The book is on the table — *Книга лежит на столе*; The picture **is** on the wall — *Картина висит на стене*; и пр.¹ Сравните также следующие примеры из художественной литературы:

He's in Holliwood. (J. Salinger, *The Catcher in the Rye*, 1)

Он **живет** в Голливуде. (В другом контексте могло бы быть также «Он **работает** в Голливуде».)

'I was in his office for about two hours, I guess.' (ib., 2)

- **Я просидел** у него в кабинете часа два...

...That was her first summer in Maine, (ib., 11)

Она... только первое лето **проводила в Мейне**...

Then her blouse and stuff **were** on the seat. Her shoes and socks **were** on the floor, right underneath the chair, right next to each other, (ib., 21)

Блузка и все прочее **лежало** на сиденье, а туфли, со свернутыми носками внутри, **стояли** рядышком под стулом.

'Name something you'd like to be.' (ib., 21) - Назови, кем бы тебе хотелось **стать**.

Alfred Lunt and Lynn Fontanne **were** the old couple, and they **were** very good, (ib., 17)

Альфред Лант и Лини Фоптанп **играли** старых супругов, они очень хорошо **играли**...

'He may have to stay in Holliwood and write a picture about Annapolis... Guess who's going **to be** in it!' (ib., 21)

Может быть, ему придется остаться в Голливуде и написать сценарий про Аннаполис... Угадай, кто в ней будет **сниматься**?

Like most young Frenchmen of his generation he **was** athletic. (S. Maugham, *A Man with a Conscience*)

Подобно большинству французов своего поколения, он **увлекался** спортом, (пер. О. Холмской)

Ср. также вышеприведенный пример из "Vanity Fair" She **was** in bed — *Она лежит в постели*.

В этих случаях лексическая замена (конкретизация) сопровождается грамматическими (синтактико-морфологическими) трансформациями — заменами частей речи и изменением структуры предложения.

¹ См. М.А. Аполлова. О системном подходе к языку. «Тетради переводчика», вып. 12, 1973, с. 22.

212

Вообще для перевода с английского языка на русский характерна замена слов общего значения типа the man the woman, the person, the creature на конкретные имена собственные или существительные типа *старик, солдат, прохожий, хозяйка, собака, кошка* и пр.¹ Это особенно важно при переводе художественной литературы, в которой неуместно слишком частое употребление слов абстрактного, обобщенного значения.

Что касается контекстуальной конкретизации, то она бывает обусловлена не системно-структурными расхождениями между ИЯ и ПЯ, а факторами данного конкретного контекста, чаще всего, стилистическими соображениями, как например, необходимость завершенности фразы, стремление избежать повторов, достичь большей образности, наглядности и пр. Ср. пример, приведенный в § 51: We had strolled over — *Мы подошли к ее забору*. Ср. также:

You could hear him putting away his **toilet articles**. (J. Salinger, *The Catcher in the Rye*)

Слышно было, как он убирает свои **мыльницы и щетки**.

I don't know of any landowner around here who begrudges those children any **game** their father can hit. (H. Lee, *To Kill a Mockingbird*, 3)

- Я не знаю у нас в округе такого землевладельца, который пожалел бы для этих детей **зайца**...

Ср. также пример, приведенный в § 4, 3: Mr. Raymond sat up against **the tree-trunk** — *Мистер Реймонд сел и прислонился к дубу*.

О конкретизации, обусловленной прагматическими факторами, см. в разделе «Прагматический аспект перевода».

Генерализация

Генерализацией называется явление, обратное конкретизации — замена единицы ИЯ, имеющей более узкое значение, единицей ПЯ с более широким значением. Вот несколько примеров генерализации в переводе повести Дж. Сэлинджера:

...He comes over and visits me practically every **weekend**. (1)

...Он часто ко мне ездит, почти каждую **неделю**.

¹ См. Н. Галь. Указ, соч., с. 21—22.

213

Then this girl gets killed, because she's always speeding. (3)

А потом девушка гибнет, потому что она вечно **нарушает правила**.

"Who won the game?"! said. "**It's only the half**" (3)

- А кто выиграл? — спрашиваю. — **Еще не кончилось**.

Здесь генерализация сочетается с антонимическим переводом (см. следующий раздел); глагол said подвергается конкретизации.

Генерализация нередко вызывается прагматическим фактором, примеры чего были даны в соответствующем разделе. Приведем еще два подобных примера:

...He showed us this old beat-up **Navajo** blanket that he and Mrs. Spencer's bought off some Indian... (2)

...Он нам показал потрепанное **индейское** одеяло — они с миссис Спенсер купили его у какого-то индейца...

(Этот пример иллюстрирует также типичную для перевода на русский язык замену подчинительной связи сочинительной.)

...Jane used to drive to market with her mother in this **La Salle convertible** they had. (11)

...Джейн ездила со своей матерью на рынок в их **машине**.

Замена следствия причиной и наоборот

В процессе перевода нередко имеют место лексические замены, основанные на причинно-следственных связях между понятиями. Так, слово или словосочетание ИЯ может заменяться при переводе словом или словосочетанием ПЯ, которое по логическим связям обозначает причину действия или состояния, обозначенного переводимой единицей ИЯ. Вот несколько примеров из перевода повести Дж. Сэлинджера:

I don't blame them. (5)

Я их понимаю.

Замена основана на причинно-следственных отношениях: *я их не виню потому, что я их понимаю*.

He's dead now. (5)

Он умер. (Он умер, **стало быть**, он сейчас мертв.)

214

And they probably **came to Pencey that way**. (1)

...**Они** такими были и до школы. (Были такими до школы, **стало быть**, такими пришли в школу.)

He always **made you say everything twice**. (3)

Он всегда **переспрашивал**. (Вы были вынуждены повторять сказанное, **потому что он вас переспрашивал**.)

A lot of schools were **home for vacation** already... (17)

Во многих пансионах и колледжах уже **начались каникулы**... (Начались каникулы, **поэтому** школьники были уже дома.)

Аналогичный пример из перевода рассказа С. Моэма "Before the Party":

...If a client went to him with some trouble that was not quite nice, Mr Skinner would **look grave**.

...Если клиент излагал ему обстоятельства, которые могли показаться неблагоприятными, мистер Скиннер **озабоченно сдвигал брови**, (пер. Е. Калашниковой) (Сдвигал брови, **поэтому** выглядел хмурым.)

Наблюдаются также случаи обратной замены — причины следствием, как в следующих примерах:

'Have a seat there, boy', old Spencer said. He **meant** the bed. (2)

- Садись вон туда, мальчик, — сказал старый Спенсер. **Он показал на кровать**. (Показал, **потому что** имел ее в виду.)

He was the kind of guy that **hates to answer you** right away. (5)

Такие, как он, сразу **не отвечают**. (Не отвечают, **потому что** не любят делать этого.)

Помимо вышеуказанных, существуют и другие типы лексических замен, но они встречаются реже и представляют меньший интерес, поэтому мы их не будем затрагивать.

е) Антонимический перевод¹

§ 54. Под этим названием в переводческой литературе известна широко распространенная комплексная лексико-грамматическая замена, сущность которой заключается в

¹ О приеме антонимического перевода см. также в работе В.Н. Комиссарова, Я.И. Рецкера и В.И. Тархова «Пособие по переводу с английского языка на русский», ч. I, М., Изд-во лит. на иностр. яз., 1960, с. 74—84.

215

трансформации утвердительной конструкции в отрицательную или наоборот, отрицательной в утвердительную, сопровождаемой заменой одного из слов переводимого предложения ИЯ на его антоним в ПЯ. (Термин «антоним» обычно употребляют применительно к словам одного и того же языка; здесь мы применяем его для обозначения отношения между словами двух разных языков — ИЯ и ПЯ, имеющими прямо противоположные значения.) Рассмотрим, например, следующий случай:

Stradlater **didn't say** anything. (J. Salinger, *The Catcher in the Rye*, 4)

Стрэдлейтер **промолчал**.

Здесь английская отрицательная конструкция передается русской утвердительной, а глагол *say* *сказать* заменяется его русским антонимом *промолчать*. Такая двойная «замена знака» дает в итоге то же самое значение предложения в целом. Ср. также:

I'm **not kidding**, (ib., 18)

Я вам серьезно говорю.

Здесь также происходит замена отрицательной конструкции на утвердительную и замена выражения *to be kidding* *шутить* его антонимом *говорить серьезно*. В следующем примере:

I meant it, too. (ib., 15)
И я не притворялся.

имеет место обратная замена — утвердительной конструкции на отрицательную, равно как замена глагола *mean* *иметь в виду*, *говорить серьезно* на его антоним *притворяться*.

В целом при переводе на русский язык указанный прием чаще имеет место при замене отрицательной конструкции на утвердительную. Ср. следующие примеры:

That **doesn't happen much**, though, (ib., 3)
Но это **нередко бывает**.
She **wasn't** looking **too happy**, (ib., 17)
Вид у нее **был довольно несчастный**.
'I **don't hate too many** guys', (ib., 24)
Я очень мало кого ненавижу.
'I **don't believe** this is a **smoker...**' (ib., 8)
По-моему, это вагон для некурящих.

216

They all had on the kind of hats that you knew they **didn't really live in New York**, (ib., 10)

...По их шляпкам сразу было видно, что они **приезжие**.
...**I couldn't think of anybody** to call up. (ib., 9)
...Я **подумал, что звонить мне некому**.

Типично применение антонимического перевода при передаче на русский язык английской конструкции с *not... (un)til...*; при этом *(un)til* заменяется на *лишь тогда, только (тогда), когда* и пр., которые могут в определенном смысле считаться его антонимами. Ср.:

He **did not begin to calm down until** he had cut the tops off every camellia bush Mrs. Dubose owned... (H. Lee, *To Kill a Mockingbird*, II)

Он немного **опомнился лишь тогда**, когда посбивал верхушки со всех камелий миссис Дюбоз...

They gave me the wrong book, and I **didn't notice it till** I got back to my room. (J. Salinger, *The Catcher in the Rye*, 3)

Я только дома заметил, что мне дали не ту книгу.
I didn't think of it till we went half-way through the park, (ib., 9)
Вспомнил я об этом, когда мы уже проехали почти весь парк.

Нужно иметь в виду, что отрицание в английском языке выражается не только при помощи отрицательной частицы *not*, но и другими средствами, например, при помощи предлога *without*, ср.:

He **never** met him afterwards **without asking** him... (S. Maugham, *A Creative Impulse*)

После этого он **всякий раз** при встрече **спрашивал** его... (пер. М. Лорне)

Интересный случай антонимической замены наблюдается в следующем примере:

The Radley house **had no screen doors**. (H. Lee, *To Kill a Mockingbird*, I)

Двери у них **были сплошные**.

Screen door *стеклянная дверь* заменяется здесь антонимом *сплошная дверь* при соответствующем изменении «знака» конструкции.

217

Антонимы существуют и среди таких служебных частей речи, как предлоги и частицы, ср.:

Keep the child **out of** the sun.
Не держите ребенка **на** солнце.¹
Keep off the grass.
Не ходить по траве!
...Кроме меня, никого тут **не было**.

Ср. также вышеприведенные примеры с till и until.

Особой разновидностью антонимического перевода является замена прилагательного или наречия в сравнительной или превосходной степени прилагательным (наречием) в положительной степени или наоборот, сопровождаемая заменой «знака» конструкции (утвердительной на отрицательную или наоборот). Ср. следующие примеры:

...She paid Riri's parents the proper visit of condolence, but she **neither ate less heartily nor slept less soundly**. (S. Maugham, *A Man with a Conscience*)

...Она, как водится, посетила родителей Рири, принесла им свои соболезнования. Но **кушала по-прежнему с аппетитом и спала так же крепко**, как всегда.

I'm the **most terrific** liar you ever saw in your life. (J. Salinger, *The Catcher in the Rye*, 3)

Я ужасный лгун — такого вы никогда в жизни **не видали**.

It **wasn't as cold** as it was the day before, (ib., 16)

Стало теплее, чем вчера.

В нижеследующем примере трансформация утвердительной конструкции в отрицательную сопровождается не антонимической заменой, а заменой сложного предложения простым и изменением синтаксической функции *before раньше*:

It will be February 8 before they return to Earth. (BBC broadcast, 16.XI.73)

Они (астронавты) вернутся на Землю **не раньше**, чем 8 февраля.

ж) Компенсация

§ 55. Одним из приемов достижения эквивалентности перевода является особая разновидность замены, носящая название *компенсация*. Этот прием применяется в

¹ Пример из пособия Т.Р. Левицкой и А.М. Фитерман «Теория и практика перевода с английского языка на русский», с. 29.

218

тех случаях, когда определенные элементы текста на ИЯ по той или иной причине не имеют эквивалентов в ПЯ и не могут быть переданы его средствами; в этих случаях, чтобы восполнить («компенсировать») семантическую потерю, вызванную тем, что та или иная единица ИЯ осталась непереведенной или неполностью переведенной (не во всем объеме своего значения), переводчик передает ту же самую информацию каким-либо другим средством, причем необязательно в том же самом месте текста, что и в подлиннике.

Характеризуя прием компенсации (не употребляя этого термина), известный советский переводчик Н.М. Любимов говорит о своем переводе романа Флобера «Мадам

Бовари»: «Ведь по существу это «областной» роман... В связи с общим «областным» колоритом романа его лексика тоже временами приобретает особый колорит... Флобер называет невестку не только «belle-fille», но и «brü». Флобер дает для слова «руль» термин, который можно найти только в словаре областных слов (bauce). Понятно, я не имел намерения ставить провинциализмы непременно на те места, где они стоят у Флобера. Так, мне кажется, незачем придумывать вместо общепринятого и удобопонятного слова «руль» какой-то экзотический термин. Зато в пейзаже у меня можно найти, допустим, «зеленя».¹

Широко пользуется приемом компенсации Р. Райт-Ковалева в своем переводе повести Сэлинджера «Над пропастью во ржи». Так, на первой же странице мы читаем:

..My parents would have about two haemorrhages apiece if I **told** anything pretty personal about them.

...У моих **предков**, наверно, случилось бы по два инфаркта на брата, если бы я стал **болтать** про их личные дела.

На первый взгляд, может сложиться впечатление, что перевод этот не вполне эквивалентный, ибо английские слова parents и tell имеют нейтральную стилистическую и регистровую характеристику, в то время как русские *предки* (в значении 'родители') и *болтать* относятся к фамильярному и непринужденному регистру. Ср. также в главе 3:

...He **made** a speech that lasted about ten hours.

...Он **отгрохал** речь часов на десять.

¹ «Тетради переводчика», изд. I МГПИИЯ, № 3, 1960, с. 8.

Между тем, данный перевод, как и все подобные случаи, следует считать вполне эквивалентным. Дело в том, что употребление маркированных по стилю и регистру слов *предки*, *болтать*, *отгрохать* и пр. вместо нейтральных parents, tell, make и др. является здесь ничем иным, как к о м п е н с а ц и е й, которая восполняет потерю соответствующей стилистической и регистровой характеристики в других местах переводимого текста, как например:

If there is one thing I hate, it's the **movies**. (I)

Если я что ненавижу, так это **кино**.

...She had on those damn **falsies** that point all over the place... (I)

... У нее... в **лифчик** что-то подложено, чтоб торчало во все стороны...

Английские слова movies, falsies относятся к непринужденному регистру; однако в русском языке нет слов, которые совпадали бы с ними как по референциальному, так и по прагматическому значению. Поэтому переводчица была вынуждена передать их при помощи нейтральных слов *кино*, *лифчик*. Такого рода потеря информации (замена стилистически маркированных слов на нейтральные) происходит неоднократно на протяжении всего текста перевода и требует компенсации, к которой переводчица и прибегает с целью эквивалентной передачи стилистической и регистровой характеристики всего текста в целом.

Вот еще один пример компенсации при переводе с английского на русский:

"Why don't you write a good thrilling detective story?" she asked. "**Me?**" exclaimed Mrs. Albert Forrester, for the first time in her life regardless of grammar. (S. Maugham, *The Creative Impulse*)

- А почему бы вам не написать детективный роман, такой, чтобы дух захватывало? — **Чего?** — воскликнула миссис Форрестер, впервые в жизни забыв о грамматике.

Здесь в подлиннике миссис Форрестер употребляет в эллиптическом предложении форму так называемого объектного падежа местоимения *me* вместо *I*, что многие считают грамматической небрежностью (кстати говоря, без достаточных оснований, ибо форма *me* в таких случаях давно уже стала нормой в разговорно-литературном языке). Поскольку в русском языке в системе личных местоимений ничего по-

220

добного нет, переводчица М. Лорие сочла необходимым прибегнуть к компенсации, употребив просторечно-фамильярную форму *чего* вместо литературного *что*, то есть заменив личное местоимение на вопросительное и тем самым передавая ту же информацию (грамматическая «небрежность»), что и в подлиннике, хотя и иными средствами. Аналогичный случай имеем и в переводе повести Дж. Сэлинджера:

You could tell he was very ashamed of his parents and all, because they said '**he don't**' and '**she don't**' and stuff like that... (18)

Сразу было видно, что он стесняется своих родителей, потому что они говорили «**хочут**» и «**хочете**», и все в таком роде...

Как видно из примеров, компенсация используется особенно часто там, где необходимо передать чисто виутрилингвистические значения, характеризующие те или иные языковые особенности подлинника — диалектальную окраску, неправильности или индивидуальные особенности речи, каламбуры, игру слов и пр., а также и при передаче прагматических значений, когда не всегда можно найти прямое и непосредственное соответствие той или иной единице ИЯ в системе ПЯ. Прием компенсации четко иллюстрирует то положение, которое нами подчеркивалось неоднократно: **эквивалентность перевода обеспечивается на уровне не отдельных элементов текста** (в частности слов), **а всего переводимого текста в целом**. Иначе говоря, существуют непередаваемые частности, но нет **непередаваемых текстов**.

3. Добавления

§ 56. Причины, вызывающие необходимость лексических добавлений в тексте перевода, могут быть различны. Одной из них — пожалуй, наиболее обычной — является то, что можно назвать «формальной невыраженностью» семантических компонентов словосочетания в ИЯ. Это явление весьма типично для словосочетаний английского языка; с точки зрения порождающей грамматики, его можно трактовать как «эллипс» или «опущение» тех или иных семантических элементов, наличествующих в глубинной структуре предложения, при ее трансформации в структуру поверхностную. Такому «эллипсу» часто подвергаются слова, которые известный американский лингвист З. Хэррис называет

221

«уместными словами» (*appropriate words*). В одной из своих работ¹ Хэррис определяет «уместное слово» как "the main word to occur with the particular other words... in the given culture or subject matter". В качестве примера он приводит словосочетания *violin prodigy*, где «уместным словом» является *playing*, и *violin merchant*, где «уместное слово» — *selling*; другими словами, эти словосочетания можно трактовать как восходящие к глубинным структурам *violin-playing prodigy* и *violin-selling merchant*, соответственно, причем при переходе к поверхностной структуре «уместное слово» подвергается эллипсу, то есть опускается. Аналогичным образом в сочетании **I began the book** в качестве «уместного слова» может выступать либо *to read*, если в широком контексте речь идет о читателе, либо *to write*, если речь идет об авторе, но не, скажем, *to buy*, которое здесь не является «уместным словом» и т. п.

Поскольку поверхностная структура предложения в разных языках, как мы знаем, может быть различной при одной и той же глубинной структуре, при переводе опущенные

в ИЯ «уместные слова» нередко подвергаются «восстановлению». На этом и основана трансформация добавления, часто наблюдаемая при переводе с английского языка на русский. (Видимо, для структуры русского предложения опущение «уместных слов» характерно в меньшей степени, чем для английского, хотя это утверждение нуждается в проверке и обосновании.) В качестве примера приведем следующий случай:

The new American Secretary of State has proposed a world conference on food supplies.

В словосочетании *has proposed a world conference* опущен компонент глубинной (семантической) структуры, представленный «уместным словом» *to call созвать*. Этот семантический компонент, «формально невыраженный» в английском предложении (в его поверхностной структуре), должен быть, по нормам русского языка, выражен в соответствующем русском предложении; поэтому мы переводим:

«Новый государственный секретарь США предложил **созвать** всемирную конференцию по вопросам продовольственных ресурсов».

Другой пример:

¹ См. Z.S. Harris. *Papers in Structural and Transformational Linguistics*. Dordrecht, 1970, pp. 559—560.

222

Is it surprising then that Japan's Premier Tanaka should have sent a letter to Leonid Brezhnev... proposing that negotiations be reopened on a peace treaty? ("Daily World", 28.11.73)

При существительном *treaty* «уместное слово» — *to conclude*. В русском предложении оно должно быть формально выражено, отсюда в переводе: ... *предлагая начать переговоры о заключении мирного договора*.

Вот несколько примеров из переводов художественной литературы:

"Her English is not very good", I said. "I'm afraid my French is awful." (G. Greene, *The Quiet American*, II, I)

- Она неважно **знает** английский, — сказал я.— Боюсь, что я очень плохо **говорю** по-французски, (пер. Р. Райт-Ковалевой и С. Митиной)

- Она не очень хорошо **понимает** по-английски, - заметил я. — Увы, а я прескверно **говорю** по-французски, (пер. Е. Голышевой и Б. Изакова)

Знать, понимать и говорить — все они являются «уместными словами» в контексте, где речь идет о языке. (Обратим внимание также на синтаксическую трансформацию — замену именного сказуемого глагольным, характерную для перевода с английского языка на русский.)

'Wouldn't you like a cup of hot chocolate before you go?' (J. Salinger, *The Catcher in the Rye*, 2)

- **Не выпьешь** ли чашку горячего шоколада на дорогу?

'So what?' I said. Cold as hell, (ib., 6)

- Ну так что же? — спрашиваю я. Ледяным **голосом**.

...The conductor came around for old Mrs. Morrow's ticket, (ib., 8)

...Вошел кондуктор проверить билет у миссис Морроу.

«Формальная невыраженность» определенных семантических компонентов особенно типична для английских словосочетаний структуры «существительное + существительное». Ср., например: *pay claim* (*pay offer*) *требование (предложение)*

повысить зарплату, wage strike забастовка с требованием повышения заработной платы, gun license удостоверение на право ношения оружия, oil

223

countries *страны-производительницы нефти, electricity cut сокращение подачи электроэнергии, labor spy; шпион, следящий за рабочими (а не рабочий шпион), veneer machine машина для производства фанеры (а не фанерная машина) и т. д. Ср.:*

Scottish miners in conference here today launched a new wages **demand...** Totally ignoring any **Tory pay laws** or legal threats, they will pursue increases of up to £ 13 a week ("Morning Star", 16.VI.73)

Здесь wages demand следует переводить как *требование повысить зарплату, а Tory pay laws — как принятые консервативным правительством законы о замораживании заработной платы. В последнем случае правильный выбор семантического компонента, добавляемого в русском переводе, требует знания экстралингвистических факторов. Это последнее условие является совершенно необходимым в тех случаях, когда образования типа «существительное + существительное» носят окказиональный характер, что весьма типично для современной англоязычной прессы. Ср.: The President's energy message — *заявление президента по проблемам нехватки энергоресурсов в США; the Watergate special prosecutor — специальный прокурор, назначенный для расследования так называемого Уотергейтского дела; the road plans планы строительства дороги и т. п.**

«Формальная невыраженность» тех или иных семантических компонентов в поверхностной структуре словосочетания наблюдается также и в сочетаниях типа «прилагательное + существительное», особенно в том случае, когда они носят терминологический характер. Ср.: solid engine *двигатель на твердом топливе* (а не *твердый двигатель*), logical computer *вычислитель, выполняющий логические операции* (а не *логический вычислитель*), the Un-American Comittee *Комиссия по расследованию антиамериканской деятельности* (а не *антиамериканская комиссия*) и пр. Во всех этих случаях нормы русского языка требуют присутствия в поверхностной структуре фразы семантических компонентов, формально невыраженных (или могущих быть формально невыраженными) в английском языке; отсюда необходимость добавлений при переводе.¹

¹ Другие примеры того же явления см. в работе А.Д. Швейцера «Перевод и лингвистика», с. 120 и далее.

224

Добавления в процессе перевода могут быть вызваны и другими причинами. Одной из них является синтаксическая перестройка структуры предложения при переводе, в ходе которой иногда требуется ввести в предложение те или иные элементы. Так, при переводе на английский язык для передачи «коммуникативного членения» предложения в некоторых случаях в английское предложение оказывается необходимым ввести подлежащее, отсутствующее в исходном русском предложении и выражающее «данное». Примеры такого рода добавлений даны в упомянутой выше диссертационной работе Л.А. Черняховской, откуда заимствованы следующие две иллюстрации этого явления:

В 1958 году были сделаны первые записи.

In 1958 **that orchestra** made its first recordings.

В 30-х годах началась подготовка к строительству гидростанции под Самарой.

In the 1930's **the Soviet Union** launched preparations for the building of a hydro-power project near Samara.

Существительные-подлежащие, добавленные в английских предложениях, определяются факторами широкого контекста. Добавлений в этих случаях, в принципе,

можно было бы избежать, но это потребовало бы использования в переводе пассивной конструкции, что утяжелило бы английский текст стилистически.

Нередко лексические добавления обуславливаются необходимостью передачи в тексте перевода значений, выражаемых в подлиннике грамматическими средствами.¹ Примеры таких добавлений при передаче на русский язык значений, выражаемых английской формой Past Perfect, были даны выше; вот еще один пример того же рода:

No one would think now that Millicent had been the prettier of the two. (S. Maugham, *Before the Party*)

Никто бы теперь не поверил, что из двух сестер более хорошенькой **всегда** была **Миллисент**.

К таким добавлениям нередко следует прибегать при передаче английских форм множественного числа существительных, не имеющих этой формы в русском языке. Так, workers of all **industries** следует переводить как *рабочие*

¹ Впрочем, эту трансформацию можно также трактовать и как замену — грамматические средства выражения тех или иных значений здесь заменяются лексическими.

225

всех отраслей промышленности. Ср. также: **defences** *оборонительные сооружения*, **modern weapons** *современные виды оружия* и т.п. Ср. нижеследующий пример:

There are other **philosophies** of the past which give strong support to the Humanist position. (C. Lamont, *The Philosophy of Humanism*)

Существуют и другие философские **направления** (или: **течения, теории**) прошлого, которые оказывают решительную поддержку концепции гуманизма.

Аналогичное явление наблюдается и в следующем случае:

...Leontyne Price turned this into one of the greatest "**Aida's**" I have ever seen. ("Morning Star", 26.III.73)

Благодаря участию Леонтин Прайс это была одна из самых лучших **постановок** «Аиды», которые я когда-либо видел.

Иногда добавления оказываются обусловленными чисто стилистическими соображениями, как в нижеследующем случае:

She never used scent, and she had always thought it rather fast, but Eau de Cologne was so refreshing. (S. Maugham, *Before the Party*)

Она никогда не душилась, считая это признаком известного легкомыслия, но одеколон — **другое дело**, он так приятно освежает.

(О добавлениях, вызванных прагматическими факторами, см. в § 33).

4. Опушения

§ 57. Опушение — явление, прямо противоположное добавлению. При переводе опущению подвергаются чаще всего слова, являющиеся семантически и избыточными, то есть выражающие значения, которые могут быть извлечены из текста и без их помощи. Как система любого языка в целом, так и конкретные речевые произведения обладают, как известно, весьма большой степенью избыточности, что дает возможность производить те или иные опущения в процессе перевода.

Одним из примеров избыточности является свойственное определенным стилям английского языка употребление так

226

называемых «парных синонимов» — параллельно употребляемых слов одинакового или близкого референциального значения, объединенных союзом (обычно and). Это явление характерно, в частности, для языка английских юридических документов и текстов юридического характера. Русскому языку оно совершенно не свойственно, поэтому при переводе в этих случаях необходимо прибегнуть к опущению (то есть неповторению синонима — замене двух слов одним). Ср., например: **just and equitable treatment** *справедливое отношение*; The treaty was pronounced null **and void** *Договор был объявлен недействительным* (или: «аннулирован»); The proposal was **rejected and repudiated** *Предложение было отвергнуто*; **by force and violence** *насильственным путем* и т. д.¹.

Этот же прием встречается в материалах публицистического жанра; ср. например:

The **bold and courageous** struggle of the working class and its Communist Party carried the day. ("Daily World", 20.11.73)

Мужественная борьба рабочего класса и его коммунистической партии увенчалась успехом.

Очень часто к этому стилистическому средству прибегают в ораторской речи. В качестве примера приведем выдержку из выступления одного из делегатов на XIV сессии Генеральной Ассамблеи ООН (25.IX. 1959):

Judging by all external appearances, this session of our Assembly is **regular and normal** ... Yet the atmosphere is **neither usual nor seasonal**, for this session stands outside the pattern of the thirteen sessions held since the days of San Francisco. The fateful events that are rushing into the international arena... are **neither of a usual character nor of an ordinary nature...** It is a unique session — **happily and fortunately** led by a unique President.

Выделенные в тексте места представляют собой «парные синонимы». Поскольку, как было сказано, русскому языку такое употребление синонимов вообще несвойственно, то в переводе и здесь необходимо прибегнуть к опущениям:

Судя по внешним признакам, это — **обычная** сессия нашей Ассамблеи... Однако атмосфера, в которой она проходит, отнюдь не является **обычной**, ибо эта сессия

¹ Т. Левицкая и А. Фитерман. Указ, соч., с. 99.

непохожа на все тринадцать сессий, имевших место со дня конференции в Сан-Франциско. Знаменательные события, происходящие на мировой арене..., носят **весьма необычный** характер... Это — выдающаяся сессия, которой, **к счастью**, руководит выдающийся Председатель,

Употребление «парных синонимов» не всегда является стилистическим средством. Иногда оно диктуется иными причинами, как например, в следующем предложении, взятом из научно-технического текста:

Burning or combustion is the process of uniting a **fuel or combustible** with the oxygen in the air. (М.А. Беляева и др., *Сборник технических текстов на английском языке*, с. 312)

Здесь в тексте употребляются специальные технические термины combustion, combustible, которые могут быть непонятны читателю, не имеющему специальной подготовки. Поэтому они поясняются общеупотребительными английскими словами

burning, fuel, употребляемыми параллельно с их терминологическими синонимами. Поскольку русские термины «сгорание», «горючее» общепонятны и не требуют разъяснений, при переводе данного предложения на русский язык избыточность устраняется путем опущения:

Сгорание — это процесс соединения **горючего** с кислородом, содержащимся в воздухе.

Ср. аналогичный пример из русского научно-технического текста, где при переводе на английский язык неизбежно опущение:

Эти волны были названы радиоволнами, так как слово «радио» происходит от слова радиация, что означает излучение. (Н. Изюмов, Д. Линде, *Основы радиотехники*, гл. I)

These waves were called radio waves, the word "radio" being derived from "radiation".

Поскольку английское radiation и означает *излучение*, его пояснение каким-либо синонимом оказывается излишним.

Разумеется, избыточные элементы в тексте отнюдь не сводятся к «парным синонимам». Рассмотрим следующий пример из повести Дж. Сэлинджера:

228

A little while later, I still had it with me when I and Brossard and Ackley got on the bus. (J. Salinger, *The Catcher in the Rye*, 5)

Я его все еще держал в руках, когда мы с Броссаром и Экли сели в автобус.

В английском предложении обстоятельство времени *a little while later* является семантически избыточным, поскольку в предложении имеется также обстоятельственное придаточное времени — *when I and Brossard and Ackley got on the bus*; поэтому в русском переводе первое обстоятельство (более общее по значению) опускается. Ср. также:

So I paid my check and all. Then I left the bar and went out where the telephones were, (ib., 20)

Я расплатился и пошел к автоматам.

Здесь в английском тексте семантически избыточным является *left the bar*, поскольку обозначаемое им действие подразумевается следующим глаголом *went out*; отсюда опущение в русском переводе (сопровожаемое объединением предложения с предыдущим).

Вот еще один пример: в качестве одного из эпитафий к книге У. Ширера "The Rise and Fall of the Third Reich" приведены слова: "A thousand years will pass and the guilt of Germany will not be erased". (Hans Frank, Governor-General of Poland, **before he was hanged at Nuremberg.**) Очевидно, что употребление здесь союза *before* является семантически избыточным — гитлеровский военный преступник мог произнести эти слова лишь до того, как он был казнен, но, разумеется, никак не после. Поэтому в русском переводе необходимо прибегнуть к опущению: Ганс Франк, генерал-губернатор Польши, **казненный по приговору Нюрнбергского трибунала**. (Здесь также имеется добавление, так как в английском тексте *at Nuremberg* обозначает не столько место казни, сколько место, где происходил процесс над фашистскими главарями.)

В другом случае такое же семантически избыточное *before* может быть передано путем добавления:

It was one of the most valuable lessons given by the Don **before** he died... (M. Puzo, *The Godfather*, 30)

Это был один из самых ценных советов, которые «Хозяин» дал ему **незадолго** до смерти.

229

Устранение семантически избыточных элементов исходного текста дает переводчику возможность осуществлять то, что называется «компрессией текста», то есть сокращение его общего объема. Это нередко оказывается необходимым в силу того, что в ходе процесса перевода многочисленные добавления и объяснительные фразы, вводимые переводчиком для большей ясности (часто по прагматическим соображениям) грозят тексту перевода чрезмерным «разбуханием». Поэтому переводчик, чтобы уравновесить эту тенденцию, должен стремиться везде, где это возможно в пределах языковых и стилистических норм ПЯ, производить опущение семантически избыточных элементов исходного текста.¹

Не всегда опущение вызывается только стремлением к устранению речевой избыточности. Оно может иметь и иные причины; в частности, характерная для английского языка тенденция к максимальной конкретности, выражающаяся в употреблении числительных, а также названий мер и весов там, где это не мотивировано семантическими факторами, требует иногда прибегать к опущениям,² например:

About **a gallon** of water was dripping down my neck, getting all over my collar and tie... (J. Salinger, *The Catcher in the Rye*, 20)

Вода с головы лилась за шиворот, весь галстук промок, весь воротник...

(Об опущениях, вызываемых прагматическими факторами, см. в § 33.)

В заключение еще раз подчеркнем, что перечисленные выше переводческие трансформации (как видно и из самих приводимых нами примеров) в «чистом виде» встречаются редко. Как правило, разного рода трансформации осуществляются одновременно, то есть сочетаются друг с другом — перестановка сопровождается заменой, грамматическое преобразование сопровождается лексическим и т.д. Именно такой сложный, комплексный характер переводческих трансформаций и делает перевод столь сложным и трудным делом. Видимо, известный английский философ И.А. Ричардс лишь

¹ Подробно этот вопрос освещен в работе А.Д. Швейцера «Перевод и лингвистика», с. 199—206.

² Т.Р. Левицкая и А.М. Фитерман. Указ, соч., с. 28.

230

немного преувеличивает, когда он говорит: «Очень может быть, что здесь мы имеем дело с самым сложным процессом из всех, возникших когда-либо в ходе эволюции космоса». ¹ Если это и гиперболизация, то она, во всяком случае, недалеко от истины.

¹ I.A. Richards. *Toward a Theory of Translating*. "Studies in Chinese Thought", ed. by A.F. Wright, 1953, pp. 247-262. (Перевод мой — Л.Б.).

231

Заключение

В настоящей работе изложено в общих чертах понимание сущности перевода как процесса межъязыковой трансформации, трактуемое в рамках того, что можно назвать «семантико-семиотической моделью». Сущность этой модели, в неформализованном виде, сводится к следующему: переводчику задается текст на том или ином языке (ИЯ), представляющий собой построенную по определенным правилам и несущую определенную информацию последовательность единиц, принадлежащих к данной

знаковой системе (системе ИЯ). Задачей переводчика является преобразование этого текста в эквивалентный ему текст на каком-то ином языке (ПЯ). Понятие «эквивалентный» понимается в смысле «несущий ту же самую информацию», то есть имеющий то же самое семантическое содержание, хотя и отличающийся по способам выражения этого содержания.

Поскольку текст есть последовательность языковых, иначе говоря знаковых единиц, семантическое содержание (значение) этих единиц и всего текста в целом может и должно быть раскрыто путем установления связей между самими этими единицами и чем-то, лежащим вне их, то есть раскрытия отношений между знаковыми единицами и тем, что они обозначают, а также отношений самих знаковых единиц друг к другу. Таким путем устанавливаются отношения трех типов: отношения между знаком и его референтом, между знаком и «потребителем» знака (языковым коллективом) и между самими знаками внутри данной языковой системы. Иначе говоря, раскрываются значения трех типов — референциальные, прагматические и внутрilingвистические значения; причем, поскольку текст есть не просто последовательность знаковых единиц, но последовательность, определенным образом организованная и интегрированная, понимание значения текста не сводится только к пониманию значения входящих в него единиц, но предполагает, прежде всего, понимание значения всего текста как единого целого,

232

то есть «интеграцию» значений (всех трех типов) языковых единиц в пределах всего речевого произведения.

Задача переводчика, поняв значение исходного текста, выразить то же самое значение (точнее, систему значений) средствами иного языка. При этом, поскольку происходит межъязыковое преобразование, то есть замена одной знаковой системы другой (хотя и однотипной), неизбежны семантические потери, касающиеся, в первую очередь, системы внутрilingвистических значений исходного текста, но не только их. Переводчик обязан добиться того, чтобы эти потери были сведены к минимуму, то есть обеспечить максимально большую степень эквивалентности исходного текста и текста перевода (отдавая себе отчет в том, что достижение «сто процентной» эквивалентности является, по существу, недостижимой задачей, неким идеалом, к которому он должен стремиться, но достичь которого ему никогда не удастся). Это, в свою очередь, требует от него установления «порядка очередности передачи значений», то есть определения того, что в пределах данного текста необходимо в первую очередь сохранить и чем можно пожертвовать в целях обеспечения максимальной эквивалентности. Хотя наиболее общий принцип очередности можно сформулировать как последовательность «референциальные значения — прагматические значения — внутрilingвистические значения», этот принцип нередко приходится нарушать, особенно при переводе текстов, имеющих преимущественно прагматическую или преимущественно внутрilingвистическую установку.

Таким образом, процесс перевода с этой точки зрения можно разложить на два основных этапа, соответствующих двум этапам в работе самого переводчика над переводимым текстом — этап **анализа** и этап **синтеза**. Сущность первого этапа заключается в понимании переводчиком значения (суммы или системы значений) исходного текста; сущность второго этапа — в выражении того же значения (той же суммы или системы значений) средствами иного языка. Первое, то есть понимание, предполагает установление иерархии языковой системы — от морфемы (в некоторых случаях даже фонемы или графемы) до всего текста в целом. Второе, то есть перевыражение понятого значения средствами иного языка, требует нахождения соответствующих единиц выражения того же значения на всех уровнях языковой иерархии в ПЯ. При этом, в силу расхождения в формальной и семантической структуре единиц ИЯ и ПЯ,

неизбежны многочисленные и сложные преобразования или трансформации; однако, памятуя, что любое преобразование сопряжено с определенной потерей информации, переводчик должен стремиться свести эти трансформации к разумному минимуму, насколько это позволяют нормы (лексические, грамматические и стилистические) ПЯ и экстралингвистические прагматические факторы. Образно выражаясь, переводчик вынужден все время лавировать между Сциллой буквализма и Харибдой вольного перевода, стараясь найти между ними тот узкий, но достаточно глубокий проход, идя которым, он сможет прийти к желанной цели — максимально эквивалентному переводу.

Таковы, в общих чертах, основные понятия предлагаемой нами семантико-семиотической модели перевода. Думается, что эта модель, в принципе, вполне может быть формализована; однако ее формализация мыслима лишь при определенных условиях, которые в настоящее время отсутствуют. Основным таким условием является разработка адекватной лингвистической теории значений, которая была бы достаточно строгой и формализованной. В этом отношении мы пока что весьма далеки от цели. Прежде всего, проблемы семантики разрабатывались до сих пор, главным образом, на материале лишь самых низких уровней языковой иерархии, преимущественно на уровне морфем и слов. О семантической структуре единиц более высокого порядка — словосочетаний, предложений и текста в целом — мы пока что имеем лишь весьма смутное представление. Между тем для теории перевода было бы особенно важным разработать принципы «интеграции» значений отдельных дискретных языковых единиц в пределах всего речевого произведения как единой системы — задача, к выполнению которой мы лишь начинаем приступать. Далее, теория семантики (семасиология) ограничивалась до сих пор в основном исследованием референциальных значений и почти не касалась других типов значений, то есть прагматических и внутри-лингвистических. В то же время понятие эквивалентности перевода подразумевает максимально полную передачу всей содержащейся в исходном тексте информации, а не только референциальных значений входящих в этот текст языковых элементов. Наконец, как для понимания, так и для выражения всей системы значений речевого произведения (текста) необходим учет и экстралингвистических факторов, определяющих процесс речевой коммуникации — предмета («темы») высказывания, участников коммуникативного

процесса («отправителя» и «получателя») и ситуации высказывания (время, место и условия, в которых протекает процесс коммуникации). Между тем мы даже не знаем, поддаются ли эти экстралингвистические аспекты речевой деятельности формализации и если да, то в какой форме она может быть осуществлена. Адекватная теория перевода, однако, не может строиться как исключительно микролингвистическая дисциплина, в отвлечении от внешних, неязыковых условий протекания речевого акта.

Все эти трудности, стоящие на пути построения точной и строгой семантико-семиотической модели перевода, реальны и весьма велики, но не непреодолимы. Мы полагаем, что указанная модель не только имеет право на существование, но в целом ряде аспектов может оказаться более сильной, чем иные модели. Известно, что попытки строить теорию перевода, исходя из единиц плана выражения («перевод лексических единиц», «перевод грамматических форм», «передача порядка слов» и пр.), оказались хотя и полезными, но, в целом, малоэффективными, ибо для перевода важно, прежде всего, **что** именно выражается, а то, **как** оно выражается, должно быть подчинено первому (как и вообще в любом акте коммуникации передаваемая информация является целью, а пути ее передачи — средством достижения этой цели). Поэтому достаточно адекватная и «сильная» модель перевода должна быть, прежде всего, моделью семантической; а поскольку семантика, то есть значение, есть функция знака, она не может не быть в то же самое время моделью семиотической. Это не значит, что никакой другой путь к изучению перевода невозможен. Перевод — слишком сложное и многостороннее явление, чтобы

полностью укладываться в неизбежно ограниченные рамки какой-нибудь одной модели или теоретической схемы. Чем больше будет таких моделей и схем, тем лучше, тем глубже мы сможем познать сущность перевода. Будем надеяться, в этой связи, что выдвинутые нами в данном исследовании положения и наблюдения окажутся небесполезными.

Есть, однако, и другая сторона вопроса — практическая Ценность исследований в области теории перевода. Для прикладной дисциплины, каковой является теория перевода, этот аспект имеет далеко не второстепенное значение. Как уже было отмечено, хотя теория перевода исходит из практики и, обобщая имеющийся в ее распоряжении материал, делает на его основе свои выводы, она в дальнейшем проецирует эти свои выводы на практику в виде оп-

235

ределенных рекомендаций или нормативных установок. Опираясь на практику, теория перевода в то же самое время прокладывает ей путь. Поэтому в наше время, когда профессия переводчика стала поистине массовой и когда с переводом, по сути дела, приходится — в той или иной форме — иметь дело всем, кто так или иначе связан с изучением иностранных языков или с видами работы, требующими применения знания иностранных языков, знакомство с основными положениями теории перевода совершенно необходимо для каждого, кто не желает работать в этой области вслепую и, так сказать, заново «открывать Америку» там, где она уже открыта усилиями других. Без научно обоснованной теории перевода ныне не может быть успешной переводческой практики — такова непреложная истина, которую бесполезно оспаривать. В то же самое время нельзя, конечно, наивно полагать, что знание положений и принципов теории перевода может заменить собой мастерство самого переводчика. Всегда следует помнить о том, что «...перевод — это нечто гораздо большее, чем наука. Это также и умение, а вполне качественный перевод, в конечном счете, всегда является и искусством.»¹

¹ E. Nida and Ch. Taber. *The Theory and Practice of Translation*, p. VII. (Перевод мой — Л.Б.)

236

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Общие вопросы

«Вопросы теории и методики учебного перевода». М., 1950. «Вопросы языкознания». М., 1970, № 4 (статьи Ю. Найды, А.Д. Швейцера.)

Комиссаров В.Н. Слово о переводе. М., «Международные отношения», 1973.

Ревзин И.И., Розенцвейг В.Ю. Основы общего и машинного перевода. М., «Высшая школа», 1964.

«Теория и критика перевода». Л., изд-во ЛГУ, 1962.

«Тетради переводчика», под ред. Л.С. Бархударова. М., «Международные отношения», №№1—11, 1963—1974.

Федоров А.В. Основы общей теории перевода. М., «Высшая школа», 1968.

Швейцер А. Д. Перевод и лингвистика. М., «Воениздат», 1973.

Catford J.C. A Linguistic Theory of Translation. Ldn., 1965.

Kade O. Zufall und Gesetzmässigkeit in der Übersetzung. Leipzig, 1968 (Beihefte zur Zeitschrift „Fremdsprachen")

Mounin G. Les problèmes théoriques de la tracluction. P., 1963.

Nida E. Toward a Science of Translating. Leiden, 1964.

Nida E., Taber Ch. The Theory and Practice of Translation. Leiden, 1969.

Английский язык

Бархударов Л.С., Жукова Ю.И., Квасюк И.В., Швейцер А.Д. Пособие по переводу технической литературы (английский язык). М., 1967.

Катцер Ю.М., Кунин А.В. Письменный переводе русского языка на английский, М., 1964.

Комиссаров В.Н., Рецкер Я.И., Тархов В.И. Пособие по переводу с английского языка на русский. Ч. 1. М., «Изд-во лит-ры на иностр. яз.», 1960, ч. 2, М., «Высшая школа», 1965.

Левицкая Т.Р., Фитерман А.М. Пособие по переводу с английского языка на русский. М., «Высшая школа», 1973.

237

Немецким язык

Роганова З.Е. Перевод с русского языка на немецкий. М. 1971.

Роганова З.Е. Пособие по переподу с немецкого на русский язык. М., 1961.

Французский язык

Гак В.Г. Беседы о французском слове. М., «Международные отношения», 1966.

Гак В.Г., Ройзенблит Е.Б. Очерки по сопоставительному изучению французского и русского языков. М., «Высшая школа», 1965.

Vinay J.P., Darbelnet J. Stylistique comparée du français et de l'anglais (métnode de traduction). P., 1958.

238

ОГЛАВЛЕНИЕ

От автора.....	3
Глава 1. Сущность перевода	
1. Предмет теории перевода.....	5
2. Сущность перевода.....	8
3. Место теории перевода среди других дисциплин.....	26
4. Виды перевода.....	46
Глава 2. Языковые значения и перевод	
1. Основы теории языковых значений.....	50
2. Языковые значения и перевод.....	70
Глава 3. Семантические соответствия при переводе	
1. Передача референциальных значений.....	74
2. Передача прагматических значений	106
3. Прагматический аспект перевода.....	125
4. Передача внутрilingвистических значений.....	133
5. Грамматические значения в переводе.....	143
6. Контекст и ситуация при переводе	169
Глава 4. Проблема единицы перевода	174
Глава 5. Переводческие трансформации	
1. Перестановки	191
2. Замены	194
а) Замены форм слова.....	195
б) Замены частей речи.....	195
в) Замены членов предложения.....	198
г) Синтаксические замены в сложном предложении.....	203
д) Лексические замены	210
е) Антонимический перевод.....	215
ж) Компенсация	218
3. Добавления	221
4. Опущения	226
Заключение.....	232
Список литературы	237

Леонид Степанович Бархударов

ЯЗЫК И ПЕРЕВОД

Редактор *В. П. Торпакова*

Издательский редактор *Н. И. Божанова*

Оформление художника *В. И. Алексеева*

Художественный редактор *Р. А. Козаков*

Технический редактор *И. Г. Макарова*

Корректор *Г. Г. Петропавловская*

Младший редактор *Е. И. Политова*

А 09534. Сдано в набор 3/Х 1974 г. Подписано в
печать 12/11 1975 г. Формат 84х108 1/32 Бумага тип.
№2, Усл. печ. л. 12.6. Уч.-изд. л. 13,15. Тираж
25000 экз. Изд. № 17/73 Ф.

Издательство «Международные отношения». 103031,
Москва, Кузнецкий мост, 24. Зак. № 672. Ярослав-
ский полиграфкомбинат «Союзполиграфпрома» при Го-
сударственном комитете Совета Министров СССР по
делам издательств, полиграфии и книжной торговли.
150014. Ярославль, ул. Свободы, 97.

Цена 80 коп.